

十

АЛТЕРНАТИВА

АЛТЕРНАТИВА

"ТАК ВОЗЛЮБИЛ БОГ МИР, ЧТО ОТДАЛ
СЫНА СВОЕГО ЕДИНОРОДНОГО,
ДАВЫ ВСЯКИЙ, ВЕРУЮЩИЙ В НЕГО,
НЕ ПОГИБ, НО ИМЕЛ ЖИЗНЬ
ВЕЧНУЮ. ИБО НЕ ПОСЛАЛ БОГ СЫНА
СВОЕГО В МИР, ЧТОБЫ СУДИТЬ
МИР, НО ЧТОБЫ МИР СПАСЕН
БЫЛ ЧРЕЗ НЕГО. ВЕРУЮЩИЙ В
НЕГО НЕ СУДИТСЯ, А НЕ ВЕРУЮЩИЙ
УЖЕ ОСУЖДЕН, ПОТОМУ ЧТО НЕ
УВЕРОВАЛ ВО ИМЯ ЕДИНОРОДНОГО
СЫНА БОЖИЯ.

СУД, ЖЕ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТО СВЕТ
ПРИШЕЛ В МИР; НО ЛЮДИ
БОЛЕЕ ВОЗЛЮБИЛИ ТЬМУ, НЕЖЕЛИ
СВЕТ, ПОТОМУ ЧТО ДЕЛА ИХ БЫЛ
ЗЛЫ."

(ИОАН. 3. 16-19).

SAN-FRANCISCO — МОСКВА
1964—1976.

ВСЕ В ЭТОМ МИРЕ ПРИЗЫВАЕТ, МАНИТ...
КУДА ИДТИ, ЗА КЕМ?
ПОЗАДИ 69, 71, 73 ГОДЫ, ВСЕ ПРОЧЕСЛОСЬ КАК
ВИХРЬ...
ВСЕ ПРОШЛО: ИДЕАЛЫ, ПРОТЕСТ, ДУРДОМ, ДРУЗЬЯ,
ЛЮБОВЬ.

А ВПЕРЕДИ ТУСКЛО, КРУГОМ ЛИПКОЕ МОРЕ ЗЛА И
ЛЖИ, БЕЗДНА СУЕТЫ... И СВИСТОПЛЯСКА МАСОК.
ТАК В ЧЕМ ЖЕ СМЫСЛ... И ГДЕ ЖИЗНЬ?
А ВЕРЬ ХОЧЕТСЯ БЫТЬ СВОБОДНЫМ, ЛЮБИТЬ И
БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ, А НЕ МЫЛЬНЫМ ПУЗЫРЁМ.
ВОТ ПРИЗЫВ СОВЕСТИ, КОТОРЫЙ ПРОЗВУЧАЛ
ОДНАЖДЫ И ДЛЯ МЕНЯ.

ALTERNATIVE — ЭТО НЕ КНИГА, ЭТО СБОРНИК
МНЕНИЙ, ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ВЗГЛЯДОВ О
ДВИЖЕНИИ ПРОТЕСТА: NIPPY; FLOWER-CHILDREN
JESUS-REVOLUTION.

ПЕРИОД С 64 ПО 76 ГОД.
ЭТИ ИСКАНИЯ И ПРОТЕСТЫ — МОЙ ПУТЬ И
МОЙ ПОИСК. ОДНАЖДЫ ОДИН ЧЕЛОВЕК
СКАЗАЛ, ЧТО НАДО КАЯТЬСЯ О ПРОШЛОМ, ЧТОБ
ЖИТЬ В БУДУЩЕМ.

ЭТОТ СБОРНИК ALTERNATIVE ЕСТЬ
ПРИЗНАНИЕ — ИСПОВЕДЬ.

ТЕ КТО БЕГАЛ ПО "СТРИТУ", ОБГЛАТЫВАЛСЯ
"КОЛЕСАМИ", ТОРЧАЛ НА "ПСИХОДРОМЕ", МЕНЯ
"ПОЙМУТ. Я ПОМНЮ ТЕХ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК
ВСЕ МЫ БЫЛИ БЕЗЗАБОТНЫ И СВОБОДНЫ, КАК
БАБОЧКИ И ЦВЕТОЧКИ НА СОЛНЕЧНОЙ ПОЛЯНЕ.
БЕГАЯ ПО "СТРИТУ" МЫ ПРИВЕТСТВОВАЛИ ДРУГ
ДРУГА, ПОДНИМАЯ ДВА ПАЛЬЦА:

VICTORY!
МЫ ПОБЕДИМ!
МЫ ПОБЕДИМ!!
НО НАС ПОБЕДИЛИ...

Я ПОСВЯЩАЮ ИМ ЭТОТ СБОРНИК.

ВСЕМ ТЕМ, КТО СЧИТАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ ПРОТЕСТОМ
И БОРЬБОЙ ПРОТИВ НАСИЛИЯ, СТАНДАРТА И РЕСПЕК-
ТАБЕЛЬНОСТИ. ВСЕМ ТЕМ, КТО МЕЧТАЛ О СВОБОДЕ,
СЧАСТЬЕ И ПОЛНОЙ ПОБЕДЕ ЛЮБВИ.

В ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО ЗАБЫТ И УШЕЛ БЕЗСЛЕДНО
ИЗ ЭТОГО МИРА, СПИВШИСЬ ИЛИ ПОКОНЧИВ ЖИЗНЬ
САМОУБИЙСТВОМ. ВСЕМ ТЕМ, КТО СЕГОДНЯ ПОБЕЖ-
ДЕН И ЗАДАВЛЕН ТЯПОЙ. ХОЧУ ПОМОЧЬ ПОНЯТЬ,
ЧТО "СТРИТ" НЕ КОНЧАЕТСЯ У "БЛИСЕЯ" А ИДЕТ
НА МНОГО ДАЛЬШЕ., К ГОРИЗОНТУ, К ВЕЧНОСТИ.

ВСЕМ ТЕМ, КТО ПРОТЕСТУЯ НЕ ПОНЯЛ, ЧТО ПРОТЕСТ
— ЭТО ВНУТРЕННИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ, А НЕ НАРЯД.
ПОЙМИТЕ, ЧТО ПРОТЕСТ ЕСТЬ НАЧАЛО ПОИСКА БОГА,
БОГА ЛЮБВИ, БЕДНЫХ...

Я ВСПОМИНАЯ, ГОВОРЮ ПРОСТИ, Я СКОРБЛЮ И ПЛАЧУ,
А ВПЕРЕДИ СВЕТ И РАДОСТЬ.

ХОЧУ ВСЕМ СКАЗАТЬ: "WE SHALL OVER COME"
ПУСТЬ ЭТОТ СБОРНИК ЯВИТСЯ НАДЕЖДОЙ ДЛЯ
ЗАБЛУДЯВШИХСЯ, УКОРОМ ДЛЯ ТЕХ КТО УШЕЛ,
РАЗОЧАРОВАВШИСЬ И НАПОМИНАНИЕМ ДЛЯ ТЕХ,
КТО ПОХОРОНИЛ СВОИ МЕЧТЫ.

МОСКВА 1976

1964-1976

GOLGOTHA
FREE LOVE

1973

1974

NOT

1968

HIPPIE

1966

SAN FRANCISCO
NON-VIOLENCE
FLOWER-CHILDREN

1964

ALTERNATIVE

Смиранный раб Христов святой Франциск, немного времени спустя после своего обращения - уже успел собрать много товарищей и принять их в Орден - погрузился в великую думу и в великое сомнение относительно того, что ему делать, предаваться ли только молитве, или иной раз и проповедовать; и сильно желал узнать волю Божию на это. А так как смирение его не позволяло ему положиться в этом на себя и на свою собственную молитву, то он замышлял узнать волю Божию через молитву других. Поэтому он позвал брата Массео и так сказал ему: - Поди к сестре Кларе и скажи ей от моего имени, чтобы она, с какой-нибудь из сильнейших духов сестер, усердно помолила Бога явить мне, что лучше для меня, предаваться ли проповеди или только молитве. Затем ступай к брату Сильвестру и скажи ему то же самое. - Тот был в миру господином Сильвестром; он видел золотой крест, исходящий из уст святого Франциска и длинной своей достигавший до неба, а боковыми частями до краев света. Этот брат Сильвестр отличался таким благочестием и такой святостью, что чего бы он ни просил у Бога, то и получал; и не раз беседовал он с Богом; и потому святой Франциск питал к нему великое почтение. Брат Массео отправился в путь и, согласно приказанию святого Франциска, передал поручение сначала святой Кларе, а затем брату Сильвестру. Последний, приняв поручение, в тот же миг повергся на молитву и, молясь, получил от Бога ответ, вернулся к брату Массео и сказал ему так: - Вот что говорит Бог и что ты скажешь брату Франциску: Бог призвал его на это служение не только ради него самого, но и для того, чтобы собрать затву душ и чтобы многие через него были спасены. - С этим ответом брат Массео возвращается к святой Кларе узнать, какой ответ она получила от Бога, и та сказала, что она и другие сестры получили от Бога тот же самый ответ, какой и брат Сильвестр. С этим возвращается брат Массео к святому Франциску; и святой Франциск принял его с величайшей любовью, умыл ему ноги и приготовил ему трапезу. А после нее святой Франциск зовет брата Массео в лес и там, встав перед ним на колени, и ставив плък, и сложив руки крестом, спрашивает его: - Что повелевает мне делать Господь мой Иисус Христос? - Отвечает брат Массео так: - И брату Сильвестру, и сестре Кларе, и ее единутробной сестре Христос ответил и открыл свою волю, чтобы ты шел в мир проповедовать; ибо он избрал тебя не ради тебя одного, но также ради спасения других. Тогда святой Франциск, выслушав этот ответ и узнав через него волю Христову, поднялся, объятый сильнейшим пылом, и сказал: - Идем во имя Божие. - И взял в товарищи брата Массео и брата Ангела, людей святых, и, идя со всей стремительностью духа, не разбирая ни дороги, ни тропы, дошли они до одного замка, который назывался Савурньяно. Святой Франциск стал проповедовать, приказав сначала распевавшим ласточкам, чтобы они молчали, пока он будет проповедовать, и ласточки послушались его. Он проповедовал там с таким пылом, что все мужчины и женщины из этого замка захотели оставить замок и идти вслед за ним. Но святой Франциск не позволил, сказав им: - Не торопитесь, не уходите отсюда, и я укажу вам, что вы должны делать для спасения душ ваших. - И тогда замышлял устроить третий орден, для общего спасения всех. И так, оставя их в великом утешении и расположив их к покаянию, он ушел оттуда, держа путь

между Армано и Везаньо. И идя с той же стремительностью дальше, он поднял глаза и увидел возле дороги несколько деревьев, на которых сидело прямо бесчисленное множество птиц; святой Франциск подивился этому и сказал товарищам: - Вы меня подождете здесь на дороге, а я пойду проповедовать сестрам моим птицам. - И, сойдя на поле, он начал проповедовать птицам, бывшим на земле, и тотчас же и те, которые сидели на деревьях, слетели к нему и стояли все вместе неподвижно, пока святой Франциск не кончил проповеди; и даже после того они не улетели, пока он не дал им своего благословения. И, как рассказывал после брат Массео брату Яюпо из Массы, даже тогда, когда святой Франциск прошел между ними, касаясь их одеждой, ни одна не тронулась с места. Сущность проповеди святого Франциска была в следующем: - Сестрицы мои птички, вы многим обязаны своему Создателю Богу, и всегда, и во всяком месте должны славословить Его: за то, что Он дал вам свободу летать на простор, а также дал вам двойную и даже тройную одежду; после, за то, что Он сохранил семя ваше в Ноевом ковчеге, чтобы род ваш не прекратился на земле; еще вы обязаны ему воздушной стихией, которую Он отдал вам. Кроме того, вам не нужно ни сеять, ни жать, и сам Бог пасет вас и дает реки и источники для питья, и дает вам горы и долины, как убежище, и высокие деревья для ваших гнезд; и, зная, что вы не умеете прясть и шить, Бог сам одевает вас и ваших детей, и, значит, сильно любит вас Творец, раз Он дает вам такие блага; и потому берегитесь, сестрицы мои, греха неблагодарности и всегда старайтесь славословить Бога. - Пока святой Франциск говорил им эти речи, все, какие были птицы, пораскрывали рты, повытянули шеи, приподняли крылышки и почтительно наклонили головки к земле и движениями своими и пением начали показывать, что речи святого отца доставляют им величайшую усладу. Вместе с ними взыграл духом и святой Франциск, и радовался, и дивился такому множеству птиц, а также их красивому разнообразию, их вниманию и доверчивости: за это благоговейно восславил в них Творца. Окончив проповедь, святой Франциск совершил над ними знамение креста и отпустил их; и тогда все эти птицы, стаяй, поднялись на воздух с дивными песнями и затем, согласно знамению креста, которое совершил над ними святой Франциск, разделились на четыре части: одна часть полетела на восток, другая на запад, третья на юг, четвертая на север, и каждая стая летела с дивными песнями. Это обозначило: как святой Франциск, знаменосец Христа, держал перед ними проповедь и осенил их знамением креста, согласно которому они с пением разделились на четыре части света, - так и проповедь Креста Христова, обновленная святым Франциском, должна была через него и через братьев его разнестись по всему миру; а братья эти, как птицы, не имевшие никакой собственности в этом мире, должны поручить свою жизнь одному только Провидению Божию. Во славу Христа. Аминь.

MAKE
FLOWER
NOT
WAR.

ПРИЗРАЧНЫЙ МИР, ЖЕСТОКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

о "детях-цветах", их продавцах и покупателях

Время моего недавнего пребывания в Лондоне было ограничено двумя неделями и насыщенной программой. В нее входило чтение лекций на тему "Писатель и общество", участие в телевизионной дискуссии Би-би-си и /вместе с аккредитованными в Англии советскими журналистами/ встреча "Вопросы и ответы", на которую мог прийти каждый желающий.

Но в предлагаемой статье намерен рассказать не об этом. Направляясь в Лондон, я поставил перед собой одну "сверхзадачу". Мне очень хотелось составить себе представление об английской молодежи 1967 года. Точнее, об одном весьма странном, на первый взгляд, движении среди определенной части этой молодежи, называемом "дети-цветы".

"Молодежь" - слишком емкое слово. "Дети-цветы", о которых пойдет речь, это, конечно, не вся английская молодежь, а очень небольшая ее часть. Более того, в Англии есть тысячи, десятки тысяч молодых людей, с движением этим не имеющих ничего общего и относящихся к нему иногда резко отрицательно, иногда со снисходительной иронией, иногда просто равнодушно.

И если я посвящаю свою статью "цветам", то не потому, что вижу в них современную молодую Англию, нет, это было бы нелепо, но потому, что давнее явление отражает определенную грань жизни в современном буржуазном обществе и дает повод для серьезных размышлений.

Итак, что же я знал об этом, так сказать, экзотическом феномене до того, как встретился с ним очию?

Мне было известно, что существует английское слово "хиппи", которое происходит от сленгового "хеп", означающего "знать", "понимать", "проникать в суть".

Звук "е" перешел в "и", и слово "хиппиз" стало обозначать участников некоего молодежного движения, а может быть, точнее - моды, возникшую совсем недавно, примерно год назад, в США, в Сан-Франциско, но быстро "перелетевшую" через океан.

Ныне признанным центром "хиппиз" стала Англия, - не привилось только слово. Английские "хиппиз" стали называть себя "флориды" - "дети-цветы".

Это во-первых.

Во-вторых, я слышал, что "цветы" отличаются от "битников" экзотичностью нарядов и склонностью к употреблению наркотиков.

Это во-вторых.

И наконец, если для поведения "битников" была характерна подчеркнутая агрессивность, то "цветы" скорее склонны к меланхолии, замкнутости и сами по себе шума не производят, если не считать колокольчиков и бубенцов, которыми нередко себя увешивают.

Вот, пожалуй и все, что я знал. Немного, чтобы составить более или менее цельное представление о новом явлении, но более чем достаточно, чтобы пробудить интерес к дальнейшему с ним знакомству.

Об этом своем желании я и сказал миссис Пертон, деятельнице Общества культурных связей с СССР, которая обедала по-

Разговора не получалось. Передо мной стоял не социолог, не философ, а бизнесмен.

...Я вернулся домой под утро. Когда Кинтон подвез меня к гостинице, я еще долго не вылезал из его маленькой машины, стараясь получить от Райяна некоторые общие, так сказать, объяснения всему недавно увиденному мною.

- Вы получите их завтра, - сказал Кинтон. - Завтра вам предстоит посетить "Индика-шоп".

- Что это такое?

- Увидите.

Мы попрощались.

"Индика-шоп" - название книжного магазина. Но здесь продаются не только книги. Большой зал отведен для выставки и продажи плакатов. Плакаты разных стран, разных времен. В том числе и репродукции советских революционных плакатов.

Магазин как магазин?

Нет. Это нечто вроде идейного центра "детей-цветов". Это также база для распространения специальной газеты - да, да, газеты, которая носит название "

- "Международный таймс", сокращенно "ИТ", и является своего рода "Ц.О." "цветов": " " - английское местоимение "оно", "то". Следовательно, вы можете читать название газеты как вам заблагорассудится.

Одного из организаторов магазина и хозяев газеты зовут Билл. Это человек лет тридцати. Мы знакомимся.

Я говорю ему:

- Вот что, Билл, по приезде домой я попробую рассказать читателям "Литературной газеты" о "детях-цветах". Разумеется, я попытаюсь как-то осмыслить это явление. Но прежде всего мне хочется предоставить возможность самим "цветам" сказать то, что они о себе думают. Поэтому я взял с собой этот маленький магнитофон. Мне хотелось бы записать наши разговоры. С тем, чтобы потом воспроизвести их без всяких искажений. Вы не возражаете?

Он не возражает. Мы спускаемся в подвальное помещение. На двух больших столах разложены книги и кипы газеты "ИТ".

Я: Скажите, пожалуйста, Билл, что это за магазин, что означает его название?

Билл: Магазин называется "Индика-шоп". Слово "индика", точнее "каннабис-индика", - это индийское название наркотика, известного на Западе под именем марихуана. Один из организаторов магазина является и издателем "Интернэшнл таймс".

Я: Расскажите о себе. Кто вы по профессии?

Билл: Учитель. В течение некоторого времени я преподавал в одном из американских институтов. Но вынужден был уйти.

Я: Почему?

Билл: Я разочаровался в системе, как таковой. Установившийся характер преподавания или ... скажем шире ... самой жизни не дает положительных результатов. Я не чувствовал никакого самоудовлетворения.

Я: Расскажите о программе вашей газеты. Что вы отстаиваете? В чем пытаетесь убедить людей? Каков, так сказать, ваш символ веры?

Билл: Если говорить коротко, мы хотим, чтобы люди жили, сохраняя чувство достоинства и веселясь.

дая причудливую игру простейших организмов? Представьте себе это зрелище в цвете и увеличенное в миллионы раз. Нечто напоминающее амёб, протоплазму, дождевые капли и черт знает, что еще появлялось на киноэкранах. Эти "нечто" делились, вытягивались и сужались в размерах, размножались, умирали и появлялись снова - синие, красные, зеленые, оранжевые; джаз на эстраде рвал барабанные перепонки, и под всем этим в клубах дыма, сигаретного и еще какого-то другого, едкого и чуть сладковатого, танцевали люди - юноши и девушки.

Их одежда? Представьте себе, что были разом ограблены костюмерные и бутафорские мастерские Большого и Малого театров, и "грабители" впопыхах напялили на себя одежды всех веков, и народов, предварительно смешав все эти фраки, латы, мини-юбки, лохмотья, индийские сари, цыганские шали, балльные платья, шорты, плащи, лорнеты, монокли, бусы, фальшивые диадемы, короны, перики и бог весть что еще.

Они танцевали. Нет, не все. Большинство стояло у стен, точно застыв в транс, но в центре зала происходило нечто напоминавшее вальсургиеву ночь. Примерно тридцать-сорок молодых людей обоих полов производили странные конвульсивные движения, по сравнению с которыми добрый старый "рок-н-ролл" и самый "горячий" "шейк" выглядели бы похожими на вальс в дореволюционном институте благородных девиц.

Это был даже не "фруг", не "ватуси" - наиболее современные вариации спазматического жанра в танце. "Это" вообще не было танцем, даже в отдаленном к нему приближении. Это были конвульсии в их чистом, клиническом, так сказать, проявлении.

Каждый "танцевал" сам по себе. Не было ни партнеров, ни партнерш. Каждый конвульсировал в одиночку. Я выбрал одну из "веселящихся единиц" и стал непрерывно за ней наблюдать в течение нескольких минут. Это было существо женского пола, возраст которого даже приблизительно не поддавался определению из-за густо положенного грима. Этот грим превращал лицо в ровную блеклую маску, и только на лбу у этой маски красовался отпечаток какого-то многолепесткового цветка.

Несколько позже меня познакомили с одним из организаторов, а может быть, и хозяев клуба. Это был мужчина лет тридцати, хорошо подстриженный, в скромной темной рубашке, заправленной в брюки, и аккуратно повязанном галстуке.

- У меня к вам только один вопрос, - сказал я после того, как мы познакомились и обменялись несколькими общими фразами, - что приводит сюда этих ребят?

Мой собеседник молчал.

- Желание послушать музыку и потанцевать?.. - продолжал спрашивать я. - Секс?.. Наркотики?.. Алкоголь?.. Или просто некое чувство стадности, возникающее как противовес "некоммуникабельности" людей, о которой так модно говорить сейчас на Западе?

Мой собеседник пожал плечами и ответил:

- Всего понемногу.

Но одного больше, другого меньше, не так ли? - допытывался я. - Скажем, влияния алкоголя я почти не замечаю. Пьют, по-моему, мало или почти не пьют, хотя у вас тут есть и бар. У нас бы его быстро осушили.

- Серьезно? - оживился мой собеседник. - Жаль, что мне не разрешат открыть у вас бар...

Разговора не получалось. Передо мной стоял не социолог, не философ, а бизнесмен.

...Я вернулся домой под утро. Когда Кинтон подвез меня к гостинице, я еще долго не вылезал из его маленькой машины, стараясь получить от Райяна некоторые общие, так сказать, объяснения всему недавно увиденному мною.

- Вы получите их завтра, - сказал Кинтон. - Завтра вам предстоит посетить "Индика-шоп".

- Что это такое?

- Увидите.

Мы попрощались.

"Индика-шоп" - название книжного магазина. Но здесь продаются не только книги. Большой зал отведен для выставки и продажи плакатов. Плакаты разных стран, разных времен. В том числе и репродукции советских революционных плакатов.

Магазин как магазин?

Нет. Это нечто вроде идейного центра "детей-цветов". Это также база для распространения специальной газеты - да, да, газеты, которая носит название "

- "Международный таймс", сокращенно "ИТ", и является своего рода "Ц.О." "цветов": " " - английское местоимение "оно", "то". Следовательно, вы можете читать название газеты как вам заблагорассудится.

Одного из организаторов магазина и хозяев газеты зовут Билл. Это человек лет тридцати. Мы знакомимся.

Я говорю ему:

- Вот что, Билл, по приезде домой я попробую рассказать читателям "Литературной газеты" о "детях-цветах". Разумеется, я попытаюсь как-то осмыслить это явление. Но прежде всего мне хочется предоставить возможность самим "цветам" сказать то, что они о себе думают. Поэтому я взял с собой этот маленький магнитофон. Мне хотелось бы записать наши разговоры. С тем, чтобы потом воспроизвести их без всяких искажений. Вы не возражаете?

Он не возражает. Мы спускаемся в подвальное помещение. На двух больших столах разложены книги и кипы газеты "ИТ".

Я: Скажите, пожалуйста, Билл, что это за магазин, что означает его название?

Билл: Магазин называется "Индика-шоп". Слово "индика", точнее "каннабис-индика", - это индийское название наркотика, известного на Западе под именем марихуана. Один из организаторов магазина является и издателем "Интернэшнл таймс".

Я: Расскажите о себе. Кто вы по профессии?

Билл: Учитель. В течение некоторого времени я преподавал в одном из американских институтов. Но вынужден был уйти.

Я: Почему?

Билл: Я разочаровался в системе, как таковой. Установившийся характер преподавания или ... скажем шире ... самой жизни не дает положительных результатов. Я не чувствовал никакого самоудовлетворения.

Я: Расскажите о программе вашей газеты. Что вы отстаиваете? В чем пытаетесь убедить людей? Каков, так сказать, ваш символ веры?

Билл: Если говорить коротко, мы хотим, чтобы люди жили, сохраняя чувство достоинства и веселясь.

Я: Вы думаете, что это возможно в вашем сложном и противоречивом мире?

Вилл: Нет, но я думаю, что мы должны переделать мир.

Я: Каким путем?

Вилл: Ну... во-первых, путем внутренней реорганизации души человека. Каждый должен переделать самого себя. Во-вторых, убедить других людей в необходимости переделки.

Я: Допустим. Но все же, как это практически делается и кто должен убеждать людей?

Вилл: Ну, скажем, вот эти три девушки...

Я оборачиваюсь и... застываю от изумления.

У стены на скамье тихо сидят, прижавшись к стене, три девушки. Очевидно, они вошли во время нашего разговора.

Поверьте, тут было чему удивляться. Лица девушек украшали - если только это слово здесь уместно - изображения цветов на лбу и на щеках. На их шеях висели колокольчики. Длинные цветастые кофты спускались до колен, почти скрывая юбки, виднелась одна бахрома. Несмотря на холодный осенний день, все они были босиком. На ступнях ног - также изображения цветов. На одной из девушек была огромная старомодная слегка придавленная соломенная шляпа.

Вилл: Эти девушки пришли сюда за нашей газетой. Они пойдут ее продавать. Этим я косвенно отвечаю на ваш вопрос "как это практически делается". Впрочем, вы можете, если хотите, поговорить с ними сами.

Я /нерешительно поднимая микрофон/: Здравствуйте, девушки. Я советский писатель. Интересуюсь "детьми-цветами". Хотел бы по возвращении на родину рассказать, что это такое. Кроме того, у меня есть двое детей, сын студент и дочь школьница. Возможно, они будут расспрашивать меня о вас. Я предпочел бы, чтобы они сами с вами поговорили. Но их здесь нет. Если вас не смущает эта штукавина /кивок на микрофон/, я мог бы потом дать им возможность послушать вас самих. Не возражаете?

Первая девушка /в шляпе/: Нет. /чуть слышно/.

Я /бодро/: Ну вот и отлично. Прежде всего, как вас зовут?

Первая девушка /чуть громче/: Сюзи. А ее - Кетти, а ее - Дэйви.

Я: Сколько вам лет?

Сюзи: Пятнадцать. Им - тоже.

Я: Вы учитесь в школе?

Сюзи: Да. В пятом классе.

Я: Ну, а теперь скажите, в чем вы все-таки видите свою цель жизни, ну, к чему вы стремитесь?

Долгое молчание. Потом -

Дэйви: Ну... чтобы люди жили красиво... переделать... мир.

Я: Но, дорогие девушки, как переделать? Ведь вы знаете, что в мире много зла - войны, расовая дискриминация, власть денег...

Кетти: Мы не любим этот мир. Мы хотим его переделать...

Я: Но как, чем? При помощи этих колокольчиков? Или вы думаете, что эта валя... ну, скажем, несколько необычная манера одеваться заставит людей делать добро?

Сюзи: Надо, чтобы люди забыли о деньгах, перестали ду-

мать только о себе и не обижали других. Ну, а насчет одежды... разве вам нравится, когда все люди одеты скучно, однообразно, одинаково?

Я: Гм... А вам не холодно ходить босиком?

Кэтти: А так гораздо удобнее. Попробуйте сами...

Вилл: Теперь им пора идти. Вот вам газеты, девушки...

...Я уходил из "Индика" в полном смятении. Что же это все-таки - "дети-цветы"? Наивная смесь толстовства со своего рода футуризмом? Иисус Христос пополам с Бодлером? Евангелие, украшенное "цветами зла"? А может быть, не стоит ломать себе голову, не проще ли назвать этих ребят богемой, бездельниками, накипью капиталистического мира и поставить на этом точку? Эти жалкие, размалеванные, похожие на огородное пугало подростки, лепечущие что-то о "переделке" мира!... Ну стоит ли об этом говорить всерьез? Были "сердитые молодые люди", их сменили "битники" и "хипстеры", теперь появились "цветы"... Мода! И это пройдет...

И все же...

- Не дадите ли вы мне, Вилл, комплект вашего издания? Может быть, из него я сумею почерпнуть более...

- Охотно, - прерывает меня Вилл. Из разложенных газетных кип он быстро берет по одному экземпляру. Теперь у него в руках довольно внушительная пачка. Он передает ее мне.

- Вот, возьмите...

Она лежит передо мной - пачка газет "Интернэшнл таймс". Итак, каков же "символ веры" "детей-цветов"? Кто их духовные вожди? Куда ведут они свою паству? О чем же пишут в этих номерах?

Попробую изложить их главное содержание более или менее компактно.

В одном из последних выпусков за прошлый год опубликовано обращение к... королеве Англии. Точнее, своего рода декларация. О чем?

Во-первых, о том, что "поэзия как художественное развитие языка является конкретной альтернативой в двуховном вакууме современной повседневной жизни".

Во-вторых, о том, что "каждый человек - мужчина, женщина и ребенок, живущий среди нас, - уже поэт, - на самом деле или потенциальный".

В-третьих, о том, что:

"Те же слова, которые повседневно употребляются для сознательного насаждения зла и разделения людей, могут быть посредством поэзии использованы для создания единства и красоты".

Затем следует перечень проблем, которые, "по нашему мнению, недостаточно или неудовлетворительно разрешены в безоговорочно принятой системе политики, дипломатии и финансов".

Какие же проблемы? Вот некоторые из них.

- Взаимопонимание и необходимость избегать вооруженных конфликтов.

- Монополизация светской и духовной жизни бизнесменами через посредство правительства, с одной стороны, духовенства и церкви - с другой.

- Отказ в предоставлении поэтам права играть справедливую роль в современной демократии.

- Узаконение таких архаических институтов, оскорбительных для интеллектуальной жизни, как короли, королевы и т.д.,

поддерживаемых капитализмом и... коммунизмом.

- Снятие "табу" с таких сфер, как секс, смерть, наркотики, ликвидация всяких границ, превращение любви в постоянно возвышенное и оригинальное чувство.

Я выписал наиболее кардинальные, программные, так сказать, пункты декларации. В передовой говорится, что "обращение к королеве" либо составлено американским поэтом Паоло Лиони еще в 1965 году, подписано 21 поэтом и ныне перепечатывается, поскольку выражает мнение "хиппиз" - "детей-цветов".

Итак, короли, королевы, капитализм, коммунизм, борьба против "вооруженных конфликтов", поэзия, свобода, секс, наркотики, антиклерикализм, любовь - все смешано в одну кучу. Впрочем, подождем...

Читаем дальше. Специальная колонка посвящена обмену информацией по требителям наркотиков. Деловито перечисляются растения и травы и их наркотическое действие. Рассказ о Лондоне как о городе, символизирующем... мужское начало. Иллюстрации - сюрреалистические рисунки, фотографии унитазов. Рассказ о некоем Герберте Хуфф - "потенциальном поэте". Он специализируется на "поисках правды" - собирает стихи и надписи, нацарапанные на стенах уборных. И сам украшает эти стены своим творчеством. "Пусть он продолжает царапать", - патетически восклицает автор очерка, - ибо "Герберт Хуфф, великий молчаливый наблюдатель, не спевший своих песен поэт, вооружен сознанием того, что в обществе мы всегда фальшивы и наше подлинное "я" явственнее видно на стенах уборных".

Другой номер газеты. Открывается выдержками из выступления Эзры Паунда по радио в Италии во время войны. Вот две из них: "Гитлер учил немцев хорошим манерам". "Я вижу, как Рузвельт и его евреи захватывают мировую торговлю".

Значит, еще и апология фашизма, и антисемитизм?

Нет. Оказывается, дело в другом. В примечании поясняется, что поскольку Паунд был осужден американцами за предательство и сотрудничество с фашизмом, то, значит, он относится к числу "гонимых".

А "цветы" - за гонимых. "Надо прощать всем".

Еще одна полоса /в другом номере/. Против цензуры. Почему? Она запрещает порнографию. Рядом статья некоего Дэвида Майровича в защиту порнографии.

Итак, наркотики, порнография, защита всех "гонимых", в том числе и фашистов? И это все? Нет, опять-таки нет.

Одна из передовых статей посвящена событиям во Вьетнаме. Критикуются как не достигшие цели всевозможные митинги протеста, сборы средств в пользу сражающегося Вьетнама и т.д. Ибо "какими бы крайними ни были выражения протеста, они остаются лишь жестами до тех пор, пока продолжается война во Вьетнаме, не удовлетворены гражданские права, не разрешен жилищный вопрос, да и вся проклятая государственная машина продолжает беспрепятственно катиться вперед". Сказано довольно-таки определенно.

Что же делать? Надо, чтобы "десятки тысяч бездомных" отправлялись "к Букингемскому дворцу, мимо разряженной стражи, причем женщины и дети должны идти впереди. Вот тут-то наше представление и должно начаться. Мы можем разработать более мягкие и возможно более эффективные методы, нежели штурм здания. Мы должны дойти до того предела, когда угрозой революции мы можем вызвать революцию".

Видите как!...

Рядом подборка писем: "В защиту непристойности". Разворот - он предоставлен американскому поэту Аллену Гинзбергу, выступающему в качестве "духовного вождя" "хиппиз".

Затем "спецколонки". "Колонка сна". "Колонка лунатика". "Магические кроссворды".

Следующий номер. Обличает полицию. Главным образом зато, что она конфискует "ИТ", сажает в тюрьму "наших парней" по обвинению в курении и пропаганде наркотиков. Предостережение: переодетые в штатское полицейские проникают в курильни.

Объявления:

"Любящая, маленькая, восемнадцатилетняя, с огромной волей к жизни и очень длинными волосами, ищет друзей особого пола, которые помогли бы ей оправиться после разрыва с женихом". "Хладнокровный юноша 20 лет, воспитанный в Бирмингеме, ищет миролюбивую опытную женщину для совместных развлечений. Национальность, внешность не имеют значения". "Девушки с головой или потерявшие ее желательны для случайных половых связей".

И рядом:

"Хиппиз" борются за перемены в социальном строе, "ибо перемен жаждут все".

Что ж, заклеим "хиппиз"? Посмеемся над ними - халкими, размалеванными, одетыми, как огородное пугало, немытыми подростками? Разоблачим их "верования" - эту наивную, нелепую, причудливую смесь либерализма, эпатижа, всеядности, эротики, смешную и убогую, как одежда "человека-цветка"? Нет, давайте подождем. Посмеяться мы успеем всегда. Сначала подумаем, поразмыслим.

В последние годы в иностранной интеллектуальной, так сказать, прессе все чаще и чаще мелькают такие слова, как "отчуждение", "некоммуникабельность". Для марксистов первое слово не ново. Потому что именно молодой Маркс, анализируя характер отношений между людьми, возникающих в капиталистическом обществе, описал странный, но вполне объяснимый феномен. Смысл отчуждения, если иметь в виду социально-политическую жизнь общества, заключается в стихийности его развития, в беспомощности человека перед созданными им неконтролируемыми силами. При этом в сознании людей их подлинные отношения искажаются.

Отчуждение - каинова печать классового общества. Не удивительно поэтому - впрочем, это уже другой вопрос, - что наши идеологические оппоненты всячески стараются объявить эту философскую концепцию всеобщей, распространить ее и на мир социализма. "Некоммуникабельность", то есть концепция одиночества человека в буржуазном обществе, тесно примыкает к понятию отчуждения и является темой многих современных книг и кинофильмов, выходящих на Западе.

Мне кажется, что движение /назовем его, если угодно, модой, манерой поведения/ "детей-цветов" является одной из иллюстраций отчуждения.

Лежащее в первооснове чувство законного протеста против "идиотизма" буржуазного мира преломлено в сознании "цветов" сквозь призму искаженных представлений. И в результате - совмещение несовместимых чувств и потребностей. наивная и убогая эскапада.

Врач не может ненавидеть или высмеивать больного, открытого язвами проказы.

Советский человек не может, не должен с высоты своих социальных знаний, с вершины своего, основанного на здоровой духовной основе общества высмеивать "хиппиз", в умах которых ужасающе искаженные представления, посеянные практикой капиталистического бытия, прессой, кино, радио и телевидением, породили в свою очередь новые искаженные представления о возможностях выхода из тупика.

Но трагедия не только в самом существовании "хиппиз", в похожей на лоскутное одеяло "теории" и "практике" "детей-цветов". Трагедия простирается дальше.

Для современного развитого буржуазного общества характерен своего рода "мидасов комплекс". Способность легендарного короля превращать своим проникновением в золото все — не только мертвое, но и живое — усовершенствована мидасами современности. Они пытаются — и безуспешно — превратить в предмет потребления все и вся, хотя бы это противоречило здравому смыслу и нормальным человеческим потребностям.

О, если бы дело ограничивалось тем, что мощная рекламная индустрия Запада заставляет человека приобретать все новые и новые, почти не отличающиеся друг от друга предметы, залезать для этого в неоплатные долги, подчиняя каждой приобретению свою жизнь!...

Нет, дело не только в этом. Трагедия усугубляется тем, что предметом потребления, товаром становится и все то, из чего складывается духовная, интеллектуальная жизнь человека.

Если доходы приносит апология капитализма, она станет бизнесом. Если доходы может принести критика капитализма /разумеется, хорошо организованная, красиво упакованная критика/, то и она становится товаром, включается в "систему потребления".

Миллионы людей в буржуазном обществе негодуют в связи с расширением потребления наркотиков, видя в этом угрозу не только будущему поколению, но и своим детям. И газеты, радио, телевидение, учитывая эту ненависть, снабжают потребителя тысячами подробностей о "героической борьбе" полиции против торговли наркотиками.

Но немало людей слабых, отчаявшихся в жизни ищут забвения в призрачном мире марихуаны или ЛСД. И опять-таки всепроникающая индустрия рекламы, в широком смысле этого слова, продает этим людям "научно обоснованные" статьи, передачи и зрелища, прославляющие "смелость" человека, "преступающего запретное", живописующие "мир грез и символов", открывающий перед наркоманом.

Да, само существование "хиппиз", этих "цветов", возросших на почве больного общества, овеянных сладковатым запахом наркотических испарений, отражает и стремление людей вырваться из идиотизма повседневной буржуазной жизни, и в то же время их искаженные этой жизнью представления о том, как и где искать выход.

Сами фактом своего существования "дети-цветы", сами того не ведая, превратились в породившем их обществе в товар.

Современные мидасы хорошо знают, как растлевать души. Молодежь хочет свободной, яркой жизни, она голосует против войны, против расовой дискриминации, она хочет свободы от ли-

цемерия и лжи буржуазного общества...

Что и, это надо использовать. Хотите жизни яркой, небудничной, веселой?...

И в сотнях газет и журналов воспроизводится одежда "детей-цветов", заманчивые описания ночных клубов с их оглушающей музыкой следуют одно за другим - туда, туда, идите туда! Капитализм, коммунизм, классовая борьба, войны - все это одинаково плохо, в мире наркотиков, в конвульсиях танца найдете вы подлинную свободу...

Те же бизнесмены, которым шлет проклятия в своих декларациях "дети-цветы", поощряют их существование. Как грибы из-под дождя, растут клубы для "хиппис", партиями отгружаются колокольчики для "хиппис", магазины готового платья снабжают "хиппис" кофтами, юбками, расшитыми всеми цветами радуги, торговцы наркотиками опутывают "цветы" своей паутиной.

Идеологи "цветов" думают, что они вдеют поколение или часть его. Но на самом деле и этих "идеологов", и идущих за ними подростков ведут совсем другие люди. Эти джентльмены неброско, rispetтабельно одеты, они с презрением относятся к мальчикам и девушкам, предающимся пляскам святого Витта в подвалах и голубятнях, ночных клубах, они вовремя ложатся спать и не потребляют наркотиков. Но они, опытные дельцы, почувяли в "хиппис" товар и будут продавать его до тех пор, пока существует спрос.

Нет, не для того, чтобы посмеяться над некоторыми из молодых лондонцев, написал я эту статью.

Пусть она послужит поводом для размышлений. Об обществе, на чьей жестокой, каменной почве произрастает чахлая цветы. О том, как жестоки продавцы этих цветов.

И том, кому все это на пользу.

КАК ЗМЕИ, СБРОСИВШИЕ КОЖУ

Маленькие коробки
на склоне холма,
Маленькие коробки,
склеенные из пластика,
Маленькие коробки
на склоне холма,
Много коробочек, и все
на одно лицо.
Вот зеленая и розовая,
и голубая и белая.
И все они склеены из пластика,
И все они выглядят
на одно лицо.

Странный парень, и поет как-то странно - залихватски,
весело подыгрывая на гитаре, а песня-то, если разобраться,
невеселая:

В этих коробочках живут
люди.
Они учатся, женятся,
рожают детей
В коробочках-домиках,
склеенных из пластика.
И все они выглядят
на одно лицо.

Певец перебирает струны, искоса поглядывая на слушателей. Ухом приник к грифу гитары. Правую ногу, обутую в пляжную тапочку, утвердил на складном стуле. Чудной парень. Эдакий цыганский барон. Косматые волосы до плеч, вьются мажарские усы. Одет в оранжевую рубашку с гирляндами фиолетовых бус на груди и синие брэнки, расклепанные до невероятной ширины. Он возвышается на эстрадном помосте в сквере, где почти круглосуточно маячат самодеятельные барды. Рядом, на краю помоста, пристроились друзья живописного парня - такие волосатые хиппи.

В этот утренний час на площадке Томпкинс-сквера прохладно и пусто. Туман застрял в сникших ветвях вязов. Посетителей мало - несколько человек на скамейках до курчавый малыш негр-итенок у помоста - по воскресеньям Нью-Йорк просыпается поздно. Но малочисленность аудитории, видно, не смущает певца. Он поет для себя и своих приятелей:

И люди из домиков учились
в университетах,
Где их поместили
в коробочки-клетки
И сделали всех на одно лицо.
Вот доктор, вот юрист, вот
клерк, вот бизнесмен.
И все они слеплены
из одного теста,
И все они выглядят
на одно лицо.

Я видел эти домики в пригородах Нью-Йорка, Вашингтона, Сан-Франциско, где пустил корни так называемый "средний класс". Добротные, чистенькие, отгороженные от асфальта улицы зеленой лужайкой, они так и светятся зажиточностью и довольством. Крутится на подстриженном газоне вертушка, рассыпая сверканье водяной пыли. У дверей солидно поблескивают бронзовые дощечки:

"Стюарт Ландэн, доктор медицины".

"Джон Меррил, юрист".

"Сол Ароновиц, дантист".

Умиротворенность, довольство, благополучие... Но почему нет покоя под крышами многих из этих домов? Почему тревогой и растерянностью дышат признания их обитателей в разговорах с соседями, друзьями, с журналистами, сумевшими "войти внутрь" этой жизни преуспевающих американцев? Раздраженные укоры в адрес молодежи, горькие сетования наполняют сотни, тысячи статей и социологических исследований о "некоммуникабельности поколений", "отчуждении молодежи", "крушении идеалов американизма".

Жалкая и в то же время патетическая фигура бледнолицего хиппи - добровольного изгнанника из мира благополучия и меркантилизма - стала примечательной деталью американских улиц и площадей. В Нью-Йорке кочующая публика облюбовала район нижнего Ист-сайда; Гринвич-виллидж, Томпкинс-сквер и прилегающие к ним улицы - старые кварталы, где всегда владычествовали художники, поэты и студенты.

Может быть, где-то здесь нашла себе пристанище и Пэтси Спанголо, пятнадцатилетняя девушка из далекого штата Аризона? Во всяком случае родители Пэтси этого не исключают...

Я листал "Виллидж вайс" - любопытную газетку богемно-радикального толка, одну из тех, что появились в последние годы во многих американских городах. Со страниц, испещренных объявлениями о конкурсах красоты, сбегавших котах, пропавших немецких овчарках, утерянных сумочках, смотрела девочка: челка до бровей, блестящие глаза, неуверенная улыбка в уголках губ.

"Пэтси Спанголо, беглянка, - сообщила надпись, - Вознаграждение 1.000 долларов тому, кто сообщит о местопребывании девушки. Рост - 5 футов 6 дюймов. Вес 120-125 фунтов. Волосы - когда видели в последний раз - каштановые, могут быть крашеные.

Мы любим тебя, Пэт, тоскуем по тебе. Вернись, пожалуйста, домой".

Не знаю, нашлась ли Пэтси Спанголо. И если нашлась, произошло ли счастливое воссоединение родителей с дочерью. Роузеница Пэтси - Крис Джекобс из Калифорнии встретила в конце концов с отцом и матерью, но эта встреча не развеяла тревоги в доме мистера Джекобса, управляющего небольшой, но процветающей строительной фирмой.

В одно ясное, солнечное утро Крис, как всегда, ушла в школу. Она собиралась в тот день как-то особенно тщательно, вспоминала потом миссис Джекобс, встала раньше обычного, старательно причесалась, надела свое любимое платье - голубое в розовых стрекозах, что ей купили тремя неделями раньше. К

дню рождения. Из школы она не вернулась. Ни днем, ни к вечеру, ни на следующий день. Перепуганные родители услышали от подруги Крис, что в классе их девочка не появлялась.

Шли дни, недели, месяцы. Обратившись к услугам частного сыска бюро "Пинкертон", Джекобсы напали на след дочери. Ее нашли за тысячи миль от дома, на противоположном конце страны - в Нью-Йорке. Под утро чета Джекобсов, ведомая двумя пинкертонами, нагрянула на полуподвальную квартиру в районе Гринвич-виллиджа.

Корреспондент, поведавший эту историю на страницах иллюстрированного журнала, так описывает встречу родителей с беглянкой.

На звонок дверь открыла заспанная девица. Сладко потягиваясь, щуря глаза, она пропустила всех четырех в дом, возможно, так и не проснувшись. Еще одна дверь - и они очутились в душной полутьме. Приглядываясь, скорее ощутили, чем рассмотрели, большую комнату с низким потолком. Луч фонарика, шаривший по сторонам, упирался в спины, руки, лица. Кто-то спал на кушетке, кто-то в раскладном кресле, кто-то просто на полу, покрытом ковром.

- Мисс, проснитесь, мисс... За вами пришли ваши мам и дед, - детективы поднимали кого-то с кушетки.

И они увидели своего Крису. Знакомое, так хорошо знакомое лицо показалось им старым, страшным. Где-то под самым потолком уже обозначился зеленоватый прямоугольник окна; серый рассвет, холодком вливающийся в комнату, делал стойбище хиппи похожим на подводное царство.

Журналист так воспроизвел последовавший разговор:

Миссис Джекобс: Крис, дорогая Крис!

Крис: Я не вернусь домой.

Мистер Джекобс: Глупенькая, глупенькая Крис, ты потеряла рассудок. Скорее уйдем отсюда.

Крис: Домой? Никогда!

Мистер Джекобс: Почему же? Объясни нам, ради бога.

Крис: Здесь лучше. Здесь честнее.

Миссис Джекобс: Но разве мы перечили тебе в чем-то, наша девочка? Разве мы заставляли тебя делать что-то нехорошее... Мы даже не будем укорять тебя за плохие отметки.

Мистер Джекобс: Мы купим тебе спортивный "Корвейр"... Тебе ведь очень хочется иметь свою спортивную машину...

Крис: Замолчи дед! Сейчас же замолчи... Машина, домик, доллары, пустые разговоры... Я больше не могу.

Они почти насильно посадили девушку в машину и увезли ее в аэропорт. Трудно сказать, живо ли сейчас шаткое воссоединение родителей с дочерью. И все эти напасти обрушились на таких славных, богобоязненных людей, восклицал огорченно журналист, людей, для которых превыше всего интересы семьи, которые чтят Бога и ценят доллар.

По Америке бродят хиппи - наивные молодые люди, выходцы из мелкой буржуазии, задававшиеся невыполнимой целью - закрыть глаза на мир безумного чистогана. Он им не по душе, этот мир, но бороться с ним по-настоящему, в рядах тех, кто уяснил себе происхождение язв капиталистического общества, они не научились.

Сколько их? Одни называют цифру 300 тысяч. Другие считают, что общее число длинноволосых бродяг превышает полмил-

лиона. Как бы то ни было, колонии хиппи возникли во всех крупных городах США, от Нью-Йорка до Лос-Анжелеса, от Чикаго до Нью-Орлеана.

Они слоняются по жизни, поддерживая свое существование случайной работой - посудомойка в кафетерии, статист на съемках "подпольного кино", разносчик покупок в магазине - запросы хиппи касательно житейского комфорта минимальные. Они подолгу сидят на скамейках парка, созерцая игру света и теней на дорожке, собираются вместе, чтобы поболтать или послушать последнюю песню Боба Дилана:

Хоть много заюнов,
Как в тюрьмах оков,
Для умников и для дураков,
Мне ничего не досталось, ма.
Чтоб жить под ними
Х отелось.

"Превзойди всех в любви!" - начертали хиппи на стене одного из домов в лос-анжелесском районе Сан-Суси. Америка незамедлительно откликнулась на этот призыв: на кудлатые головы посыпались полицейские дубинки, с верхних этажей домов полетели в них пакеты с мусором, брошенные рукой разгневанного обывателя.

Хиппи политичнее своих предшественников - битников. Их можно увидеть в рядах антивоенной демонстрации или среди участников марша бедняков. Но прежде всего их позиция - это уход от брешь, капитуляция совестливой, но растерянной мелкобуржуазной молодежи перед усложненными проблемами капиталистической Америки второй половины XX века.

"Элизейши" - "отчуждение, враждебность" - этот термин часто используют социологи, историки, журналисты, характеризуя отношение значительной части молодого поколения США к нынешнему американскому обществу.

Пестр спектр отчуждения американской молодежи - от пассивного, пораженческого бунта хиппи до восстаний негров в гетто, от движения "новых левых", ставящих вопрос о порочности самой капиталистической системы, до забастовочной борьбы молодых докеров, железнодорожников, автомобилестроителей.

Нашествие хиппи отнюдь не главное и не самое весомое проявления настроений разочарования, протеста, поиска выхода. Рамки его узки, а цели бесплодны. Да и вести тот образ жизни, который они пытаются, они могут лишь благодаря вспомоществованию своих сердобольных родителей. Кончатся денежные переводы из дома, и многие хиппи уже задумываются - не вернуться ли домой, под надежное папино крылышко. Это так сказать, продукт разлада какой-то части мелкой буржуазии со своей собственной совестью. Их бунт наивен и бесперспективен. Даже в мелкобуржуазной среде хиппи не могут претендовать на роль лидеров протеста. Лицо этого протеста гораздо глубже и последовательнее выражает, например, молодые радикалы из организации "Студенты за демократическое общество", подходящие к вопросу о необходимости коренных перемен в США.

И все же хриstopодобный хиппи интересен не только потому, что он выделяется ярким пятном на фоне Америки серых деловых костюмов. Разлад отцов и детей на средних ступенях

эксплуататорской пирамиды знаменателем как свидетельство всеобщей девальвации некогда "неоспоримых ценностей" буржуазного общества. Хиппи — продукт глубокого духовного, социального и политического кризиса капиталистической Америки. В то же время это реакция части молодежи на научно-техническую революцию, ее попытка вырваться из-под жерновов капиталистического "прогресса".

В очерках о "поколении хиппи" американская журналистка Джоан Дидион рисует апокалиптическую картину страны в состоянии всеобщего хаоса:

"Все рухнуло, все распадалось под воздействием непреодолимых центробежных сил. Это была страна объявлений о банкротствах и публичных распродажах с аукциона, привычных сообщений об ординарных убийствах, страна заблудших детей и покинутых домов, страна, населенная вандалами, не умеющими нацарапать простейшее слово. Это была страна, в которой семьи одна за другой **исчезали**, оставляя за собой фальшивые чеки и завещания. Подростки кочевали из одного растерзанного города в другой; как змеи, сбросившие кожу, они стряхнули с себя все, что связывало их с прошлым и будущим. Люди пропадали без вести. Пропадали дети. Пропадали родители. Те, кто еще не канул в пучину хаоса, оставляли бессвязные объявления о пропавших без вести и сами снимались с насиженных мест.

Страна не была охвачена открытой революцией. Она не переживала вражеской осады. Рынок был достаточно устойчив. Общий объем производства высок... Но все больше и больше людей проникались беспокойным чувством, что что-то неладно. Казалось, в какой-то важный момент нашей истории мы обесплодили себя, убили будущее.

Это были Соединенные Штаты сегодня, сейчас..."

— Конечно, краски здесь сгущены до предела, черты социальной и политической обстановки гиперболизированы, а главное — мироощущение исполнено безнадежной мрачности. Это — вопль отчаяния человека, **лишенного** исторической перспективы, не видящего путей истинного обновления Америки.

... Холодное утро. Томпкинс-сквер. Перебирая струны гитары, длинноволосый хиппи поет мудрую песенку Мэлвина Рейнолдса:

Маленькие коробки
на склоне холма,
Маленькие коробки,
склеенные из пластика...

Из домиков-коробочек, розовых, зеленых, голубых, белых — комфортабельных коробочек, устланных мягкими коврами, оснащенных телевизорами, начиненных всеми чудесами кухонной электроники, — бегут неблагодарные дети. Бегут от пап — докторов, юристов, **клерков**, бизнесменов, повергая в скорбь и недоумение убитых горем родителей.

АМЕРИКА - НАПРАВО И НАЛЕВО

Путешествие на автомобиле

Подберем хич-хайкера? - спросил москвич.

У обочины дороги стоял человек, подняв вверх большой палец правой руки. Внешность человека была необычна. Начнем с того, что он был бос, хотя температура воздуха приближалась к нулю. Потрепанная, застиранная рубашка, цвет которой мы не беремся определить, была подпоясана широким самодельным ремнем, на нем висела шкурка какого-то маленького зверька. Лыняные волосы парня спускались ниже плеч. "Хич-хайкер" - это человек, "голосуший" на дороге.

"Поднятый большой палец руки обозначает в Америке просьбу подвезти, - писали Ильф и Петров в "Одноэтажной Америке" - Человек, который выходит на дорогу, уверен в том, что кто-нибудь его да подберет".

В наш автомобиль лезли простые безлошадные американцы с просьбой подвезти их до какого-нибудь ближайшего населенного пункта. Среди них были общительные и молчаливые, веселые и грустные, молодые и старые. У каждого были свои радости и печали, свои заботы и стремления.

... Человеку с вьющейся бородкой и лыняными волосами ниже плеч было не больше двадцати трех лет. Какая-то неземная скорбь светилась в его больших голубых очах.

- Сэр, вы очень похожи на Иисуса Христа, - сказал вашигтонец, распахивая перед ним дверку машины.

- Я это знаю.

- Камо грядеши, мистер Христос? - спросил москвич. - Изгонять торгашей из храма?

- В винный магазин за бутылкой виски, - все так же кротко отвечал молодой человек с грустными глазами. И, заметив наши улыбки, забормотал, зашепел объяснить:

- Не для себя, для дяди. Виски - это ему. Я-то сам предпочитаю марихуану. Соскучился он по огненной воде. Мы с дядей живем в пустыне, ловим зверьков и делаем из них украшения. Тем и довольны. Наш бог - любовь...

- Сирота, что ли? - участливо спросил его москвич.

- Почему сирота? - неожиданно обиделся парень. - У меня есть родители. У отца крупный бизнес в Лос-Анджелесе. Мать - писательница.

И задумчиво добавил:

- Впрочем, вы правы, я сирота. От родителей отказался, из дома ушел и даже со страной в которой родился, у меня больше нет ничего общего.

Вот так, мало-помалу настроившись на серьезный лад, Джон начал рассказывать нам о себе и о своих сверстниках - молодых американцах, у которых, по его словам, "нет ничего общего с запрограммированным современным обществом". И вместе с тем они - чистейший продукт этого общества, от которого не могут скрыться ни в пустынях, ни в горах, ни в дыму марихуаны.

- Я ушел из дома, потому что почувствовал: дальше так жить нельзя, - говорил нам Джон. - Отец знает лишь одну страсть - делать деньги. Мать, седая женщина, пишет сексуальные романчики ради денег. Я тоже, по их мнению, родился, чтобы делать деньги. Я еще пешком под стол ходил, а мне уже вну-

АМЕРИКА - НАПРАВО И НАЛЕВО

Путешествие на автомобиле

Подберем хич-хайкера? - спросил москвич.

У обочины дороги стоял человек, подняв вверх большой палец правой руки. Внешность человека была необычна. Начнем с того, что он был бос, хотя температура воздуха приближалась к нулю. Потрепанная, застиранная рубашка, цвет которой мы не беремся определить, была подпоясана широким самодельным ремнем, на нем висела шкурка какого-то маленького зверька. Лыняные волосы парня спускались ниже плеч. "Хич-хайкер" - это человек, "голосуший" на дороге.

"Поднятый большой палец руки обозначает в Америке просьбу подвезти, - писали Ильф и Петров в "Одноэтажной Америке" - Человек, который выходит на дорогу, уверен в том, что кто-нибудь его да подберет".

В наш автомобиль лезли простые безлошадные американцы с просьбой подвезти их до какого-нибудь ближайшего населенного пункта. Среди них были общительные и молчаливые, веселые и грустные, молодые и старые. У каждого были свои радости и печали, свои заботы и стремления.

... Человеку с вьющейся бородкой и лыняными волосами ниже плеч было не больше двадцати трех лет. Какая-то неземная скорбь светилась в его больших голубых очах.

- Сэр, вы очень похожи на Иисуса Христа, - сказал ввинтонец, распахивая перед ним дверку машины.

- Я это знаю.

- Камо грядеши, мистер Христос? - спросил москвич. - Изгонять торгашей из храма?

- В винный магазин за бутылкой виски, - все так же кротко отвечал молодой человек с грустными глазами. И, заметив наши улыбки, забормотал, зашепел объяснить:

- Не для себя, для дяди. Виски - это ему. Я-то сам предпочитаю марихуану. Соскучился он по огненной воде. Мы с дядей живем в пустыне, ловим зверьков и делаем из них украшения. Тем и довольны. Наш бог - любовь...

- Сирота, что ли? - участливо спросил его москвич.

- Почему сирота? - неожиданно обиделся парень. - У меня есть родители. У отца крупный бизнес в Лос-Анджелесе. Мать - писательница.

И задумчиво добавил:

- Впрочем, вы правы, я сирота. От родителей отказался, из дома ушел и даже со страной в которой родился, у меня больше нет ничего общего.

Вот так, мало-помалу настроившись на серьезный лад, Джон начал рассказывать нам о себе и о своих сверстниках - молодых американцах, у которых, по его словам, "нет ничего общего с запрограммированным современным обществом". И вместе с тем они - чистейший продукт этого общества, от которого не могут скрыться ни в пустынях, ни в горах, ни в дыму марихуаны.

- Я ушел из дома, потому что почувствовал: дальше так жить нельзя, - говорил нам Джон. - Отец знает лишь одну страсть - делать деньги. Мать, седая женщина, пишет сексуальные романчики ради денег. Я тоже, по их мнению, родился, чтобы делать деньги. Я еще пешком под стол ходил, а мне уже вну-

нали, что главное в жизни - деньги.

Я беженец, эмигрант, - продолжал Джон, - лучше я буду жить в пустыне и делать индейские пояса, чем повторять путь своих родителей. Я имел в виду не столько своего отца и мать, сколько вообще старшее поколение американцев. Я говорю им: спасибо вам за спортивные машины и цветные телевизоры с дистанционным управлением. Это прекрасные вещи. Еще раз спасибо, папы и мамы. Но, простите мою неучтивость, вы забыли дать мне самое главное - цель в жизни. Настоящую цель, ради которой стоило бы жить, а не тот эрзац в виде "собственного бизнеса", который вы считаете верхом человеческих достижений. О, вы создали комфортабельный мир, папы и мамы, но почему он у вас такой "взрывчатый"? Мы только и слышим из уст наших социологов: "взрыв насилия", "взрыв ненависти", "взрыв расизма", "взрыв преступности", "взрыв жестокости". Да не взорвемся ли мы сами ко всем чертям в ближайшую пятницу? А ведь можем взорваться! Это чувство страха вы вложили в меня с рождения. Над моей детской колыбелью вы развесили зонтик атомного взрыва. Мне еще не исполнилось и 25 лет, а вы уже подарили мне три войны: "холодную", корейскую и вьетнамскую...

- Что же вы будете делать дальше?

- Хочу накопить денег на билет в Индию, - ответил Джон, - хочу побеседовать с пророками и мудрецами. Может быть, они знают, как жить.

Он простился с нами у винного магазина.

Где он сейчас, этот чистый и искренний юноша, отвергший мир своих родителей, растерянный и тоскующий оттого, что не знает, как жить дальше?

Таких, как он, - десятки тысяч, а может и быть, даже сотни тысяч в сегодняшней Америке. Их называют "хиппи", мы встречали их в Чикаго, Таосе, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Вашингтоне. Они разные. В Сан-Франциско мы видели их в оранжевых тогах буддийских пророков с бритыми головами. Они раздавали прохожим ароматичные церковные свечки и скороговоркой проповедовали непротивление злу насилем. В Чикаго размахивали портретом Бакунина и крушили витрины фешенебельных магазинов и призывали к немедленной революции. /А когда неожиданно хлынул дождь, их руководитель объявил: "Революция переносится по причине плохой погоды!"/. В Вашингтоне они были в рядах участников грандиозной антивоенной демонстрации...

Большинство из них - дети обеспеченных, а то и богатых родителей. Они покинули свои комфортабельные дома, школы, университеты и живут общинами на заброшенных фермах и ранчо, в пещерах и ночлежных домах. 26-летний Майк Дункан, получивший наследство после смерти отца, не купил себе кадиллака, не начал "собственное дело", не положил деньги в банк. Вместо всего это он приобрел участок земли около Таоса /штат Нью-Мексико/ и, поскольку по его убеждению, "земля не может быть частной собственностью", пригласил туда 60 таких же, как он, "беженцев из запрограммированного общества". Они сами построили простые деревенские дома и образовали коммуны. Обрабатывают поля, сеют кукурузу, а урожай ... бесплатно распределяют среди окрестных бедняков и местных индейцев. С точки зрения американского обывателя они либо сумасшедшие, либо "коммунистические агенты", подрывающие основу частного

предпринимательства.

... А вот другая встреча. Однажды в штате Южная Каролина к нам в машину подсел молодой солдат. Устроившись на сиденье, ворчливо пожаловался, что простоял на дороге около получаса.

- Нет человеческого отношения друг к другу, очерствели люди, - резюмировал солдат, извлекая из кармана шинели фляжку с виски. Прежде чем отхлебнуть самому, предложил нам. Удивился, когда отказались. После третьего глотка, облизав губы, спросил:

- Вьетнамского самогона не пробовали?

И начал хвастаться. Никто его за язык не тянул. Просто, видимо, распирало его от желания похвастать. И все тут.

В армию он записался добровольно. Объяснил этот шаг так: профессии нет, учиться в школе - денег нет, а в армии поят, кормят, да еще зарплату дают. Во Вьетнаме тоже добровольцем уехал: там зарплата больше.

Когда стояли в Дананге, был у офицера вестовым. Жили тогда на частной квартире. Была у них уборщица вьетнамка. Она же прачка.

Знаете, сколько мы ей платили? Три доллара в неделю. Мало, говорите? А им, вьетнамцам, больше и не надо. У них же там ничего нет, ни машин, ни телевизоров... Они же азиаты, вроде негров.

- Машина ваша сколько стоит? - неожиданно спросил он после четвертого глотка. - Недорогая, вижу, машина. А вот я купил - это да! Как вернулся из Вьетнама, так и купил. Денег-то много накопил.

Будущее ему представляется в самых радужных красках. Отвояет еще один срок во Вьетнаме, поднакопит денюжат. Если хватит денег, купит автоматическую прачечную. Уже при-смотрел одну.

Увидев в руках у нас фотоаппарат, заинтересовался:

- Камеру где покупали? Дорогая? А вы кто сами-то будете? Русские?!

Он даже икнул от неожиданности и тупо замолчал.

- Америка лучше России, - неожиданно атаковал он после минутного затишья.

- Это почему же лучше?

- Потому, что в Америке больше денег и больше свободы.

- Не у всех американцев есть деньги, - вступил в дискуссию вашингтонец, - и не у всех есть свобода.

- Это верно, - согласился солдат. - Чем больше денег, тем больше свободы. Если у тебя, скажем, есть пятерка, ты можешь насосаться кукурузного самогона на ферме у старика Джо, а если в кармане 5 тысяч, можешь полететь на Гавайи и пить с девчонками шампанское.

Даже свободу он представляет только в денежном выражении, этот доблестный сын американского образа жизни.

... В другой раз где-то в штате Вирджиния в наду машину попросился Гарри, студент Джорджтаунского университета. Застенчивый. Серьезный. Молчаливый. Заговорил лишь после того, как мы признались: вот идем типичного молодого американца.

- А мы все типичные и все средние, - вынес Гарри соломоново решение, протирая очки концом своего галстука. - Нарисовать портрет внешнего молодого американца не так прос-

то. Потребуется много разных красок и оттенков, тонов и полутонов. Впрочем, давайте попробуем...

И он принялся рисовать. Портрет получился сложный и пестрый, как полотно модерниста. Тут был и солдат, сжигающий вьетнамскую деревню, и юный пацифист, публично сжигающий призывную повестку. Здесь и молодые преступники, превратившие в джунгли ночные улицы американских городов, и студенты, превратившие университеты и колледжи в центры антивоенного движения. "Хиппи" с их красочным, но безвольным отрицанием буржуазных идеалов и "Черные пантеры", порывающие с анархизмом и все чаще обращающиеся к марксизму...

- Главное то, что молодежь заговорила, - сказал Гарри. - Разные голоса, разные формы самовыражения, разные процессы, но катализатор общий: вьетнамская война и моральное крушение американского общества. Вьетнам открыл нам глаза на жестокость и лицемерие нашей социальной системы. Нам с детства внушали, что наш строй самый справедливый. Помнит е сказочку про новое платье короля? Так вот, король-то оказался голым!

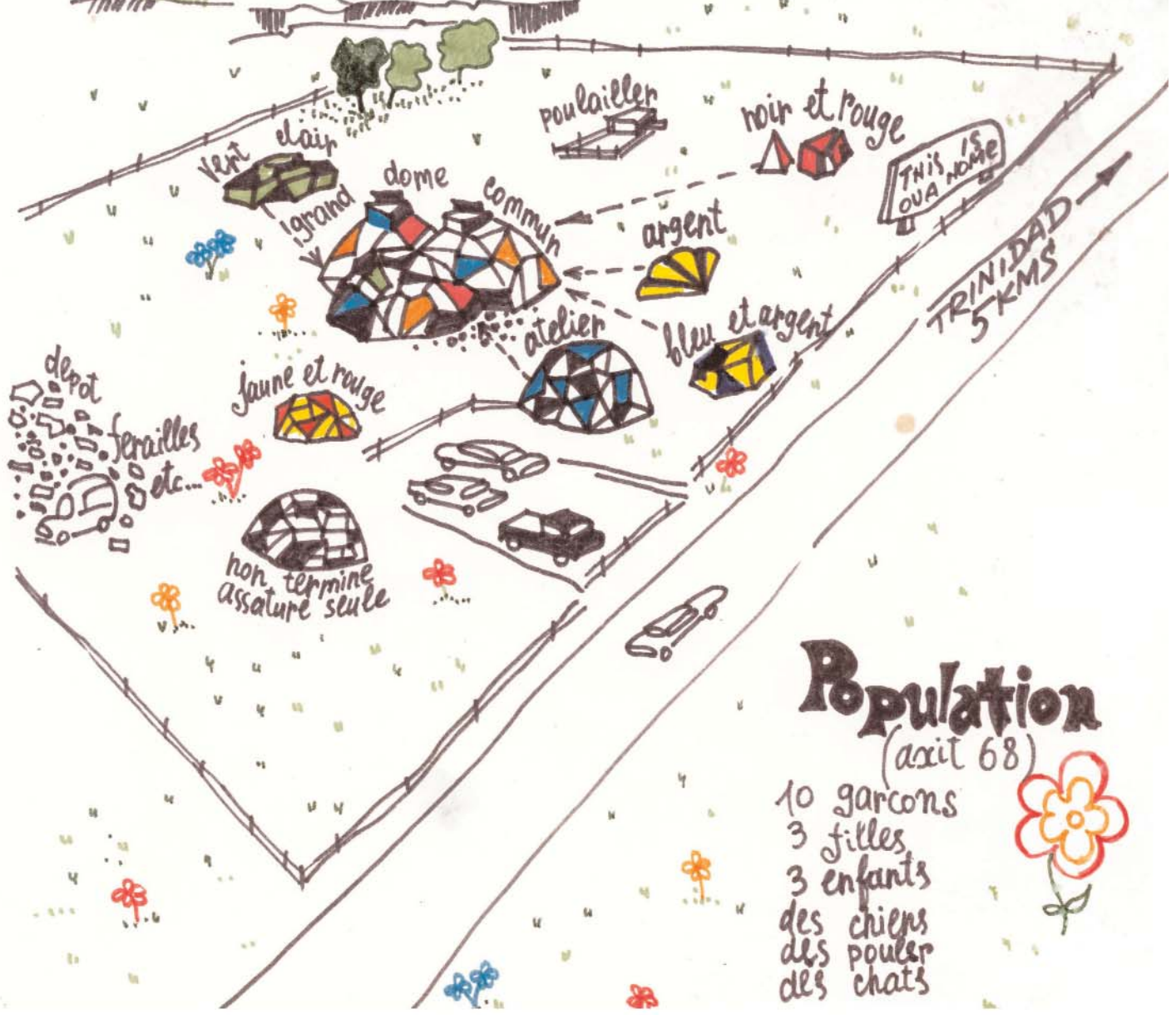
... Холодной дождливой ночью мы стояли на Пенсильвания-авеню в столице США. Дул пронизывающий ветер. Мимо ограды Белого дома нескончаемой вереницей шли, прикрывая окоченевшими ладонями трепетные огоньки свечей, люди. "Поход против смерти" продолжался уже 40 часов подряд. Шли вноши и девушки, неся на груди имена их сверстников, убитых во Вьетнаме, и названия уничтоженных вьетнамских деревень.

Мы всматривались в лица, освещенные огоньками свеч.

Они были здесь. И Джон, и Гарри. Мы их видели.

А солдат? Наверное, он тоже был здесь, только по другую сторону ограды.

DROP CITY COLORADO

Population (axit 68)

- 10 garcons
- 3 filles
- 3 enfants
- des chiens
- des poules
- des chats

"ДРОП-СИТИ", КОЛОРАДО

Геодезические купола, используемые для жилья "хиппи"

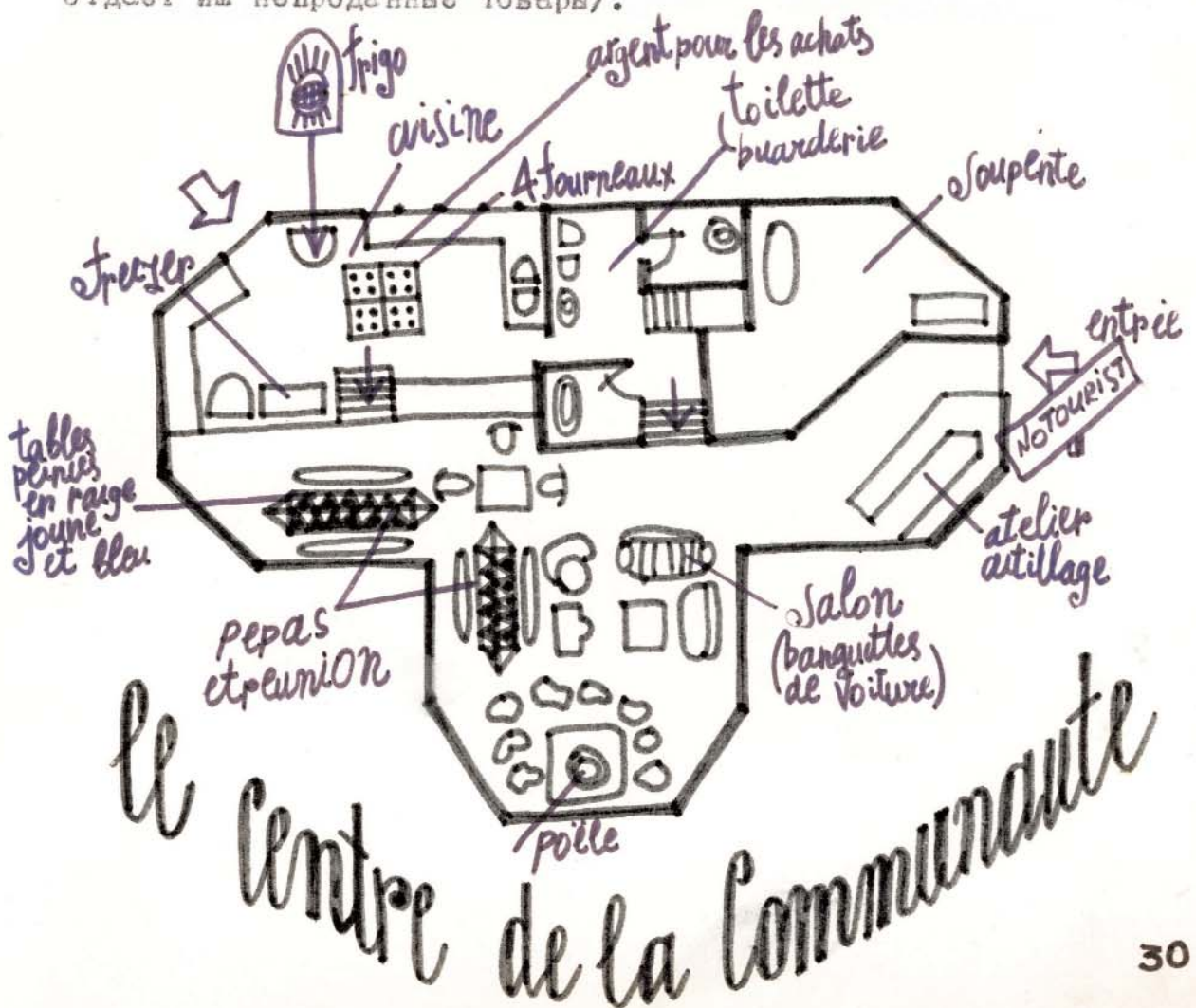
"Дроп-Сити" это коммуна "хиппи", возникшая три года назад близ небольшого городка Тринидад на юге Колорадо. Сначала "дропперы", живя в своих автомашинах, построили первое сооружение, состоящее из трех больших геодезических куполов, где разместились зал для принятия пищи и собраний, кухня, санузел и мастерская. Затем вокруг они построили более мелкие купольные сооружения, предназначенные для жилья и составляющие частную собственность каждого.

Эти купола, окрашенные в яркие цвета, состоят из деревянного каркаса, к которому прибиты листы железа, снятые со старых автомашин. Швы покрыты защитным слоем, содержащим гудрон. Теплоизоляция обеспечивается губчатым "полистироном" толщиной 10 см.

Проемы различной формы всегда размещены так, чтобы не нарушать структуру конструкции.

"Деревня" расположена на склоне холма, каменистого и покрытого травой и цветами.

Жители "деревни" - художники, музыканты, писатели - зарабатывают немного денег, читая лекции в соседних университетах или рисуя рекламные афиши; практически они питаются бракованными продуктами Тринидада /"супермаркет" отдает им непроданные товары/.

СТИВ БАЭР, ИЛИ "КАК ПРИРУЧИТЬ ЗОМ"

Когда объявляют о конференции с участием Стива Баэра, можно с уверенностью сказать, что зал будет полон. Есть люди, имена которых собирают полную аудиторию — Бакминстер Фуллер, Паоло Солери, ..., Стив Баэр.

Я присутствовал на одной из этих конференций. Я не утверждаю, что многое там понял. Тем не менее я был покорен личностью Стива: высокий, худощавый, с чертами столь же резкими, сколь резок и остер его ум; он не тот, кого принято называть "славным малым", с которым многие так любят иметь дело. И одинаково в его ателье в центре мексиканского квартала Альбукерке можно обнаружить зачарованных людей, которые приходят сюда, чтобы увидеть, заказать и разыскать элементы для их "зома" / / . Для них Стив Баэр — оракул, тот, кто помогает им жить в разнообразной среде, кто помогает им осуществить их тайную мечту, создать "зомизацию" / / / в этом нет ничего непристойного / .

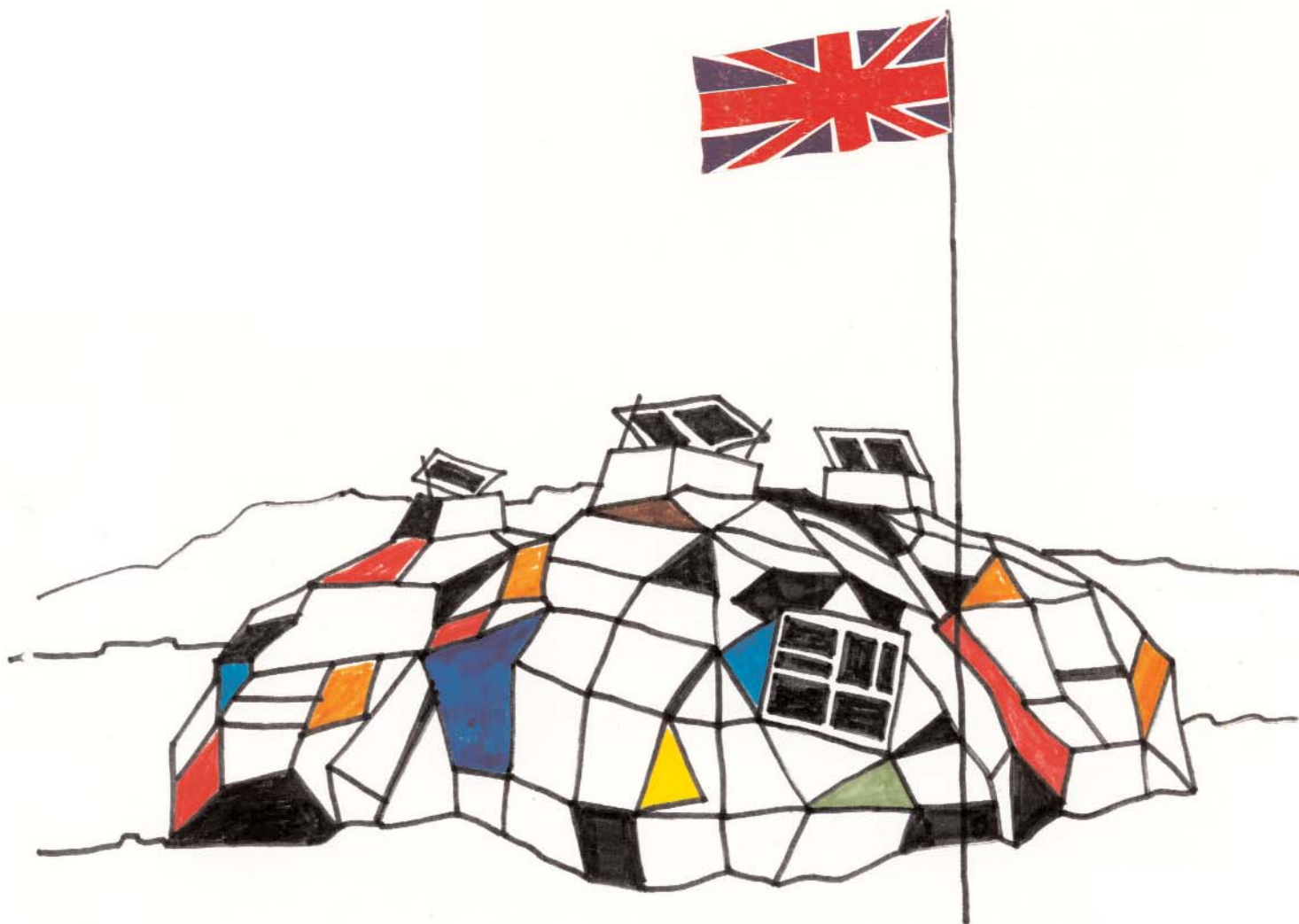
Читатели отчасти знакомы со Стивом Баэром по Дроп Сити /Колорадо/ — главное местожительство хиппи. Жилища были выполнены в виде куполов правильной формы, симметричных, полусферических. Уже тогда было принято называть их "геодезическими куполами", приписывая идею и конструктивное решение Бакминстеру Фуллеру... Идея, действительно, принадлежала Б. Фуллеру, но затем... затем? Стив писал об этом в одной из газет: "Мы много говорили об этих структурах и были солидарны в том, что это не истинные купола, поскольку они не были абсолютно симметричны. При разворачивании плоскостей /зон/ одного многогранника /зонаэдра/ выявлялась его асимметричность. Джек восклицал: "это — зомы / / . Я был восхищен этим выражением. Оно кажется мне точным..."

Итак, "зомы" деформируются и могут принимать весьма неожиданные формы. И именно в этом все волшебство этого метода. Я посетил своих друзей, живущих в Манера Нуэва, Пласитас, Нью-Мексико. Здесь я видел маленький купол, построенный за 500 фр., который остается превосходным образцом первых разработок с уже определенной идеей того, что впоследствии станет называться "зом"; кроме того, здесь находился ансамбль из трех "зомов". Снаружи это было похоже на гору из лоскутного одеяла, каждый лоскут которого сделан из ярко окрашенного листового железа. Внутри это напоминало огромную пещеру в два уровня. Благодаря асимметрии "зома", здесь свободно можно было ориентироваться, мебель занимала свое место, пространства были организованы в соответствии с назначением /что труднодостижимо в полусферическом пространстве/. Мои друзья не могли бы жить в другом месте. Их ребенок родился в этом сооружении. Они говорили: "Как приспособится он жить в условном пространстве?" Это странно, конечно, но если хорошенько подумать об этом...

Так как этот ансамбль строился вначале для общины хиппи, новые владельцы нашли его в состоянии, которое мы квалифицировали бы "черновым". Еще видна была структура. Она была сделана из обрезков дерева. Все это имело вид чего-то, не выдерживающего никакой критики. И только математический гений Стива Баэра представил все в истинном свете. Каждый обрезок дерева принимал участие в создании жесткого объема.

ХОТЯ УСТАНОВЛЕНО, ЧТО
"ТЕТРАЭДРЫ УДОБНЫ ДЛЯ
УКЛАДКИ, МЫ ВСЕ ЖЕ
НЕ СТАНЕМ ДОБИВАТЬСЯ
ТОГО ЧТОБЫ КУРЫ НЕСЛИ
ТЕТРАЭДРЫ".

СЕРЖ КЕТОВ.

Каждый стык был тщательно рассчитан. При этой самодельной внешности "зом" является результатом скрупулезных математических расчетов.

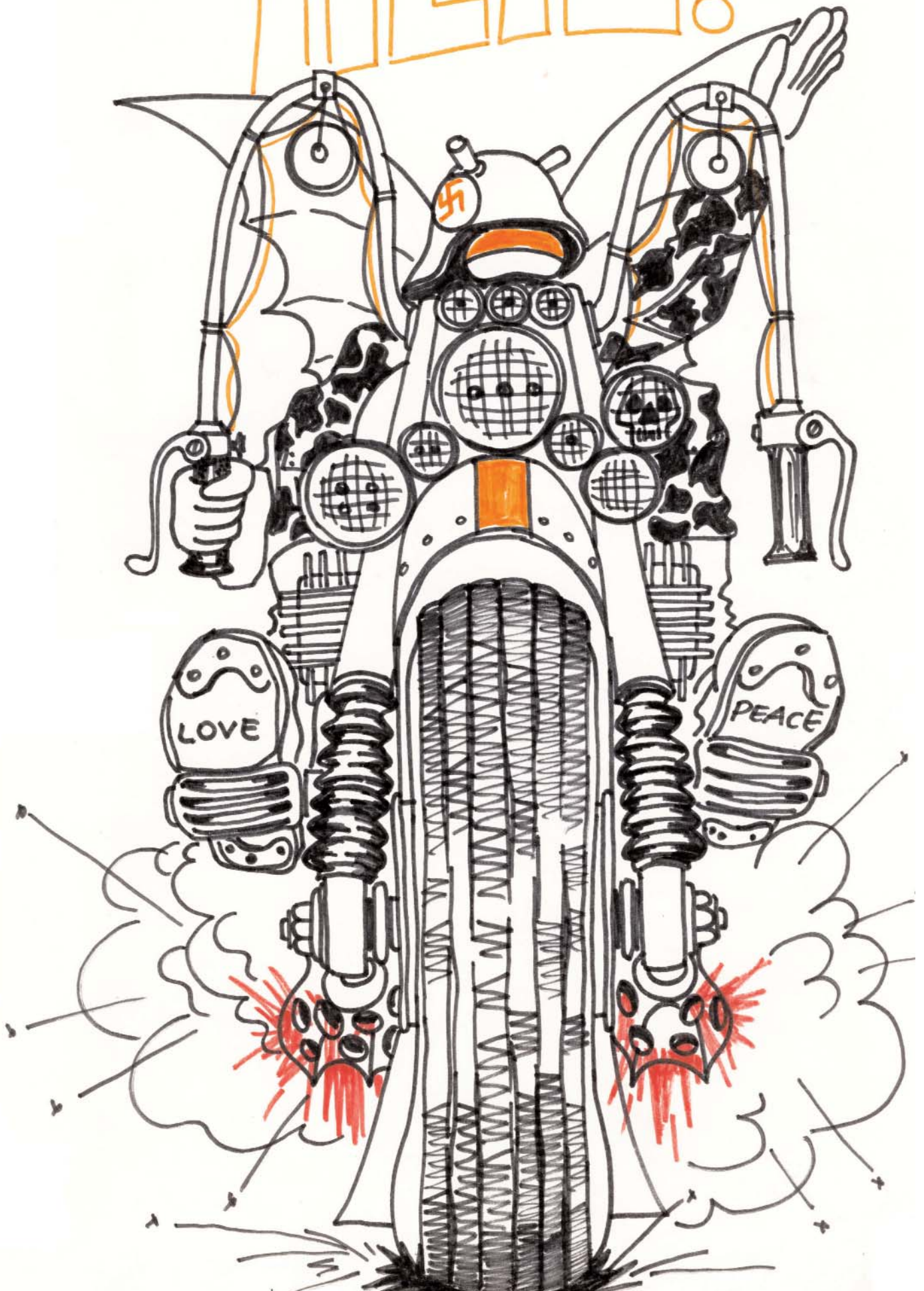
Существуют две книги Стива Баэра, оформленные в виде журналов; одна называется "Книга об искусстве возведения куполов", другая - "Элементарный зом". Эти две публикации насыщены замыслами, эскизами, расчетами. Попытка объяснить все это в нескольких словах противоречила бы здравому смыслу. Здесь имеются этюды с естественными и с кубическими формами, фотографии нескольких осуществленных проектов. Ансамбль ошеломляющий, зачаровывающий, иногда забавный. Читать эти книги - означает испытывать такое волнение, как и при посещении "зомов". Внезапно становится понятным: ничто нельзя объяснить с помощью только расчетов, цен или форм - в решении этих форм существует определенная философия.

Стив Баэр - властитель дум? Ведь он не похож на Гуру, ни даже на старого волшебника Бака, и однако многие говорят так: "чтобы жить в "зуме", нужно достичь определенного уровня сознания. Если вы подготовлены для "зома", "зом готов для вас".

Имеется зомы из дерева, из стали, из алюминия, предполагается строить их из пластика. Некоторые покрыты фанерой, иные окрашены во все цвета радуги, покрыты листовым железом, заимствованным из разбитых автомобилей. Некоторые тщательно спаяны, другие покрыты чешуей и напоминают гигантских животных, дремлющих на солнце. Что касается законченности отделки некоторых зомов, то она оставляет желать лучшего; поэтому Стив создал группу, которая переезжает с места на место, чтобы помогать строителям улучшить технику сборки. Чаще всего вы строите "зом" сами с помощью своих друзей. Но для "малогабаритной" женщины 60 лет, которая желает провести остаток своих дней в "зуме", бригада смонтирует эту структуру за 48 час.; когда владелица решит вопрос о размещении смотровых отверстий, бригада закончит внутреннюю отделку за несколько недель. Весь ансамбль обойдется ей в 600 фр., за 1 квадратный метр - отделка завершена, ковры постелены, кухня оборудована и т.д. ...

Итак, не стоит рассматривать "зом" как модную формулу, скорее это новый образ жизни.

HELL!

ДЬЯВОЛЫ НА МОТОЦИКЛАХ

Рокеры - эти бандиты на мощных мотоциклах - нападают без разбора на прохожих. Власти совершенно беспомощны. Члены шаяк становятся все моложе, а их преступления все опаснее. Им нравятся кожаная одежда и мотоциклы, нацистские ордена и бандитское снаряжение: ножи, кастеты, кистени, топоры, а последнее время и огнестрельное оружие.

Они не щадят ни детей, ни стариков, насилуя женщин, беззащитных избивают до увечий и даже топчут ногами до смерти. Так характеризует преступников и их деяния западногерманские психолог Гейнц Вольф и криминалист Ганс Вольтер в их новом исследовании "Преступность рокеров".

Авторы знают, что говорят. Вольф, ныне руководитель консультационного бюро по вопросам воспитания в городе Вухольце /Нижняя Саксония/, долгое время занимал пост психолога в тюрьме для несовершеннолетних в Гамбурге. Еще тогда он имел дело с рокерами и другими молодыми правонарушителями.

Вольтер руководит созданным шесть лет назад в Гамбурге особым уголовным отделом "К-534" по "борьбе с бесчинствами рокеров" и имеет картотеку на 3.000 зарегистрированных рокеров. С помощью коллег из других земель ему удалось собрать факты и цифры о преступлениях рокеров по всей стране.

Статистика показывает, что больше всего особо жестоких преступлений падает на Гамбург. В гамбургском парке, пишет Вольтер, группа рокеров напала на пьяного. На близлежащей станции метро они избili мужчину, который не захотел ссудить их сигаретами, другого мужчину они столкнули на рельсы. Полиции удалось поймать преступников, когда они ограбили магазинчик модных мелочей.

В гамбургском районе Осдорф шайка из шести человек совершила сразу несколько преступлений. Избили прохожего так, что тот попал в больницу, сбили с ног 72-летнюю женщину и вырвали у нее из рук сумочку. Затем избili пенсионера. В заключение банда вломилась в квартиру, избил хозяйку и украла кошелек с 70 марками.

Рокеры нападают группами и всегда неожиданно. Они налетают на прохожих подчас без всякого повода.

Первые рокеры появились десять лет назад и вскоре сделались судим бедствием для больших городов. Особенно много их развелось пять лет назад. Тогда они нападали шайками до 150 человек. С грохотом проносились они по городам, оставляя позади себя избитых, ограбленных.

В 70-х годах банды претерпели изменения. "Существование рокеров сегодня не является более данью моде, - пишет Вольтер. - Группы стали меньше - от 6 до 25 человек, кожаная одежда не является больше необходимым реквизитом".

Гамбургская полиция недавно ввела в свои мобильные оперативные группы специалистов по технике ближнего боя.

"Рокеров или превращают в дьяволов, или приукрашивают, - сетует Вольтер, - и они сразу определяют, каким образом поставить себя в центр внимания". Так, следствие установило, что иллюстрированный журнал "Квик" для фоторепортажа о вооруженных рокерах снабдил предварительно подростков огнестрельным оружием и оплатил всех статистов...

ТОРЖЕСТВО

LSD

ПУТЕВКА В АД

Игра со смертью

Париж. Бульвар Монпарнас, 42. Полиция, уведомленная по телефону, прибыла на место происшествия и обнаружила на ступеньках старого дома в бессознательном состоянии молодого хиппи с искаженным лицом и пеной у рта. Находившийся при этом доктор произнес только одно слово: наркотик. Соседям давно было известно, что в комнате для слуг, снятой Даниэлем Камусом, происходит иногда странные вещи, но никто не мог представить себе, чтобы этот ю сматый бродяга 21 года был наркоманом. Полицейские, более привычные к фауне потребителей дурмана, спующих днем и ночью по улице Шетт, месту их встреч, совсем не удивились. Напротив, они захотели осмотреть и берлогу Камуса. В темной нездоровой камерке среди беспорядка, типичного для мест, где практикуют "белое опьянение", они нашли 17-летнюю девушку с мертвенным лицом и блуждающим взором, в состоянии полного истощения. Девушка, наглотавшись до отказа наркотиков, вероятно, скончалась бы, если бы ее не обнаружили в это утро. Она не могла произнести ни слова. Девушку перевезли вместе с ее приятелем в больницу, где, после того, как ее привели в чувство, она заявила, что убежала из дома, чтобы разделить богемную жизнь хиппи со своим другом и другими "столь же свихнувшимися" молодыми людьми.

Даниэль пленил ее тем, что слыл среди парней с улицы Шетт чем-то вроде... пророка, будучи сведущ в бредовых иступленных оргиях. Они поселились под одной крышей, и Даниэль посвятил ее в тайны гашиша и марихуаны. Затем она отведала киф и другие производные индийской конопли. Вскоре ей пришлось привыкать к инъекциям макситона - вещества, вызывающего галлюцинации. Мир наркотиков стал для нее всем. Она забыла о доме, о родителях. Теперь вместе с Даниэлем она участвовала в настоящих семинарах, на которых в комнате для слуг на бульваре Монпарнас происходила вербовка все новых и новых "вновь обращенных".

Даниэль доставал наркотики с помощью украденных медицинских рецептов. Одно время в его камерке проживало четверо хильцов. Двое из них отвечают на вопросы журналистов.

Ганс В., приехавший в Париж из Западной Германии, чтобы вести жизнь хиппи:

"Я начал сразу с гашиша. Я был голоден и предпочел насытиться... "мечтательной коноплей". У меня здесь друзья, и это они посоветовали попробовать, но я пошел дальше; мне хотелось дойти до конца путешествия, совершаемого в свидениях. Теперь жизнь ничего не значит для меня; я уже не знаю, как можно прожить ее по-другому. И я знаю, что виной этому наркотики!"

Пауль Г., молодой англичанин, прожигавший жизнь в компании своих парижских приятелей:

"Мне 23 года, и я ничего не умею делать, потому что провалился на всех экзаменах: в школе и в жизни. Я очень ясно, до боли ясно осознаю все; я не могу больше работать и просто бездельничать. Сначала я одурманивался, чтобы "видеть". Потом продолжал поглощать наркотики потому, что видел в этом единственный способ уйти от себя самого. Я противен себе. Теперь я не могу больше без этой проклятой травы, у которой, насколько мне известно, есть триста тысяч таких же рабов. Когда я не

курь, то бьась головой о стену и беспрестанно кричу: "Я ни на что не гозусы!..." Как видите я прошел все этапы этой Голгофы. Чувствую себя старым и немощным. Знаю, что есть вишни, ставшие наркоманами только потому, что хотели подрезать кому-то; они дураки".

+ + +

Тяжкое, навязчивое наследство

В старом докладе, составленном в связи с эпидемическим характером злоупотреблений наркотиками в таких средоточиях порока, как Гонконг и Макао, содержится описание характерных черт курильщиков опиума и потребителей героина: "У них землистые, костлявые лица. Силы человека, принимающего таблетки героина, тает по мере того, как привычка заставляет его глотать все больше и больше таких таблеток; последствия психического характера практически такие же, как при употреблении опиума".

Мнимое счастье, продолжающееся одно мгновение, превращается в вечный кошмар. Эфемерными и шаткими являются ступени наркомании, ведущие к "райским вершинам", о которых упоминают просвещенные наркоманы. В действительности наркотики - паспорт с сатанинской печатью для спуска в преисподнюю, гораздо более ужасную, чем та, которую изобразил некогда Данте.

+ + +

Под цирцеевыми чарами опиума

Томас де Квинсей /1785-1859/ вошел в историю не только благодаря семнадцати томам литературной прозы и публицистики, вышедшим на рубеже романтизма и викторианства, но и вследствие его необычайных походов в бездны опиомании.

Долгий путь блужданий в дебрях опиомании он воскрешает на приводящих в ужас страницах своих исповедей. Он был приверженцем доктрины так называемой "церкви опиума". "Я объявляю себя, - высокопарно заявляет де Квинсей, - папой этой церкви /следовательно, я непогрешим/, я сам облек себя этим званием и на всех широтах и долготах".

"...Тысячи лет я жил погребенный в каменные гробницы вместе с мумиями и сфинксами, в узких проходах внутри вечных пирамид. Крокодилы покрывали меня канцерогенными поцелуями, и я валялся в компании непередаваемо отвратительных существ среди камышей и тины Нила... Один крокодил вселял в меня больше страха, чем все остальные. Я был вынужден жить с ним вместе /как это всегда происходило в моих видениях/ целые века".

Дойдя до предела всякой психической сопротивляемости, де Квинсей сознается, что даже одна мысль о приближении сна приводила его в ужас; ему казалось, что мозг его беспрестанно терзали мучительные и почти реальные призраки.

Писатель-наркоман, который в мгновения первоначального экстаза зачарованно восклицал: "О, правдивый, изощренный и всепокоряющий опиум! О, правдивый, беспристрастный опиум!... Только ты обладаешь ключами от рая, о, правдивый, изощренный и всепокоряющий опиум!" - в конце своих бредовых походов впал в состояние полной апатии, обрекавшей его на бездеятельность, бесплодное прозябание, на ощущение бессилия и необра-

тимого паралича.

"Опиоман, — пишет де Квинсей, — поработен злыми духами, заполняющими его сны; что бы ему ни хотелось сделать, он остается неподвижен, точь-в-точь как человек, которого неизлечимый паралич вынуждает томиться в постели и бессильно взирать не то, как оскорбляют и насмеваются над тем, что для него дороже всего на свете; он покончил бы с собой, если бы смог встать и ходить, но он беспомощен, как новорожденный младенец, и даже не может сделать попытку пошевелиться".

+ + +

Бодлер

Моральные опустошения, производимые гашишем, настолько велики, глубоки и опасны, что тех, кому удастся вырваться невредимым, можно считать настоящими "победителями преисподней". Предупреждая читателей, что его утверждения не являются преувеличенными метафорами, Бодлер заключает: "...Возбуждающие яды представляются мне не только одним из самых ужасных и наиболее верных средств, которыми располагает дух тьмы, чтобы вербовать и поработать достойный сожаления род человеческий, но и одним из самых совершенных его перевоплощений". Ставший жертвой демона, блуждавший ощупью в лабиринте галлюцинаций и вырвавшийся в конечном счете из цепких лап порока, Шарль Бодлер сознается потом, что гашиш — "безукоризненный инструмент сатаны", чудовище, покирающее и разрушающее от имени несуществующего рая; "гашиш бесполезен и опасен".

+ + +

Судьбы, которые обвиняют

В возрасте 37 лет, пишет Бодлер, Эдгара По сразил "страшный гость, который уже не раз посещал его". Его смерть — почти самоубийство, давно подготовленное самоубийство. Оплакивая трагическую судьбу писателя, которого он любил и которым восхищался, впечатлительный Бодлер знал лучше, чем кто-либо другой, что одним из убийц По был опиум. Американский писатель словно вкладывает автобиографические нотки в горестное признание одного из своих героев, мужа Меджен: "Я стал рабом опиума. Он не высукал меня из клешней, и все мои дела и планы приобрели цвет моих сновидений". Наркотик неотступно преследует свою жертву каждый день, независимо от причины, толкнувшей ее на этот путь, становится постоянной бедой, приводящей в конце концов к отчаянию, безумию и смерти.

+ + +

Морфий

Среди врачей долгое время господствовало ошибочное мнение, что сами они якобы не могут впасть в зависимость от наркотика. Факты доказали обратное: в рядах морфинистов насчитывается очень много медиков.

В конце XIX и в начале XX века морфинизм прокладывает себе путь в светские круги. Порок считается выражением утон-

ченного вкуса, вплоть до того, что в высшем свете заядлые морфинисты дарят друг другу золотые шприцы, усыпанные драгоценными камнями, кольца и медальоны с порошками, наборы наркотиков в инкрустированных шкатулках и т.д.

Незвизрая на предупреждения здравомыслящих медиков, многие не понимают опасности, таляцейся в морфинизме. После первой мировой войны только в Париже число зараженных потребителей морфия превышало 50 тыс. Более поздние французские статистические данные показывают, что 30 % из "малых" морфинистов ежедневно употребляют около 0,5 г /терапевтическая обычная доза составляет 0,02-0,06 г в сутки/. Группа "средних" морфинистов, составляющая 60 % их общего числа, употребляет от 0,5 до 1,5 г в день. Категория морфинистов - "тяжеловесов", употребляющих самые крупные дозы, составляет 10 %. Но не следует забывать, что большинство из них вскоре отказывается от морфия в пользу героина, который дает им более сильные ощущения. Потом они постепенно переходят к синтетическим наркотикам. Этот адский цикл сатирически описал Бальзак в "Дьявольской комедии". Известный романист потрясен "перенаселенностью преисподней" в результате великих открытий: пороха, печатного дела и... морфия. Это была пора, когда первый потомок опиума давал большой процент самоубийц.

Настоящий морфинист всегда имеет при себе шприц и несколько ампул. Где бы он ни находился, в общественном ли месте, в театре, на приеме, в самолете или на сцене, больной не колеблясь делает себе на месте укол, иногда даже через карман пиджака или просто через одежду, которую носит.

+ + +

В настоящее время в Соединенных Штатах марихуану, или "леди Хэмп", как ее еще называют, употребляют в виде сигарет, особенно молодые хиппи, объединяющиеся в ассоциации, где практикуется групповая наркомания.

+ + +

Самозащита

Дедериху глубоко запали в память те несколько лет кошмара, в котором он пребывал, будучи жертвой алкоголя, и поэтому он решил посвятить все свои силы борьбе против любых форм наркомании. В течение ряда лет он внимательно изучал явление наркомании и пришел к выводу, что никто не может спасти зараженных данников порока, кроме них самих, благодаря собственной воле и активному действию.

Дедерих убедился, что излечение наркомана на дому - иллюзия, что необходимо найти форму, обеспечивающую ему специальный уход, соответствующее окружение, на которое он должен согласиться; он должен быть убежден, что только таким образом сможет избавиться от порока. Учтя неудачный опыт больниц-тюрем или экспериментальных центров, Дедерих задумал создать нечто вроде общины, неподобие той, которая помогла ему самому вернуться к нормальной жизни. Он собрал группу сторонников своих идей и отправился в путь. Так в 1958 году в Лос-Анджеле-

се, в заброшенной лавке, Чак и несколько наркоманов основали общество взаимной помощи. Кто-то предложил название: "Синамон". "А что означает это слово? - спросили с недоумением остальные. "Ничего не означает". - ответил тот, кто предложил название, добавив в шутку, что и они в сущности начали свою деятельность на пустом месте...

Вначале было невыразимо трудно. Не хватало средств, власти относились к Чаку и его товарищам подозрительно, а многие наркоманы остерегались присоединиться к операции "Синамон" из опасения, что их могут провести, как уже не раз бывало.

На деньги, собранные благодаря общественным пожертвованиям либо добровольным вкладам первых членов общества, Дедерих снял ангар, принадлежавший яхт-клубу в Санта-Монике, на побережье Тихого океана.

Первая группа в составе 60-70 наркоманов, которая сплотилась вокруг Чака, через несколько месяцев упорного труда превратила ангар в красивое сооружение, с окнами, выходящими на океан, оборудовала в нем читальный и спортивный залы. Прошло немного времени, и странное поселение на берегу Тихого океана становится прибежищем все большего числа пленников наркотиков. Газеты писали о "Синамоне" как о типично американской достопримечательности, а в некоторых медицинских кругах задавались вопросом, не пора ли вмешаться и положить конец "ненаучному опыту". Между тем росло число лиц, которые, разочаровавшись в больничном лечении, отправлялись в Санта-Монику.

Наступил момент, когда неизвестному защитнику наркоманов предложили предать гласности свою "теорию", объяснить, в чем заключается избранный им метод. Чак в замешательстве: он не думал до сих пор о такой возможности. И все же ему есть о чем сказать. Прежде всего он считает, что с наркоманом следует обращаться не как с больным, а скорее как с **ребенком**. "Я считаю, - утверждает он, - что на наркомана нельзя смотреть как на взрослого, ибо он по сути дела пребывает в стадии инфантилизма и находится в большей зависимости от своего героина, чем младенец от родителей. Как и ребенок, наркоман живет где-то вне реальной жизни. В этих условиях применение к нему режима взрослого может произвести только неудачу". Самую большую сенсацию произвел Дедерих тогда, когда к изумлению медицинского мира решил исключить из курса дезинтоксикации в центрах "Синамон" в с е л е к т в а. Кроме аспирина, используемого крайне редко, никакие другие медикаменты, а также кофе и алкоголь в общине безмяннных наркоманов не употреблялись.

В основе теории Дедериха лежат следующие принципы:

- 1/ Самым действенным спасением является самоспасение;
- 2/ Наркомана нужно убедить, что он не болен;
- 3/ Бывший наркоман - самый надежный помощник лечащегося наркомана;
- 4/ В "Синамоне" не применяется ни один из классических методов дезинтоксикации;
- 5/ Строгое соблюдение добровольности;
- 6/ Нормы совместного проживания в общине наркоманов должны соблюдаться в точности. Тот, кто не соблюдает их, может уйти.

Ворота центров "Синамон" открыты в обоих направлениях. Сюда принимает всякого, и отсюда может уйти всякий в любое время.

Войдя в одни из таких ворот, на главном фасаде здания можно увидеть спасательный круг, против которого написано: "Держись хорошенько! Работай интенсивно - и ты спасешься!".

Непредупрежденный посетитель присутствует при странном спектакле. Группа людей, находящихся в здравом уме, живет, работает и развлекается в обстановке, напоминающей... детский садик. Даже язык, на котором они говорят, типично детский. Бросается в глаза праздничное, лишенное строгости и убранство помещений. Здесь нет ни жесткости казарменного режима, ни мрачной суровости клиник для дезинтоксикации. Все кажется естественным, непринужденным. Правда, некоторые пациенты с более острыми психическими расстройствами нелегко переносят даже этот режим. Многие ушли /не убежали, ибо никто их не задерживает/ и не возвратились. Другие рискнули расстаться с общиной, но потом вернулись, и к ним была применена высшая мера воздействия: бритье головы, восемь дней дежурства и табличка с надписью, содержащей порицание за отклонение от норм общины.

Этапы спасения чередуются в зависимости от реакции каждого индивидуума. Выдержав "детское лечение", наркоман, в какой-то степени выздоровевший, переводится в категорию взрослых и, органически слившись с общиной, начинает работать в административных службах. Некоторые предпочитают работать по специальности, и с этой целью их направляют в мастерские.

После двухлетнего пребывания в "Синамоне" лица, которые полностью выздоровели, объявляются "дипломированными" /окончившими курсы/ и должны выбрать между возвращением домой или возможностью остаться в общине и посвятить себя спасению других жертв "белого опьянения". Среди приезжающих в "Синамон" для дезинтоксикации встречаются иногда люди, известные в общественной жизни или в артистическом мире. Но их имена окружены абсолютной тайной, так диктуют неписанные законы организации безмянных наркоманов. Говорят, например, о владельце крупной судоходной компании и о знаменитом голливудском режиссере, которые полностью излечились после нескольких лет пребывания в центрах, руководимых Чаком Дедерихом. Свыше тысячи наркоманов прошли лечение в этих центрах и большинство не рецидивировали. Часть из них вернулась и обязалась участвовать в пропагандистской деятельности по расширению сети "Синамон". Община-прародительница в Санта-Монике насчитывает теперь свыше 300 членов, а за последние 12 лет создано еще пять таких же крупных общин. Две из них расположены близ Сан-Франциско. Другие центры "Синамона" работают в Сан-Диего и в Веспорте, недалеко от Нью-Йорка.

Очень активным является приемный пункт "Синамона", находящийся в Манхэттене, где процент наркоманов считается одним из самых высоких.

Размах деятельности общества безмянных наркоманов определяется не только оригинальностью методов, применяемых их наставников Дедерихом, но в первую очередь, реальными успехами, достигнутыми в деле восстановления здоровья значительного числа наркоманов.

Однако враждебность определенных медицинских кругов начинает приобретать новые, конкретные формы. Несколько лет назад владельцы частных клиник обвинили Чака Дедериха в незаконном практиковании медицины. Его приговорили к одному меся-

цу заключения в тюрьме в Санта-Монике, недалеко от созданной им общины. Сразу после освобождения руководителя "Синамона" приходится преодолевать неприязненное отношение со стороны коллег, сталкиваясь каждый раз с теми же ограниченными интересами владельцев и директоров больниц для наркоманов. Нападкам на метод "Синамона" Дедерих противопоставляет вполне конкретные результаты, которые могут быть проверены.

Хотя специальные статистические данные и не опубликованы, из заявлений Дедериха можно заключить, что с 1958 года и до сих пор 60 % из общего числа наркоманов, лечившихся в "Синамоне", полностью выздоровели. Такого процента не достигало до настоящего времени ни одно американское учреждение по дезинтоксикации.

В интервью французскому журналисту Чак Дедерих заявил: "Если нам не будут мешать продолжать нашу деятельность, то мы сможем спасти каждый год от 5 тыс. до 10 тыс. наркоманов". А пока эти результаты еще не достигнуты, фирма "Синамон" объявляет о некоторых важных событиях: 100 браков, заключенных в общинах, и рождение первых детей, у которых не были обнаружены специфические симптомы "наркотического голода", хотя их родители, прежде чем переступить порог "Синамона", были явными наркоманами. Быть может, это и есть самое убедительное доказательство целительных свойств странного, но благотворного режима, установленного бывшим алкоголиком Чаком Дедерихом.

Подобные опыты приводят к более или менее положительным результатам и в других странах, например в Англии, где несчастная мать одного молодого наркомана сумела создать добровольное общество по предупреждению наркомании.

ДЕЛО БОЖИЕ

Последующие высказывания - документы, авторы которых - наши современники, собраны в разных концах света, но каждый по-своему говорит об одном: жив Господь и жива душа твоя!

"Я хочу рассказать, что может Иисус. Я читал одну историю. В ней написано, как Иисус воскресил мертвого. Он пошел к нему и сказал: выйди вон из гроба! Больше Он ничего не делал, только сказал это. Без магии, без волшебства, без опьяняющего ладана, без стимулирующей музыки. Он просто говорил. Я тоже был мертвым. Он и меня из кошмарного мира наркотиков вызвал к жизни.

Я сам себе не мог помочь. Иисус меня призвал. Своим Словом Он это делал и это Слово на меня подействовало. Раньше я христианам всегда говорил: у вас одни только слова. Когда я принимал наркотики, я жил в психоделическом мире представленный. Я чувствовал, насколько переадаптирован и фантастичен этот мир. Сейчас я переживаю Слова Иисуса как лекарство.

В истории, которую я читал, написано еще больше. Этот мертвый был уже четыре дня в гробу и уже вонял. Друзья, которые знали меня раньше, скажут, что я тоже вонял. И многие из вас воняют. Иисусу это не мешает. Он не отводит нос в сторону. Он смотрит на нас, любит нас и говорит нам: Выйди! Больше ничем Он не украшает Свои Слова. Но этого хватит. Для меня этого было достаточно.

Я благодарю Бога за то, что Он показал мне, что может Иисус. И об этом я всем хочу рассказать".

+ + +

"Моя прошлая жизнь, должно быть, мало отличается от жизни множества моих сверстников, ищущих правды, свободы, чего-то нового. Многим известно чувство неудовлетворенности эталоном, данным нам старшим поколением. Ведь многое плохо! Как же быть? Пересмотреть по-новому? Куда идти? Мир жесток и лучше от него уйти, как-нибудь забиться, пока он не поглотил тебя.

С тринадцати лет пришли на помощь наркотики, и, конечно, алкоголь. В это же время я стала заниматься идеями буддизма. Затем появились друзья - хиппи. С ними я постепенно получила свободу в своих желаниях, не зависела от окружающего мира. У нас было свое - музыка и до ужаса реальные видения. Казалось, выход найден, но как тяжело было возвращаться вновь к действительности...

Постепенно мысль о том, что самовыражение не заключается только в экзотической одежде и странных, с точки зрения окружающих, поступках, стала все чаще приходить в голову. Групповой секс, разве в этом свобода личности? Галлюцинации, разве в них счастье? Я мучилась, сомневалась и ... все больше наглатывалась таблеток.

Бессилие, отсутствие цели, приводили меня в такое отчаяние, что я чуть ли не каждую неделю пыталась вскрыть себе вены. Но инстинкт самосохранения удерживал меня и я только все больше презирала себя.

А сколько чудесных замыслов рождалось в душах моих друзей! И опять меланхолия, наркотики, секс... Идеи умирали. Сей-

час только я представляю себе состояние моей матери и бабушки, когда мы с мужем бормоча что-то бессвязное, с расширенными от ужаса глазами, искали у старых защиты от воображаемых призраков. Бабушка кропила нас святой водой и уносила подальше нашего сына...

И вот, однажды, внезапно на бульваре к нам подошли незнакомые люди и стали проповедывать Христа. "Э, старые идеи-ки!" - усмехнулись недоверчиво некоторые из нас и ушли. Мы с мужем остались.

Каждое слово западало в душу, вызывая неясные воспоминания о чем-то светлом, как ушедшее детство. Еще раньше, слушая оперу "Иисус Христос Суперзвезда", одурманенная вином и наркотиками, я рыдала, но теперь образ Спасителя вошел в мою душу.

Боже, неужели Ты, такой чистый, мучился из-за нас, таких грязных и неблагодарных? Мне делалось страшно, мне казалось, что я была сама в числе тех, кто плевал и бил Тебя.

Я стала вновь и вновь перечитывать Евангелие, и его человечность, грусть и сила захватили меня полностью. Я поверила так, как человек, спасшийся от гибели, верит в близкое счастье.

Теперь мне очень хорошо, у меня есть настоящие друзья, муж, скоро будет второй ребенок, а главное - есть вера. Без нее никакие радости и блага не дадут полной безмятежности и постоянной радости. Одно меня тревожит, мне очень тяжело видеть как мечутся хорошие люди, ищут разгадку тайны Бытия и не находят. Они видят глаза Иисуса, полные слез и сострадания... но боятся. Не надо, не пугайтесь, Он есть милосердие. Не мучайте своими извращениями ума и тела Искупившего нас тяжкий грех. Не мучайте себя. Обратитесь, и Он поможет. Только Он!"

+ + +

"Что значит - Бог возвращается? По-моему, Он был все время неподалеку от нас, разве нет? Просто мы были слепы и не видели Его. Прогресс и цивилизация породили безбожное общество.

После многих лет блужданий во тьме, интересуясь только тем, что болтают вокруг меня, я прочел несколько отрывков из буддийских текстов и тотчас понял, в чем суть религии. И тогда мне стало ясно, что все великие учителя - будь то Христос или Магомет - говорили то же, что я слышал и раньше. Но говорили по-другому. Бог - вот Он; Он ждет, чтобы каждый нашел Его. Но различные церкви и религиозные доктрины настолько запутались в схоластике, что смысл учений потерял свою ясность.

Разве существует более прекрасная истина, чем простое: возлюби ближнего? Одной крошечной фразой можно разрешить все проблемы мира. Бог никогда не возвращался ко мне. Я просто блуждал и неожиданно нашел Его там, где Он был все время."

+ + +

С ранних лет я был всем недоволен. Я возненавидел людей за их подлость и лицемерие. Я чувствовал свое превосходство над всеми. Моим девизом было: испробуй все - и хорошее, и

плохое, и тогда поймешь смысл жизни. Я стал все ниже и ниже опускаться, вина чем подолгу не задерживаясь, пробуя все, что могла дать мне жизнь.

Среди людей меня охватывало одиночество. Друзья, знакомые - никто не мог помочь мне. Моя идея познания добра и зла провалилась. Я вынес из него только чувство неприкаянности в этом мире и в этом человечестве. Доведенный до последней степени пессимизма, сменяемый отчаянием, я стал все чаще думать об отречении от этой жестокой и никчемной жизни.

Но человек предполагает, а Бог располагает.

Я встретил людей, которым всегда буду благодарен. Они своими убеждениями и делами заставили меня многое передумать. Они дали мне в руки Евангелие, где я нашел все то, что тщетно искал до сих пор. И приобрел веру, а вместе с ней и жизнь.

« Больше не чувствую себя одиноким. Со мною Господь, который никогда не покинет меня. Со мною братья и сестры, которые всегда помогут мне. Вокруг меня люди, которые идут моей помощи. И я стараюсь приблизиться к ним и вселить в их сердца ту любовь, которую теперь имею, ту веру, которая спасла меня. » в вечном долгу у людей и у Спасителя нашего Иисуса Христа.

АСФАЛЬТОВАЯ ОРАНЖЕРЕЯ

Ронни - теоретик "хиппизма"

Осенью 1967 года в Лондоне я впервые увидел хиппи. Тогда они только начинались как наиболее эксцентрическое выражение новой молодежной культуры. Культура эта, или - социологически более точно - субкультура, возникла спонтанно. В Англии она зародилась в пабах Ливерпуля, где впервые ударили по струнам Джон Леннон, Джордж Харрисон, Ринго Старр и Пол Маккартни; в маленьких лавчонках вдоль знаменитой Кингз-роуд в Челси, где Мэри Куант взмахом ножниц открыла девочкам ноги; на Карнеби-стрит, где парни-портные шили невыселимо яркие рубашки, галстуки, невероятной ширины джинсы...

Из Калифорнии приплыли первые хиппи, нечесанные, лохматые, в бубенчиках, бусах, браслетах. Тогда о них говорили на всех углах.

Там было весело тогда, в ноябре 1967-го! На маленькой Карнеби-стрит в каждой лавочке танцевали и пели под гитару. На Портобелло-роуд вдоль бесконечных рядов толкучки бродили парни и девочки со всего мира и в пабах и на обочине пили темное пиво "гиннес". Тогда у меня была в руках газета хиппи " " / " " /, и я переводил оттуда стихи про Портобелло-роуд.

Суббота, фестиваль
всехоборванце в-хиппи.

На Портобелло-роуд
двухверстные ряды.

Базар шарманчиков,
обманчиков,
адвокатов и акробатов,
турецкой
кожи, индийской лежи,
испанской
бахромы и летчиюв
хромых.

И треугольных плян
у мистера Тяп-Лян.
Томов лохматой прозы
у мистера Гриппозо.

Эму и какаду...
Я вдоль рядов иду.
Я чемпионка стрипа,
в носу кусты полинов,
под мышкой сучье вымя.
Свое не помню имя...
Здесь пахнет эд-эс-ди,
смотри не наследди!

Мы шли в "Индиго" - магазинчик и идейный центр "движения хиппи".

Стройный и смывленный паренек с огромными в мелкие юлечки завитыми волосами, так и быть, согласился потолковать с русским прозаиком. Мы сидели на ящиках в подвале "Индиго", где несюлько его друзей работали над плакатами встиле поп-арт и над значками с дерзкими надписями.

- Наше движение рвет с обществом, - говорил мне пышно-головой Ронни /будем так его называть/. - Мы уходим из всех общественных институтов. Мы свободны.

- Знаете, Ронни, ваша манера одеваться напоминает мне русских футуристов в предреволюционное время.

- А, эти! Ну, ваши цели много серьезнее!

- Цели, Ронни? Значит, все-таки есть цели?

Парень загорелся. Я даже и не предполагал такой страсти у сторонника полного разрыва с обществом.

- Мы уходим из общества не для того, чтобы в стороне презирать его, а для того, чтобы его улучшить! Мы хотим изменить общество еще при жизни нашего поколения! Как изменить? Ну, хотя бы сделать его более терпимым к незнакомым лицам, предметам, явлениям. Мы хотим сказать обществу - вы не свиньи, а цветы... Ксенофобия - вот извечный бич человечества. Нетерпимость к чужакам, к неприятому сочетанию красок, к неприятым словам, манерам, идеям. "Дети-цветы" будут говорить: будьте терпимы к нам, как и мы терпимы к вам. Не чурайтесь чужого цвета кожи или рубахи, чужого нения, чужих "измов". Слушайте то, что вам говорят, и говорите сами - вас слушают. Любовь - это свобода! Все люди - цветы! Учитесь мужеству и любви у апельсиновой ветви. Опьяняйте друг друга. Летайте!

Произнося этот монолог, теоретик раннего "хиппизма" надел овечью шкуру и головной убор, который он называл "всепогодной мемориальной шляпой имени Жорда Китченора", и пригласил нас провести с ним вечер в кабачке " ", что возле рынка Ковент-гарден.

Перед " " стояла очередь, но у Ронни, конечно, был там "блат", и мы пробрались внутрь через котельную.

В " " сподвижники Ронни пускали по всему подвалу розовый, желтый, зеленый, черный дым. Сквозь дымовой коктейль оглушительно врубала поп-группа "Мазутные пятна".

Ронни сбросил шкуру и гренландский свой треух, ринулся в дым и начал танцевать, извиваясь и подпрыгивая. Мы толкались в кабачке часа полтора, а Ронни все танцевал без передышки. Иногда он выныривал из дыма - извивающийся, с закрытыми глазами, что-то шепчущий - и снова пропадал в дым.

Наконец мы очутились на поверхности, в патриархальной литературной тишине рынка Ковент-Гарден /цветочница Элиза!/, среди проволочных контейнеров с бруссельской капустой. Мы долго шли пешком по мокрым тихим лондонским улицам, отражаясь в ночных витринах всей нашей случайной осенней компанией - Аманда, Джон, Ольга, Габриэлла, Николас... Мы говорили о хиппи, о футуристах, о ксенофобии...

Что стало с той компанией образца осени 1967-го? Я никого из них больше не встречал, но слышал, что кто-то стал преподавателем в университете, кто-то - врачом, кто-то - астрологом... Так или иначе - все эти западные молодые люди ходили дорожкой хиппи, а Аманда по ней добралась до Непала. Однако, говорят, вернулась, защитила диссертацию и родила дитя.

Движение и стиль

... И вот через восемь лет я оказался в Калифорнии, на том западном берегу, где как раз и возникло это странное "движение".

... - Ты видишь? Вот здесь в 1972 году яблоку негде бы-

до унасть - повсюду сидели хиппи...

Перед нами залитый огнем реклам Сансет-стрип... Пустота. Тишина. Лишь идет, посвистывая, ночной прохожий. Постукивает стодолларовые башмаки. Ветерок откидывает фалду от личного блейзера.

...- Ты видишь? Вот здесь, собственно говоря, и появились первые хиппи. Здесь родилось это слово. Раньше здесь яблоку негде...

Перед нами перекресток Хайтс-Албери в Сан-Франциско. Божит кот через дорогу. На столбе сильно подержанная временем листовка - "Инструкция по проведению пролетарских революций в городских кварталах". Открывается со скрипом дверь, появляется сгорбленный человек лет пятидесяти, весь почему-то мокрый до нитки, капли каплют с носа, с волос, с бровей. Снюльзнув невидящим взглядом остекленевших глаз, тащится мимо.

...- Ты видишь? Вот здесь собирались хиппи. Здесь, возле ресторана, а вдоль всей дороги Пасифик-коуст-хайуэй стояли хиппи и "голосовали".

Перед нами бывший костер хиппи, забранный в чугунную решетку и превращенный в камни. Мы на застекленной веранде ресторана "Натэнэ", висящей над океаном, в сорока метрах от Монтеррея. Судя по ценам, инвентура ресторана - "высший средний класс". А есть ли здесь хоть один хиппи, не считая официантов, одетых а-ля хиппи? Вон сидит одна старая женщина с закрытыми глазами, она - старая хиппица...

Хиппи кончатся. Между тем за прошедшее восьмилетие даже и у нас в сленге появились слова, производимые от этого странного слова: "хиппуэ", "захипповал", "хиппово", "хиппари"...

Между тем во всех странах Запада оформилось, развилось, разрослось явление, которое называют теперь "стиль хиппи". "Массовая культура", развлекательная и потребительская индустрия перемальвает этот стиль на своих жерновах. Майки с надписями и рисунками - гигантский бизнес. Джинсы заполнили весь мир. Куртки, сумки, прически, пояса, пряжки, музика, даже автомобили в стиле одинокого мореплавателя-хиппи, плывущего свободно и отчужденно через море страстей. "Движение" превратилось в "стиль".

Ты, Ронни, наивный теоретик ранних хиппи, детей-цветов, разве ты не знал, что на цветок, засунутый в ствол, карабин отвечает выстрелом?

...Я помню демонстрацию "детей-цветов" возле вокзала "Виктория" солнечным ноябрьским днем 1967-го. Лондон тогда поразил меня обилием солнца и молодежи. Как он отличался от литературного стереотипа "туманный, чопорный, чугунный"!

Они ничего не требовали в тот день, а просто показывали себя солнцу и Лондону. Цветы, власть цветов - смотрите на нас и меняйтесь! Грядет революция духа, революция любви!

Не пройдет и года, как "квадраты" в полицейской форме будут избивать "неквадратный народ" и в Париже, и в Чикаго, и в других местах мира.

Месяц за месяцем больше и больше оранжевая превращалась в костер. Кабинетные социологи, разводя холемными ладонями, объясняли бунт молодежи повышением солнечной активности. В гуще хиппи, в котле, кто-то, но только уже не Аполлон, сбивал мутовкой масло, и раскаленные шарики выскакивали на по-

верхность - воинственные хиппи, "городецкие герильеры", а потом и гнусные слуги "сатаны" Мэнсона. Диалектика давала урок любителям ботаники. Хоть расшиби себе лоб о стенку - повсюду "единство противоположностей", повсюду резиновые пули, слезоточивый газ.

Сни еще долго бунтовали, забыв про "Власть цветов", превращая кампусы в осажденные города.

Тихающий профессор в Беркли рассказывал:

- Тревожное было время, господа, и не совсем понятное. Однажды читаю я лекцию, и вдруг входит отряд "революционеров". Впереди черный красавец.

- Что здесь происходит? - гневно спрашивает он. - Засоряете молодые умы буржуазной наукой?

Они приблизились и окружили кафедру. Голые груди, длинные волосы, всяческие знаки - и звезды, и буддийские символы, и крестики, а главное, знаете ли, глаза, очень большие и с очень резким, непонятным выражением. Нет, не угроза была в этих глазах, нечто другое - какое-то странное, резкое выражение, быть может, ближе всего именно к солнечной радиации...

- Между прочим, ба, как интересно! - прервал вдруг сам себя профессор. - Вы можете сейчас увидеть героя моего рассказа. Вот он, тот вождь!

Профессор показал подбородком и тростью - слегка.

Мы шли по знаменитой Телеграф-стрит в Беркли. Здесь еще остались следы бурных денечков: в некоторых лавках витрины были заложены кирпичом. Витрины этой улицы оказались, увы, главными жертвами молодежных "революций", безобиднейшие галантерейные витрины. Я повернулся по направлению профессорской трости и увидел чудеснейшего парня. Он сидел на тротуаре в позе "лотос", мягко улыбался огромными коричневыми глазами и негромко что-то наигрывал на флейте. Улыбка, казалось, освещала не только лицо его, но и всю атлетическую фигуру, обнаженный скульптурный торс и сильно развитые грудные мышцы и грудину, на которой висело распятие. Свет улыбки лежал и на коврике перед флейтистом. На коврике были представлены металлические пряжки для ремней - его товар. Рядом, склонив голову, слушал музыку, сидела чудачковатая собака, его друг.

- Вы видите, он стал уличным торговцем, - сказал профессор. - Многие наши берклийские "революционеры" и хиппи стали сейчас уличными торговцами.

Я посмотрел вдоль Телеграф-стрит, на ее торговцев и понял, что это, конечно, не настоящая торговля, что это новый стиль жизни.

Дороги земные и "неземные"

На обочине тротуара была разложена всякая всячина: кожаные кошельки, шляпы, пояса, пряжки, поясные кошельки, джинсовые жилетки, поношенные рубашки " /VBC США/ с именами летчиков на карманах /особый шик!/. брелоки, цепочки, медальоны и прочая дребедень. Торговцы - парни и девушки - сидели или стояли, разговаривали друг с другом или молчали, пили пиво или читали. Одеты и декорированы они все были весьма экзотично, весьма карнавальным, но вполне по нынешним временам

пристойно и чисто. Правда, все они курили не вполне обычные сигареты, и не вполне обычный сладковатый дымок развеивал океанский сквознячок вдоль Телеграф-стрит.

В то время, когда одни бунтовали, другие ныряли в неземные и невоздушные океаны, совершали , то есть отправлялись в "путешествие" к вратам Рая. Страшный галлюциноген открывал истину, как утверждали его приверженцы. В газетах то и дело появлялись сообщения о том, что очередной хиппи, приняв эл-эс-ди, вообразил себя птицей и "сыграл" из окна.

Хиппи шли дорогой контрабандистов, но в обратном направлении, к маковым полям, через Марокко и Ближний Восток в Пакистан, Индию, Бангладеш, Непал... Себя они считали истинными хиппи - в отличие от "пластмассовых".

Несколько лет назад девушка из одной лондонской компании писала мне:

"...Ты знаешь, у нас образовалась , семья, и это было очень интересно, потому что все понимали музыку и философию и, конечно, "совершали путешествия".

Однажды наш гуру Билл Дабль сказал, что его позвал Шива, и стал уходить в море. Мы смотрели, как он по закатной солнечной дорожке уходил все глубже и глубже, по пояс, по грудь, по горло. Всем был интересен этот торжественный момент исчезновения нашего гуру в объятиях Шивы. Многим уже казалось, что и они слышат зовы богов. Мне тоже казалось. Впрочем, не уверена.

Но Билл не исчез в объятиях Шивы, а стал возвращаться. Он сказал, что, когда вода дошла ему до ноздрей, он услышал властный приказ Шивы - вернуться!

Конечно, наша после этого случая стала распадаться - ведь многие стали считать Билла Дабля парлатаном. А в 1971 году на фестивале в Амстердаме ребята сказали, что Билла убили велосипедными цепями в Гонконге, в какой-то курьезно:

Хотя кое-кто и утверждает, что особо сильные яды уже не пользуются в Калифорнии большим спросом, сладкий дымок наркотиков по-прежнему вьется по улицам калифорнийских городов. В печати дебатруется проблема легализации марихуаны.

Ясно одно: американское общество интегрирует даже и эту грозную страсть хиппи - наркотики. Демонический вызов обществу и реальному миру оборачивается модой, стилем. Не удивлясь, если через год над городами появятся рекламные плакаты сигарет с марихуаной - разумеется, снабженные врачом предостережением./По закону страны все табачные рекламы снабжены предупреждением о вреде курения/.

А где же нынче хиппи? Неужто уже полопались эти очередные "пузыри земли"?

Да нет же - еще популяризируются! Более того, фигура хиппи уже стала одной из традиционных фигур американского общества - наряду с ковбоем и шерифом из фильмов-вестернов. Я видел колонии хиппи в лос-анджелесском районе "Венеция" на берегу океана. Они живут там в тесных домах, сидят на балконах, поджариваясь на солнце, или лежат на газонах и пляжах, стучат день-деньской в темтамы, слушают "лекции" бродячих философов-свами.

Одни хиппи ничего не делают. Другие уходят в религиозные поиски. Есть сейчас и хиппи-трудяги. Например, одна представительница этого племени держит ресторан. Называется он

довольно забавно:"

что напрямую переводится как "Великая американская компания продовольствия и напитков". Если представить себе ресторан подобного рода в Москве, то название это следовало бы перевести иначе - ну, что-нибудь вроде "Министерства пищевой промышленности РСФСР". Ребята сами готовят национальные американские блюда, вроде жареных бычьих ребер с вареньем, и очень обижаются, если кто-нибудь оставит хоть кусочек на тарелке.

- Эй, что-нибудь не так? Почему остановились? Нет-нет, нельзя, чтобы такая потрясная кратва пропала!

Однако не только из-за еды стоит сюда очередь. Здесь все поет, все члены "семьи", все официанты и бармены - поет и пританцовывает. Быстро передав заказ на кухню, длинноволосый паренек бросается вприпiano, играет и поет что-нибудь вроде "Меди Мадонна". В другом углу две девчонки танцуют "бамп", в третьем - гитарист исполняет ковбойскую балладу.

Вот в этом видится нею торое новшество: "семья" хиппи, занятая общественно полезным делом.

Мне кажется, что для определенных кругов американской молодежи временное приближение или даже слияние с хиппи, так сказать, "хождение в хиппи", становится как бы одним из "университетов", вроде бы включается в национальную систему воспитания. Вредно это или полезно - не берусь утверждать, но во всяком случае для того слоя общества, который здесь называет, это поучительно. Хиппи сбивают с этого класса его спесь, косность и снобизм, дети этого класса, пройдя через трудности хиппи, возвращаются измененными, а значит...

Что это значит? Я возвращаюсь к монологу вдохновенного Ронни из лондонского "Индиго". Чтож, значит он не во всем ошибся? Значит, не так уж и смешны были его потуги "изменить общество еще при жизни этого поколения"?

Я не был на Западе после 1967 года почти восемь лет. Жизнь изменилась. Конечно, общество и люди меняются под влиянием солидных, как химические реакции, социальных процессов, но ведь и "движение хиппи" - тоже одно из социальных явлений, и возникший сейчас "стиль хиппи" - это тоже социальное явление.

Хиппи не создали своей литературы в отличие от битников, но они создали свою музыку, свой ритм, и раскачали этим ритмом всю буржуазную квартиру.

Новая молодежь заставила некоторую часть меценства усомниться в ценностях долларового мира, а простым людям открыла новые горизонты гордости. Хиппи создали свою одежду, внесли в быт некую карнавальность, обгрызли и выплюнули пуговицы сословных жилетов.

И снова Ронни

...На обратном пути я решил сделать остановку в Лондоне. Я даже так подгадал свой рейс, чтобы прилететь утром в субботу, базарный день на Портобелло-роуд.

И вот свершается еще раз авиачудо, которому мы до сих пор в душе не перестаем удивляться: вчера ты сидел на крыше Ливингльн-центра, глядя на пришвартованный к континенту дрейноут Манхэттена, сегодня ты в гуще бабушки-Лондона, на Порто-

белло-роуд.

На первый взгляд ничего не изменилось: те же шарманщики, обманщики, адвокаты, акробаты, турецкая кожа, индийская лажа, эму и канаду, тома лохматой прозы у мистера Гринпозо...

Однако тут же замечаешь, что индустрия "стиля хиппи" работает и здесь на всю катушку. Повсюду продаются сумки из грубой мешковины с надписями " " и майки "

" , и значки, и брелоки. Толпа такая же густая и яркая, но тебя все время не оставляет ощущение, что это ОБЫЧНАЯ западная толпа. Ты идешь и смотришь, и вокруг тебя люди идут и смотрят. Как и прежде, разноязыкая речь и разные оттенки цвета кожи, но тут до тебя доходит смысл происходящего: сегодня ты здесь всего лишь турист и все вокруг туристы, а остальное — обслуживающий персонал.

Этим же легким тленом обычности подернута и маленькая, захваченная в Сити, Карнеби-стрит, куда я приплелся вечером по следам 1967 года. По-прежнему были открыты маленькие лавочки, где раньше все продавцы пели и пританцовывали, но вдохновенные их выдумки теперь стали уже ширпотребом.

Густая толпа туристов проходит по Карнеби-стрит и утекает к центру, к Эросу на Пикадилли-серкус.

Кажется, Портобелло-роуд и Карнеби-стрит стали простыми туристическими объектами.

Я утекаю вместе с толпой, пересекаю Риджент-стрит и Пикадилли, брожу по Сохо и вижу на одном углу нечто новое: отличный музыкант, играющий сразу на четырех инструментах.

Парень в выцветшей майке — настоящий артист. За спиной у него барабан, он играет на нем с помощью ножной педали. В руках — гитара, под мышкой — бубен. Губная гармошка закреплена перед ртом на зажиме.

— "Обвяжи кельту ленту вокруг старого-старого дуба" — поет он, а следующую фразу гудит на губной гармошке, звенит гитара, бренчит бубен, ухает барабан.

Слушателей много, они подхлопывают в такт, бросают монетки в раскрытый гитарный футляр. Девушка, подруга артиста, бродит в толпе с кружкой.

— Для музыканта, сэр. Благодарю. Вы так щедры!

Я смотрю на музыканта, ему лет тридцать, и на лице его уже отпечатались следы внешних безумств. Да ведь это Ронни, наконец, снимаю я, тот самый мой пылкий Ронни, дрожавший от земного электричества, взведенный и торчавший в зенит гладилус из лондонских асфальтовых оранжевой.

— Ронни, это ты? Ронни, какое странное настроение! Твоя молодость уходит, а я грущу по ней, как по собственной, по которой давно уже отгрустил.

Он улыбается, ищет взглядом в толпе, находит и еще раз улыбается, широко и сердечно — так, как он, наверно, раньше, в эпоху своих манифестов, не улыбался. Потом он играет несколько тактов на губной гармошке, откидывает голову и поет, улетающий гортанным голосом за лондонские крыши, песенку "

". Это он поет для меня. Хорошо, что я завернул в Лондон на обратном пути из Калифорнии в Москву.

Да, горячая декада англо-американской молодежи закатывается сейчас за кривизну земного шара. Что они решили, да и что они могли решить, эти бедные дети "асфальтовых оранжевой"?

Но что с ними будет? Кем они станут в бурлящем котле социальных событий? Ведь они еще молоды. И кто придет им на смену?

Я думаю об этом потому, что, хотя декада и закатывается, но, как в Одессе говорят, "еще не вечер", потому что вообще, пока эта штука вертится, еще не вечер, еще не вечер...

ONE WAY

JESUS CHRIST
GOD'S
LOVE
SON
SAVIOR

БОГ УМЕР
(НИЦШЕ)
НИЦШЕ УМЕР.
БОГ

JESUS
MY
LORD

ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ

YOU HAVE A
LOT TO LIVE
JESUS
HAS A LOT
TO GIVE

WE SHALL OVERCOME
SOME DAY
OH, DEEP IN MY HEART
I DO BELIEVE
WE SHALL OVERCOME
SOME DAY

РАЙ
МЯД
ЛЮБОВЬ
СВОБОДА

WOW!
FREE LOVE

LOVE CHILDREN

HELP
NEED DOWN

CHRIST
SUPERSTAR

FLOWER

JESUS

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Революция XIX века произойдет в Соединенных Штатах. Только там она и может произойти. В сущности, она уже началась. Распространится ли эта революция на остальной мир, зависит от ее успешного завершения в Америке.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что подобные заявления могут вызвать возмущение и недоверие в левых кругах Европы и в странах Третьего мира, как теперь называют развивающиеся страны. Мы привыкли видеть в Соединенных Штатах не очаг революционного брожения, а препятствие для революции, которое следует опрокинуть; мы привыкли судить об успехах революции по масштабам отсупления Соединенных Штатов. И вот теперь нам предлагают признать несостоятельность нашей точки зрения и попытаться оценить будущее без удобных, но неверных критериев.

Если мы составим список недугов, в избавлении от которых нуждается человечество, мы тем самым наметим программу необходимых революционных преобразований: нужно уничтожить войны и империалистические взаимоотношения путем уничтожения государств и идеи национального суверенитета; устранить возможности прихода к власти диктаторов /одно из условий для уничтожения войн/; уравнивать для всех стран возможности в области экономики и народного образования; научиться регулировать рождаемость в масштабах всей планеты; обеспечить полную свободу любой идеологии, культуры и морали — эта свобода необходима как для личного счастья каждого человека, связанного с ощущением собственной независимости и возможностью выбора различных путей, так и для наилучшего использования огромного творческого потенциала всех обитателей нашей планеты.

Программа эта, нечего и доказывать, утопическая. В пользу ее говорит лишь одно обстоятельство: если ее не осуществить, человечество не выживет. Необходимая для осуществления этой программы замена одного политико-общественного строя другим и совершается сейчас, на мой взгляд, в Соединенных Штатах. Подобно другим великим переворотам, процесс этот может распространиться на весь мир только в том случае, если он просочится, благодаря своего рода политическому осмосу, из страны-основательницы во все остальные.

Соединенные Штаты могут сейчас претендовать на роль источника революции в силу следующих причин: эта страна переживает непрерывный рост экономики и материального благосостояния, совершенно необходимый для осуществления революционных преобразований; она достигла высокого уровня развития науки и техники, а также исследовательских разработок; ее культура больше ориентируется на будущее, чем на прошлое; она переживает переворот в области норм поведения, свободы личности и всеобщего равенства; она отвергает авторитарные методы управления и поощряет творческую инициативу во всех областях — в особенности в искусстве, в образе жизни, в восприятии действительности — и допускает сосуществование множества взаимодополняющих и взаимодействующих субкультур.

Из вышесказанного ясно, что различные аспекты революции тесно связаны между собой и отсутствие одного ослабляет остальные. Поэтому одновременно должны совершиться или все пять революций, или ни одной: политическая революция, социальная революция, научно-техническая революция, революция в области

культуры, иерархии ценностей и норм, революция международных и междурасовых отношений. Соединенные Штаты сейчас являются единственной страной, насколько я могу судить, где протекают все пять революций, причем именно таким образом, что сливаются в единую революцию. В остальных странах либо ни одна из этих революций еще не началась, так что говорить вообще не о чем, либо же начавшийся процесс лишен одной, двух или трех революций, что переводит рассуждения о перевороте в ту область, где желаемое выдается за действительность.

Рассуждая о Соединенных Штатах, мы обычно повторяем одну и ту же ошибку - мы прилагаем к ним привычные для нас революционные критерии, которые чаще всего являются чисто теоретическими положениями. Затем, видя, что американский путь этим критериям не отвечает, мы делаем вывод, что Соединенные Штаты - страна реакционная.

Все революционные программы, с которыми мы знакомы и которые мы обычно стремимся провести в жизнь, строятся на борьбе двух антагонистических начал: крестьян против помещиков, рабочих против капиталистов, колоний против колонизаторов. Протекающая сейчас американская революция, однако, напоминает скорее вращение, вызывающее к жизни центробежные силы, чем лобовое столкновение двух противников. Конечно, американская революция имеет точки соприкосновения со старомодными революциями: существование угнетенных и угнетателей, эксплуатируемых и эксплуататоров, бедняков и богатых. Есть в США тоже люди, которые считают существующее положение вещей несправделивым /обязательная предпосылка революции/, и существуют разногласия в правящей элите.

Но в этой революции есть и черты совершенно новые, характерные именно для США. Американские "бедняки" - это бедняки особого рода: они зарабатывают от 1500 до 3000 долларов в год и, если опускаются ниже верхнего предела, то получают право на государственное пособие. В Европе семья с таким годовым доходом считается достаточно обеспеченной, хотя, вопреки общему мнению, цены в европейских больших городах лишь незначительно ниже американских. В США, однако общее благополучие делает все относительным - поэтому некоторые моральные и психологические факторы, играющие в Европе важную роль, гораздо слабее сказываются на выдвижении революционных идей здесь. Американская революция, несомненно, является первой революцией в истории человечества, в которой яблоком раздора служат нравственные, а не материальные ценности. Американские революционеры желают не просто поровну делить общественный пирог между всеми - они хотят испечь совершенно новый пирог. Стремление подвергнуть критике иерархию ценностей, все еще диктуемое больше страстями, чем разумом, обуяло всех благодаря свободе распространения информации - свободе, которой не допускала ни одна цивилизация даже в замкнутом кругу правящих группировок, не говоря уже о средствах массовой информации. Доступность информации породила повсеместное и сильное чувство вины, страсть к самобичеванию, порой доходящую до крайностей. А чувство вины, в свою очередь, вызвало к жизни другое, тоже не имеющее прецедента в истории явление: бунт страны против ориентации американской внешней политики.

Не только этот бунт, однако, указывает, в каком направлении движется новая революция. Еще не существовало общества, которое стояло бы перед таким сложным вопросом, как негритян-

ский вопрос в Соединенных Штатах. Перед лицом этой болезненной внутренней проблемы и требований афро-американской части населения американское общество распадается на группировки и вступает на путь культурного полицентризма. Этот процесс, конечно, в корне подрывает наше ложное убеждение в "однородности" и "однородности" американского общества. В действительности, существующие в американском обществе сильные внутренние напряжения неминуемо должны толкать его к все большей многообразности и к большему разнообразию.

Другой беспрецедентной чертой американской революции является бунт молодежи, заразительность ю которой как на национальном, так и на интернациональном уровне весьма остро ощущалась в 1965-1970 гг. Вдобавок, молодежный бунт представляет собой новое явление в делении высших классов в революционные периоды, поскольку молодые революционеры в большинстве своем студенты, то есть принадлежат к привилегированному классу. Подчеркнем, что "привилегированный класс" в американских условиях - это очень широкое понятие, так что в данном случае можно говорить о привилегированных массах. Нынешние волнения объясняются не только увеличением процента молодежи в общем числе населения, но и увеличением процента учащихся в общем числе молодежи. Среди 207 миллионов населения насчитывается 7 миллионов студентов: к 1977 число это возрастет предположительно до 11 миллионов.

Говорят, что в Соединенных Штатах существует три "нации": чернокожая, вудстокская и уоллесовская. Что такое первая "нация", ясно из названия. Вторая получила свое наименование от массового политико-музыкального фестиваля, состоявшегося в Вудстоке /штат Нью-Йорк/ в 1969 году и знакомого многим по тогда же заснятому документальному фильму "Вудсток"; в нее входят хиппи и радикалы. Третья "нация", получившая название от имени губернатора Алабамы Джорджа Уоллеса, состоит из среднего класса белых американцев, символом ю которых стала каска строительных рабочих. Каждая "нация" пользуется типичной для нее фразеологией, тяготеет к определенным формам искусства и придерживается собственных обычаев. И каждая обладает собственной боевой группой: у вудстокской нации есть "ведермены", а у чернокожей - "черные пантеры", а у уоллесовской - Ку-Клукс-Клан и различные местные объединения жителей. К этим трем "нациям" мы могли бы добавить еще несколько, в частности, членов Женского освободительного движения, объявивших войну "сексизму" /то есть всякому неравенству полов/ и заимствующих методы борьбы у движений, провозглашающих лозунги "Власть черным" и "Власть студентам".

Существует, однако, еще большая группа американцев - не негров, не особенно молодых и не принадлежащих к интеллектуальной элите. Они не отличаются реакционностью, напротив, порой они настроены воинственно-прогрессивно: их зачисляют в несколько неопределенную категорию "либералов". К этой группе принадлежат люди различных убеждений - от тех, кого в Европе называют "демократами", до тех, кто именуется себя "прогрессивным элементом". Либералы зачастую примыкают к демонстрациям, придавая характер массового движения тому, что без их участия могло бы привлечь лишь крайние элементы - так называемых "экстремистов". Либералы принимали участие в демонстрациях в период негритянской борьбы за гражданские права, начавшейся в 1952 году на Юге; они демонстрировали и против участия в войне во Вьетнаме.

Либералы держат сторону студентов, индейцев и Третьего мира. Так, например, 21 мая 1970 года тысячи нью-йоркских адвокатов — те, кого можно было бы назвать правителями правящего класса, — нахлынули в Вашингтон, чтобы протестовать против введения американских войск в Камбоджу. Одновременно строительные рабочие в Нью-Йорке устроили демонстрацию в знак поддержки Президента, но нью-йоркская биржа в тот же день реагировала резким падением курса акций; по мнению некоторых американских комментаторов, финансисты, подобно адвокатам, тем выражали свое несогласие с решением правительства. Шерки XIX века, применявшиеся при делении населения на классы, явно не приложимы сейчас к этому новому делению на политические категории, которые вдобавок, зависят еще и от принадлежности к тому или иному полу, к той или иной расе и опираются на эстетическое чувство, побуждающее человека критиковать тот или иной образ жизни. Каждой новой категории присущи свои собственные экономические, расовые, эстетические, моральные и религиозные характеристики; каждая придерживается своих обычаев, по-своему одевается и питается. Однако, будучи в целом объединены местом жительства, они составляют группу живущих рядом людей, которую принято обозначать словом "комьюнити". Эти "комьюнити" легче представить себе как ряд окружностей на плоскости, местами перекрывающих друг друга, чем как ряд расположенных друг над другом и четко разграниченных слоев.

"Жгучие вопросы", вокруг которых разгорается восстание Америки против себя самой, несмотря на свою многочисленность, составляют прочное, воедино связанное целое, в границах которого ни одна тема не может быть отделена от остальных. Темы эти следующие: радикальная переоценка моральных ценностей; негритянский бунт; бунт женщин против господства мужчин; отказ молодежи от поддержки одностороннего, экономически-технического развития общества; общее требование "непринудительных" методов обучения; признание своей ответственности за существование "нищеты"; рост стремления к равенству; отказ от авторитарной культуры в пользу культуры, проникнутой критикой и разнообразием и в основе своей творимой заново, а не заимствуемой из ранее накопленных культурных ценностей; отказ не только от распространения американского влияния на другие страны, но и от внешней политики вообще; убеждение, что охрана природы важнее, чем коммерческая прибыль. Ни одна группа, занятая каким-либо из этих вопросов, и ни один вопрос сам по себе не могли бы привлечь к себе такое напряженное внимание, если бы они были изолированы от других подобных групп и других подобных вопросов.

Моральная, культурная и политическая революции — это лишь различные аспекты единой революции.

Связь между этими аспектами особенно ярко проявилась 10 июня 1970 года на Двухгодичной выставке в Венеции, когда группа американских художников, поддерживая забастовку художников "против расизма, сексизма и войны", отказалась выставить свои работы в знак несогласия с политикой собственного правительства. Из 44 художников, представлявших США на выставке, в эту группу вошли 33 человека, в том числе такие знаменитости современного американского искусства, как Диего Алберс, Леонард Баскин, Джон Кейдж, Сэм Франсис, Джаспер Джонс, Рой Лихтенштейн, Роберт Моррис, Клас Олденбург, Роберт Раушенберг и Энди

Уорхол. Насколько мне известно, французские художники никогда не протестовали в таких широких размерах — ни во время войны в Индокитае, ни во время войны в Алжире. Я имею в виду протесты, связанные со значительным личным ущербом для художника. Такие же явления наблюдаются и в других областях американского искусства, например в театре, где состав ансамбля меняется в сторону сближения с бунтарскими настроениями.

В прошлом политические революции нередко терпели неудачу отчасти потому, что, ограничивая себя узкой областью политики или экономики, оказывались неспособными породить "нового человека", который мог бы вдохнуть жизнь в новые политические или экономические формы. В своих "Пролегоменах к третьему манифесту сюрреализма" Андре Бретон пишет: "Мы должны не только прекратить эксплуатацию человека человеком, но и кардинальным образом, без лицемерия и уваливаний, пересмотреть все вопросы, связанные с отношениями между мужчиной и женщиной". А Шарль Фурье указывал, что участники революции 1789 года потерпели неудачу, потому, что "не посмели посягнуть на принцип священности брака". Если бы женщины получили право распоряжаться своей судьбой, пишет он, "это вызвало бы скандал и стало бы явлением, способным подорвать устои общества".

Я ни в коем случае не собираюсь утверждать, что революционное движение сводится к борьбе против господства одного пола над другим, но хочу лишь подчеркнуть, что наличие такой борьбы в любом движении свидетельствует, как нельзя лучше, о его подлинном революционном характере.

На практике подавление одного пола другим указывает на существование авторитетного начала в целом ряде областей: в семейной жизни и в религии, в отношениях между полами, между возрастными группами, расами и социальными классами. И напротив: существование свободы полов указывает на отсутствие авторитетного контроля во всех этих областях. Когда развитие культуры "направляют", можно быть уверенным, что речь идет о действиях власти и, следовательно, о применении силы. Одной из наиболее удивительных черт революционного движения в Америке является то, что впервые в истории революции все предъявляемые требования являются частью единого фронта, равномерно наступающего в рамках одного плана. Требования, вытекающие из анархистско-индивидуалистического подхода, и требования, связанные с традициями организованной политической борьбы угнетенных /или сравнительно угнетенных/, на сей раз составляют части единого требования.

Существует, таким образом, некоторый принцип, общий для всех направлений американской революционной струи и ее европейских ответвлений. Принцип этот заключается в неприятии общества, движимого стремлением к прибыли, руководствующегося исключительно экономическими соображениями, контролируемого духом конкуренции и зависящего от взаимной агрессивности своих членов. Действительно, за каждым революционным идеалом кроется убеждение в том, что человек попал в подчинение к созданным им самим механизмам и что для него настало время опять сделаться самоцелью и самоценностью. Все кипит особенно остро ощущают эту потерю человеком своего "я" и искажение смысла жизни. Общество конкуренции, да и соперничество вообще, причиняет им страдания. Однако кипит не занимаются высокомерным обличением социальных язв и не подводят под свои взгляды теоретическую базу — они просто отказываются от участия в обществе. Следова-

тельно, хиппи - это прежде всего тот, кто "вынал" из общества, - тот юноша или та девушка, которые в один прекрасный день решили больше не быть винтиками общественного механизма. Бодлер в свое время предлагал добавить к Декларации прав человека еще два права: право противоречить самому себе и право ухода. Хиппи широко пользуются обоими правами. Практика эта приняла размеры, которыми уже нельзя пренебрегать, и она гораздо больше отвечает понятию революции, чем думают догматики, мыслящие традиционными категориями политической борьбы. Распад общества достигает серьезных размеров тогда, когда возрастает внутреннее бегство от него в результате влечения членов общества к новым формам жизни.

Конечно, хиппи можно с полным основанием упрекать в политическом безразличии и осуждать из-за наивный отказ от всех форм насилия. Можно поставить им на вид и другое: они забывают, что избранный ими образ жизни возможен лишь в обществе изобилия, где существует избыточная продукция /сами хиппи, правда, готовы довольствоваться немногим и жить, по американским стандартам, в нищете/. Можно также высмеивать туманность их идеологии, представляющей странную смесь путаного ориентализма с искаженным примитивизмом /хотя сами они, вероятно, возразят, что всякой идеологии предпочитают поп-музыку/. Можно насмеяться над их простодушной уверенностью, что все мировые проблемы, все трудности можно преодолеть силой всеобщей любви. И можно поражаться их вере в то, что каждый человек в состоянии пользоваться абсолютной свободой, не ущемляя при этом прав других людей. Все эти принципы можно, без сомнения, критиковать с разных точек зрения, все они являются крайне ограниченными концепциями. Тем не менее, отказ хиппи подчиняться какой бы то ни было регламентации, безусловно, наделяет их таинственной силой и способностью оказывать давление, - в этом смысле их можно сравнить с объявившими голодовку заключенными. Все попытки придать бунту хиппи политическую или религиозную окраску наталкиваются на спокойное, но совершенно несокрушимое сопротивление. Майские беспорядки в Париже и демонстрации на заводе Рено во Франции являются, в глазах хиппи, порождением того самого жестокого общества, из которого они пытаются бежать. Об участниках этих событий Плоссю сказал, что "их идеи восстания в конечном итоге были цепями", а их "попытка освобождения - лишь одной из форм рабства".

Такие слова не могут не раздосадовать любителей революционной практики. Тем не менее, этот отказ от слишком прямых, слишком конкретных решений основан на интуитивном понимании того, что основным фактором революции, в котором мы сейчас больше всего нуждаемся, должно быть уничтожение патологической агрессивности. До тех пор, пока эта агрессивность сохраняется, любая революция породит лишь новую форму угнетения. Нам нужна не столько политическая революция, сколько антиполитическая: политическая неизбежно приведет лишь к созданию нового "политического государства". Наше поведение во многом определяется нашей агрессивностью; она гораздо более смертоносна, чем все священные идеи, которыми она прикрывается и питается, но ее принимают с еще большей готовностью.

До тех пор, пока не будет уничтожен этот корень всего зла, считают хиппи, вся жизнь будет пропитана злом. Согласовывая свой образ жизни и поведение со своими взглядами, хиппи выполняют полезную задачу по меньшей мере в одном отношении:

они непрерывно напоминают нам, что революция - это не просто смена власти, но и смена целей, во имя которых смена власти производится, это выбор новых объектов любви, ненависти и уважения. Вдобавок хиппи имеют и еще одно преимущество: они могут указывать тем, кто провозглашает принцип "установления свободы с помощью пушек" в мире, захлебываемся от напрасно пролитой крови, что этот лозунг в наш век есть не что иное, как отживший воинственный шовинизм.

Вполне возможно, что на движение за "возврат к природе" влияют сообщения о новых разительных успехах техники и о широких практических возможностях биологии. Ведь именно такие сообщения или предсказания послужили предупредительным сигналом в 1760-х годах, накануне промышленного переворота. И сейчас, так же как во времена Руссо, борьба за охрану красот и богатств природы свидетельствует о потребности верить в то, что добро свойственно природе человека, и о потребности доказать себе истинность этой веры. Это и заставляет нас переходить от единой культуры к нескольким культурам. Поэтому абсурдно видеть в борьбе за охрану природы - в экологической борьбе, как ее сейчас называют, - только мелкую стычку или побочное направление главной войны. Экологическая борьба - это существенная часть общей революции, и без нее картина была бы неполной. Она рождает эмоциональную энергию, способную противостоять всемогуществу промышленных империй, - такую энергию, которую не могла бы вызвать к жизни никакая даже самая четкая политическая программа. Не проходит недели без разговоров о проекте закона, запрещающего пользоваться двигателями внутреннего сгорания после 1975 года, или о судебных процессах, начатых штатом Нью-Йорк или каким-нибудь другим, чтобы заставить авиаконпании установить фильтры на реактивных самолетах для очистки отработанных газов.

Не следует тешить себя иллюзиями о конкретных результатах этих шагов: создается впечатление, что чем проблема серьезнее, тем с меньшей охотой государство ассигнует средства на ее решение. Вопрос об охране окружающей нас среды связан с препятствиями, о преодолении которых даже говорить трудно; недаром некоторые специалисты считают его неразрешимым. Но в Соединенных Штатах, во всяком случае, тревогу бьют громче и энергичнее, чем где бы то ни было. Типично также, что экологическая борьба здесь разветвляется на два направления: научно-исследовательская работа и эмоциональный протест, достигший несравнимого ни с какой другой страной накала и размаха. Проведенный в Америке "День Земли" превратился в огромное пантеистическое торжество. И напрасно некоторые объясняют это тем, что Соединенные Штаты, дескать, загрязняют свою природу больше других стран. Европейцы почему-то считают, что в США нет природы. Америка представляется их воображению чем-то вроде сплошного Чикаго. Они забывают, что в США живет столько же людей, сколько в странах Общего рынка, но на территории в восемь раз большей. Пролетая над Соединенными Штатами, европейец всегда поражается тому, что незастроенных мест здесь гораздо больше, чем застроенных. Американские города окружены лугами и лесами, они буквально утопают в зелени, потому что даже городские жители стремятся строить свои дома на поросших деревьями участках.

Юноши и девушки, которые по субботам и воскресеньям разгуливают без одежды по лесам, играя на гитарах и флейтах и

распевая песни, локатся перед бульдозерами, чтобы спасти осужденные на выкорчевывание деревья, и организуют коммуны хиппи - почти все они росли не в городах с отравленным воздухом и грязными улицами, как Нью-Йорк, Париж или Лондон. Экологическую борьбу нельзя расценивать как простую связь между причиной и следствием. В конце концов, человечество тысячи лет пило /а во многих странах и продолжает пить/ не обеззараженную воду и все-таки справлялось с дизентерией, брюшным тифом и прочими болезнями. Очевидно, неудобства и страдания сами по себе еще не поднимают людей на борьбу за охрану природы. Малярия никогда не вызвала революции. Чтобы начать экологическую борьбу, нужно осознать тесную связь между природой, техникой, экономической мощью и политической властью.

Нужно также проникнуться верой в то, что природа принадлежит каждому из нас, понять, что развиваясь по океану нефть не только причиняет нам вред, но и отнимает у нас радость. Возникновение этой веры связано с ростом такой политической сознательности, которая потребовала бы перестроить отношения между всеми государствами мира на базе совместного владения, общей ответственности и взаимозависимости.

Подобно тому, как европейцы убеждены в том, что Америка - это страна пуританских нравов, они убеждены и в том, что американцы якобы попали в рабство к бытовым приборам и к загрязняющим природу машинам. В действительности, однако, американцы пользуются приборами спокойно и видят в автомобилях, например, просто средство передвижения - недаром ни в одной стране люди не ездят так осторожно, не помня о лихачестве. Кроме того, именно в Америке моральная революция и входящая в нее экологическая революция вызвали настороженность, если не прямое недоверие, к машинам и "техноэлектронному обществу".

Можно, следовательно, прийти к выводу, что в Соединенных Штатах уже возникла контркультура или контробщество. Как и полагается, контробщество это резко отличается от общества. Это особый революционный мир, для которого характерны следующие черты: требование равенства полов, рас и возрастных групп; отказ от авторитарных установок, на которых зиждутся все общества, расслоенные с помощью принуждения и деспотизма; переход культуры направляемой в культуру творящую; отказ от национализма в области внешней политики; осознание того факта, что уже устарела государственная власть, осуществляемая без достаточно широкого участия народа и в условиях, допускающих невыносимые злоупотребления; настойчивые требования равенства в области экономики и народного образования; радикальная переоценка задач и плодов техники; требование абсолютной свободы для личности и для культуры - свободы, не стесненной нравственной цензурой /это требование вытекает из отказа от авторитарных установок/. Когда все эти требования будут удовлетворены, перед нами, вполне вероятно, появится подлинный Но о о , новый человек, отличный от других представителей человеческого рода.

Эти побудительные мотивы можно назвать первой стадией революции, если учесть их взаимосвязанность, огромное число американцев, исповедующих эти принципы, и глубинные изменения, которые уже произошли в чувствах, поведении, привычках, мыслях и действиях населения США. Политическая революция чаще всего происходит на верхнем уровне и не сопровождается социальной революцией, которая закрепила бы за ней завоеванные по-

зиции. В Соединенных Штатах, однако, социальная революция, в основном, уже закончилась. Посмотрим, каковы будут ее политические следствия, когда проявит себя энергия, рожденная массовым контробществом.

Американское "движение" нередко сравнивают с христианством: доброжелатели - чтобы отметить наступление новой эры, недоброжелатели - чтобы подчеркнуть самовлюбленный характер недовольных и протестующих.

Религиозный характер американского движения неоспорим. Потребность в религиозном чувстве его участники удовлетворяют по-разному: отчасти путаным и случайным заимствованием элементов религий Востока, отчасти возвратом к индийскому культу "натуральной пищи", к астрологии /согласно которой мы вступили в эпоху, стоящую под знаком Водолея, - событие, астральные последствия которого тщательно изучаются/, отчасти переоткрытием христианства. Но прежде всего потребность эту удовлетворяют на основе традиционного принципа, всегда оправдывавшего себя в Америке: лучшая религия для человека та, которую он находит сам.

В Америке никогда не было государственной церкви - ни формально, ни фактически. Европейским остроумцам, потешающимся над такими чисто американскими формами религиозности, как наличие Библий в номерах гостиниц и надпись "Уповаем на Бога" на денежных знаках, не мешало бы призадуматься над тем, как отразился на американской культуре тот факт, что ни одна церковь никогда не оказывала преимущественного влияния ни на мораль, ни на искусство, ни на интеллектуальную и политическую жизнь страны. Да, Президент США, вступая в должность после избрания, приносит присягу на Библию, а Президент Франции этого не делает. Однако более независим от влияния церкви, как известно, не Президент Франции. К такому же выводу мы приходим, сравнивая США с Францией /не говоря уже об Италии или Испании/ в смысле свободы от религиозного влияния в школах, в редакциях газет и в издательствах. "Ежегодник американских церквей" за 1969 год насчитывает в Соединенных Штатах 79 "упрочившихся религий", зачисляя в эту категорию религиозные организации, насчитывающие не менее 50 000 последователей. Если же мы опустимся ниже цифры 50 000, то число религий и сект придется считать тысячами. Только в Лос-Анжелесе можно, при желании менять религию каждый день на протяжении года; некоторые новые религии существуют только несколько месяцев или и того меньше - пока их основателям не надоест.

Днем в Берклейском университете можно видеть группу пляшущих "буддийских монахов" - бритоголовых, босоногих, в длинных желтых одеяниях - коренных жителей Орегона или Аризоны. Рядом кучка "христианских" хиппи пытается заглушить барабаны буддистов, выкрикивая имя Иисуса; и тут же "натурист-пантеист" продает фрукты и овощи, выращенные без искусственных удобрений. Иисус всегда пользовался почетом у Хиппи, и среди них существует религиозная организация, именующая себя "Уличные христиане" или "Иисусовы чудаки". Второе название /его можно было бы перевести на русский и "Христа ради юродивые"/ родилось как насмешка, но впоследствии члены этой группы переняли его и закрепили за собой. Они без труда находят себе богатых и щедрых покровителей. Один такой покровитель указал на дух примитивного христианства, уже осознанный некоторыми представителями "вудстокской нации". "По-моему, вы духом живете в пер-

вом столетии", - сказал он своим друзьям. "Иисусовы чудачки" основывают сотни коммун как городских, так и сельских, и издают свои собственные газеты "На верном пути", в которой выступают против группового брака, гомосексуализма и наркотиков. Они признают, впрочем, что "культура наркотиков" проникнута духовным началом, которого лишена "культура алкоголя". /Религиозная сторона увлечения наркотиками играет важную роль, так же как и противостояние двух культур: культуры марихуаны и культуры коктейлей/.

Хотя "Иисусовы чудачки" стоят за ограничение личной свободы и призывают отказаться от "вседозволенности" /что уже весьма трудно осуществить/, их движение может, сосредоточившись на своих религиозных аспектах, вызвать "выпадение из общества" в огромных масштабах. А может быть, миллионы людей, "выпав из общества", создадут собственные религиозные культы. Мне пришлось однажды видеть такую надпись на стене Калифорнийского университета в Санта-Круссе: "Когда мир изгнан, только изгнанники могут жить в мире". Очевидно, бок о бок с технологическим обществом продолжает расти многочисленное контробщество. Общество покамест еще настолько богато, что может позволить себе эту роскошь, однако, если рост контробщества будет продолжать безудержно, темп экономического развития США, естественно, начнет замедляться.

Такое замедление экономического роста вполне реальная возможность. Это, однако, не приведет к выходу из кризиса. Можно, конечно, представить себе, что дело дойдет до самоубийства технологического общества, что американская мощь будет задушена изнутри, когда массовый бойкот ослабит и дезорганизует производительные силы страны. Америка, населенная бродягами-мистиками и обанкротившимися банкирами, рухнет с пьедестала и сольется со странами Третьего мира. Тогда будет установлено международное право, и над мир, перешагнув через загнивший в корнях империализм, опять двинется по пути демократического социализма. Но в таком рассуждении из виду упускается одно существенное обстоятельство: без научно-технического прогресса, опирающегося на экономическую мощь - а средоточием этого прогресса и этой мощи является Америка, - мир не справится со своими затруднениями. Вдобавок, такой уход Америки в свою скорлупу обострит внутренние проблемы страны, поскольку он уничтожит средства, необходимые для того, чтобы удовлетворить требования негров, бедняков, женщин, студентов и больших городов. Создавшееся положение приведет к новому бунту этих групп и в результате - к распаду, ведущему в тупик, а не к революции, которая представляет собой тоже распад, но ведущий к выходу и к последующему объединению столкнувшихся сил. Экономический и социальный крах Америки почти неминуемо вызовет "поправление" средних классов и установление авторитарного политического режима. Тем не менее, возможно, сейчас американское контробщество действительно создает религию будущего. Не берусь предсказывать. Но если это даже так, то в ближайшем будущем она вряд ли принесет пользы, с революционной точки зрения, плоды.

Такая перспектива, вернее, такая бесперспективность, показывает, что на одном недовольстве существующим порядком вещей далеко не уедешь. Мы знаем, как трудно недовольным описать черты нового общества, к которому они стремятся. Это отсутствие точных представлений некоторые считают оправданным:

в конце концов, поиски решений - дело взрослых, а роль молодежи сводится, дескать, только к выражению недовольства без всяких уточнений. Такая точка зрения упускает из виду два обстоятельства. Во-первых, недовольство не является прерогативой молодости; во-вторых, огульное недовольство исключает конкретные решения, потому что все такие решения являются частными и со временем должны устареть - одни раньше, другие позже.

Всякая попытка практического обсуждения, всякое внимание к деталям, даже со стороны тех, кто поддерживает требования недовольных, но не закрывает глаза на трудности, связанные с удовлетворением этих требований, воспринимается недовольным как выражение полного несогласия или как вражеская вылазка. Поднимать практические вопросы, значит возвращать недовольного к действительности, что является порой совершенно невыносимым для человека, который требует полного и немедленного решения всех вопросов и поэтому не может принять постепенной, стадийной революции, не говоря уже о реформизме.

В современном обществе недовольство существующим порядком является непереносимым условием революции, Революцию дозволено точно определять как "движение недовольства, которому удалось прийти к власти". Присоединяясь к этому определению, мы можем добавить, что кардинальным вопросом современности является следующий: как совершить переход от недовольства к революции? Ответ, я полагаю, зависит от того, что мы подразумеваем под выражением "прийти к власти". В обществах, где правительство существует в рудиментарной и централизованной форме, процесс прихода к власти совершается сравнительно просто и быстро. Однако в государстве столь сложном, как Соединенные Штаты, для прихода к власти недостаточно штурмом захватить Капитолий. Вот поэтому-то пресловутая "партизанская война в городках" - это, в действительности, ни революционная война, ни даже переход от недовольства к революции, а лишь форма вооруженного недовольства. Это лишь заострения старой формы действия, а не переход к новой. Анархисты, которые в конце XIX века пристрастились убивать бомбами посетителей парижских кафе, были воинствующими недовольными, но ни в коем случае не революционерами. Никаких шансов на приход к власти у них не было. А непереносимым условием революции является переход власти в другие руки. Иногда такой переход требует времени, хотя и совершается в результате революционного процесса, то есть с помощью средств, превышающих и нарушающих правила обычной политической игры. Средства эти, однако, должны учитывать состав общества и соответствовать приложенным силам.

В случае Соединенных Штатов, следовательно, нельзя признавать, что "молчаливое большинство" действительно существует, и одновременно утверждать, что единственным путем борьбы является гражданская война. Ведь для успеха вооруженного восстания необходимо, чтобы его поддержали армия и полиция, а это представляется маловероятным в стране, насквозь пропитанной потребностью согласовывать все действия с Конституцией. Единственное, что могло бы вызвать гражданскую войну, это военная катастрофа, сопровождающаяся полной разрухой, как в России 1917 года, или освободительная война, как в Китае. Но обе гипотезы совершенно фантастичны. Вдобавок, для гражданской войны необходимы некоторые социальные предпосылки, полностью отсутствующие в Соединенных Штатах. Классовая война в Америке - это не

битва "одного класса с другим".

Когда в марте 1962 года вышла книга Майкла Харрингтона о нищете в США/"Другая Америка"/, многие оптимистически настроенные экономисты были потрясены, узнав о существовании бедности в стране изобилия. В то время 3000 долларов в год считалось прожиточным минимумом для семьи из четырех человек; ниже этого уровня начиналась категория нищеты. В 1968 году эта граница поднялась до 3553 долларов, а к концу 1970 года достигла 3700 долларов. Семья из четырех человек с годовым доходом ниже этого минимума имеет право на государственное денежное пособие. Средний годовой доход в Соединенных Штатах - не на семью, а на душу населения - в 1968 году равнялся 3412 долларам. В то же время в Португалии он был 412, в Испании - 719, в Италии - 1300, во Франции - 1436 и в Западной Германии - 1753 доллара. При таком стандарте жизни в категорию нищеты /определяемой не размерами годового дохода, а другими факторами - жилищными условиями, например, и доступностью высшего образования/ попадает от одной пятой до одной шестой населения США. Эта цифра позволяет Майклу Харрингтону говорить о "первом в истории меньшинстве бедняков", не в том смысле, что число бедняков незначительно, но в том смысле, что впервые в истории появилось общество, состоящее не из горстки богачей и огромного большинства бедняков, а наоборот. В политическом отношении, это явление влечет за собой необходимость переориентировать тактику борьбы. Больше нельзя утверждать, что угнетенные могут опираться, по крайней мере, на свою многочисленность и что при первом же ослаблении угнетающей их системы всеобщее восстание приведет к краху правительственного аппарата. Из 207 миллионов населения в США насчитывается только 25,5 миллиона "бедняков". Сюда входят 7,7 миллиона негров /из общего числа 23 миллиона/ и 17,4 миллиона белых /из 178 миллионов/. Оставшиеся 400 000 "бедняков" приходятся на долю пуэрториканцев и американцев мексиканского происхождения, насчитывающих в общей сложности шесть миллионов. Совершенно очевидно, что американские бедняки не представляют собой "социального класса" ни по своим размерам /по отношению к целому/, ни по своему составу, так как категория нищеты не совпадает с категорией расовых меньшинств. Одна треть жителей небелой расы, например, имеет годовой доход свыше 8000 долларов. В 1969 году Майкл Харрингтон писал в одной статье, что бедняки в США не представляют "пролетариата" в марксистском понимании этого слова. И действительно, беспорядки в негритянских районах американских городов, так же как и волнения в университетах, были смесью беззаконного насилия с законным давлением. Если бы такие беспорядки и волнения были чисто насильственными актами, вызванными непримиримыми конфликтами сил и попирающими законные нормы, все это дело давным давно провалилось бы - и в негритянских кварталах, и в университетах.

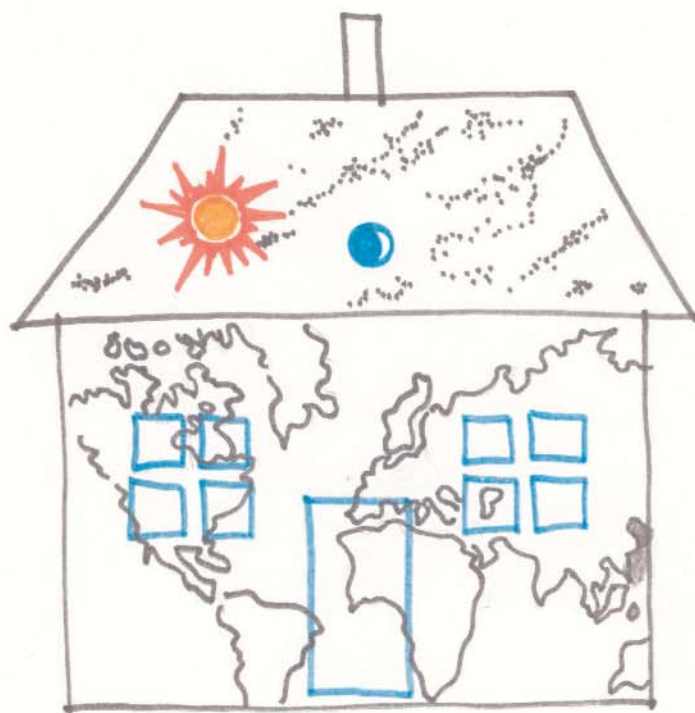
Недостаточные, но неоспоримые достижения в борьбе с нищетой, в улучшении положения негров и в десегрегации за последние десять лет были результатом сложного переплетения: методы открытого восстания части контробщества дополнялись демократическим сотрудничеством в рамках американской политической структуры.

Какие бы буйные формы не принимала гражданская борьба в

Америке /борьба эта ведется главным образом студентами и расовыми меньшинствами/, фактом остается то, что наилучших результатов она достигает там, где насильственные методы борьбы сочетаются с законными. Особенно это верно потому, что федеральная система страны и автономия муниципалитетов позволяют вести борьбу законными средствами на разных уровнях и открывают многочисленные пути противодействия. Когда, например, во Франции запрещают демонстрацию, то не может быть сомнения в том, откуда исходит запрет. Если речь идет о массовой политической демонстрации, запрет налагает правительство, то есть министр внутренних дел или один из префектов. Но в Соединенных Штатах первым делом задается вопрос: "Кто запретил?" Это может быть ректор университета или муниципальные власти, или округ, или штат /мэр города Нью-Йорка и губернатор штата Нью-Йорк редко сходятся в мнениях/; такая же картина создается и для последствий демонстрации. При таком положении вещей не стоит обманывать себя и утверждать, что единственный путь революционной борьбы в США - это вооруженное восстание, что необходимо сломать полностью "систему", что о переговорах с ней не может быть и речи, что единственный путь - это "победа или смерть" в духе программ XIX столетия, использованных в борьбе с самодержавными режимами Габсбургов или Романовых. Но если бы такой режим существовал в Соединенных Штатах, негры вообще не могли бы ни на что надеяться. Ведь они составляют только 11 процентов общего числа населения и лишь крайне незначительная часть их /5-10 процентов/ одобряет методы "черных пантер". Точно так же террористические приемы борьбы "ведерменов"/крайнего крыла левой студенческой организации СДС/ находят поддержку лишь у двух-трех процентов общего числа студентов.

В современном мире Соединенные Штаты являются, как это ни парадоксально звучит, наименее расистской страной. Многомиллионное негритянское меньшинство живет бок о бок с белыми уже много лет, и борьба с расизмом, его диагностика и лечение, внимание к его проявлениям в других и в самом себе - все это давным-давно стало повседневной реальностью американской жизни. Но во многих других странах расизм сейчас охватывает широкие слои населения: во Франции, в Швейцарии, в Англии впервые в истории появились значительные расовые меньшинства, прибывшие из стран Северной Африки, португальских колоний, Ямайки или Сенегала. Угроза расизма там особенно сильна, потому что общественные традиции не выработали еще антител против заразы расизма - так же, как не выработали их страны Восточной Африки, притеснявшие миллионы иммигрантов из Индии.

В конце концов, требования черных американцев скорее основываются на расовом, чем на классовом единстве. Негры сами делятся на несколько социальных классов. Поэтому их главные общие интересы - это улучшение условий жизни в негритянских районах больших городов и культурное обособление. Последнее находит бескомпромиссное выражение в том, что 400 000 - 500 000 черных студентов /из общего числа - 7000 000/ не только хотят поступать в университеты - и поступают, благодаря бесчисленным возможностям получения стипендий, - но и хотят получить там образование, не имеющее ничего общего с образованием, которое получают белые студенты. Негры не желают знакомиться с "белой" культурой - с ее литературой, наукой, историей или театром; они не желают учиться у белых профессоров - такое их отношение к образованию, конечно, будет поддерживать взрывчатую ситуацию в Соединенных Штатах в течение мно-

ЭКУМЕНА — ОДИН БОЛЬШОЙ ДОМ
И ВСЕ ЛЮДИ БРАТЯ.

гих лет.

Худшее, что может случиться с левыми студенческими организациями в США, — это увлечение идеологиями XIX века: творческое начало тогда будет подавлено желанием согласовать революционное творчество с концепциями, возникшими в период, который по отношению к современной революции можно считать доисторическим. Ведь сила американского революционного движения заключается в его способности находить такие формы борьбы, которые отвечают создавшейся обстановке и производят желаемый эффект на всех уровнях общества. Если же американская революционная энергия заблудится в схоластических лабиринтах Европы, где тратят больше времени на обсуждение вопроса о возможности или невозможности немарксистской революции, чем на самую революцию, эта энергия расплывется и испарится. Повторяю: революция — это не подражание отжившим образцам. Революция — это не оглядка на прошлое, но взгляд в будущее. Американские революционеры чувствуют это интуитивно, поэтому-то в Соединенных Штатах революция и отличается самобытностью, в отличие от Европы — как бы ни морщились европейские студенты, считающие, что они гораздо революционнее американцев, в особенности в интеллектуальном плане. Американская молодежь творит революцию, а не предаётся размышлениям и рассуждениям о ней. Жбо, как говорит Ноам Чомский: "Самые глупые люди овладевают речью, самые умные обезьяны — никогда".

Я не хочу сказать, что в США начисто отсутствуют классические формы социальной борьбы. Белые рабочие в Америке любят битвы, и профсоюзные забастовки славятся многочисленностью и продолжительностью. В индустриальном обществе США рабочие не отличаются такой покорностью, как в прошлом французские крестьяне, но они так же, как и те, боятся экстремистов, причем всех экстремистов — и правых, и левых. По подсчетам института Галлупа от 26 июня 1970 года, американские рабочие в равной степени не одобряют и "черных пантер", и Ку-Клукс-Клан: 75 процентов опрошенных отозвались "в высшей степени неодобрительно" об обеих этих экстремистских группах.

Что касается так называемого "молчаливого большинства", то и оно само, и его мнения трудно поддаются оценке. Во-первых, действительно ли мы имеем дело с большинством? Согласно отчету, появившемуся в журнале "Тайм" о "среднеамериканцах", к этой социопсихологической группе принадлежат около 100 миллионов американцев, в том числе 40 миллионов рабочих и фермеров, 20 миллионов пенсионеров и 36 миллионов служащих. Каковы убеждения "среднеамериканцев"? Результаты многих опросов, в частности проведенного радио- и телекомпанией "СВ" весной 1970 года, говорят о ярко выраженном недовольстве университетскими волнениями и о настойчивом стремлении к порядку и законности.

Но Амитан Этzioni, социолог Колумбийского университета, после обследования, проведенного летом 1969 года, пришел к заключению, что говорить о "поправении" Америки в целом — значит преувеличивать факты. "Практически, — писал профессор Этzioni, — Соединенные Штаты на 65 процентов состоят из либералов, на 21 процент из сторонников среднего пути и на 14 процентов из реакционеров". /Под "либералами" имеются в виду сторонники правительственного руководства делом социального прогресса/. Выводы Этzioni подтверждаются ходом событий: несмотря на громкие разговоры о законности и порядке, все крупные законода-

тельные реформы последних лет либо уже приняты, либо находятся на пути к принятию: закон о гражданских правах /1964/, обеспечивающий права избирателей-негров; закон о десеграциации в школах; поправка к Конституции о женском равноправии /1970/; предоставление избирательного права по достижении 18-летнего возраста; либерализация законов о разводах, абор-тах, эротической литературе и так далее. Несколько крупных городов - Вашингтон, Кливленд, Ньюарк - избрали мэрами негров.

В настоящее время в Америке - этом детище европейского империализма - поднимается волна новой революции - подлинной революции нашего века. Это единственная революция, связанная с радикальной, моральной и практической борьбой против духа национализма. Это единственная революция, которая в целях борьбы объединяет культурные, экономические и технические силы и выдвигает принцип полной свободы взамен устаревших ограничений. Поэтому она открывает для человечества единственно возможный сейчас выход: хотим ли мы того или нет, но нам предстоит принятие технологической цивилизации в качестве средства, а не цели развития, и - поскольку нас не спасет ни гибель этой цивилизации, ни дальнейшее существование ее - перестройка технологической цивилизации на новых началах, а не ее уничтожение.

JESUS CHRIST SUPERSTAR

"ИИСУС ХРИСТОС - СУПЕРЗВЕЗДА"

Сенсацией театральной осени 1971 г. на Бродвее стал грандиозный успех постановки "Иисус Христос - суперзвезда". Опера была поставлена Томом О'Хоргэном, автором с свое время также наумевших спектаклей "Волосы" и "Томми". Несомненно, это в какой-то мере содействовало успеху "Суперзвезды". Однако во всем явлении в целом ощущалось и нечто иное, необычайное, явно выходящее за границы обычных бродвейских сенсаций. Журнал "Тайм" писал по этому поводу:

"Бродвей привык к деньгам, буффа-музыкалам и безумному ажиотажу премьер. Кассовые сборы, как и цены, непрерывно растут. Даже по этим коммерческим стандартам Бродвея "Иисус Христос - суперзвезда" имеет много преимуществ... эклектичная, мелодичная рок-музыка, драматический текст с участием самых знаменитых персонажей западной истории, яркая постановка. Однако в явлении заключено нечто большее..."

В самом деле, достаточно не стандартна уже сама сценическая история ныне всемирно знаменитой "рок-оперы". Ее авторы - два молодых англичанина: 23-летний композитор Ллойд Веббер и 26-летний либретист Тим Райс. /Заметим, что и исполнители главных ролей в спектакле на Бродвее столь же или еще более молоды/. По сути дела, это их первое большое произведение, если не считать ранее написанной оперы для детей "Иосиф в Египте". Осуществленная в 1970 году запись "Иисуса - суперзвезды" на пластинку подтвердила, по словам некоторых корреспондентов, старую истину о том, что "нет пророка в своем отечестве". В Англии запись не имела никакого успеха. Напротив, признание ее в Америке было колоссальным. "Суперзвезда" - единственный бродвейский мюзикл, получивший широкую известность еще задолго до постановки, в записях, и вместе с тем не утративший своей популярности и притягательной силы и после шумного успеха на Бродвее.

Думается, оправданной была попытка журнала "Тайм" поместить отнюдь не стереотипный успех нового спектакля в контекст духовных исканий современной молодой Америки. Журнал писал:

"Популярность "Суперзвезды" является симптомом и отчасти результатом нарастающей среди молодежи волны духовных поисков, известной под названием "Иисус-революции"... Налицо несомненно очень сильное стремление рассматривать Христа... как наиболее полное и знакомое олицетворение чистоты и братской любви".

Сама по себе "Иисус-революция" есть явление достаточно сложное, многогранное и текучее. Первые признаки движения обнаружилось около 1967 года, то есть почти одновременно с зарождением движения "хиппи", но размах его оказался гораздо большим. К 1971 году, когда пик "хиппизма" давно миновал, волна "Иисус-революции" все еще продолжала нарастать. Такого рода разворот явился несколько неожиданным со стороны поколения, как полагали, целиком поглощенного проблемами секса, наркотиков и насилия. И вместе с тем он был, несомненно, внутренне мотивирован самим повышенным уровнем этических требований протестующей молодежи Америки.

"Тайм" справедливо замечает, что от своего непрерывного "нет" молодежь должна была обратиться к поискам "да", сделать попытку сформулировать свой позитивный этический идеал. Один

из участников движения, которого цитирует "Тайм", объясняет:

"Подростки ищут авторитета, любви и понимания - того, чего нет дома. Иисус для них то, чем не является их отец". Обращаясь к "самому устойчивому в западной истории символу чистоты, бескорыстия и братской любви", молодежь тем самым как бы порывает с традицией абсолютного неприятия всей предшествующей культуры и делает шаг к самопроверке по сумме этических норм, сформулированных минувшими поколениями.

Создатели оперы, Тим Райс и Ллойд Вебер, признают, что они были увлечены "невероятной драмой" Христа, чисто человеческой сложностью его истории. "Тайм" пишет:

"Они сосредоточили внимание на Христе как на гуманистическом мыслителе, харизматическом лидере движения протеста, жертве, личность которой может наводить на мысль о совсем недавних мучениках, таких, как Мартин Лютер Кинг или Роберт Кеннеди".

"Сатердей ревью" цитирует одного из авторов оперы:

"По сути дела, основная наша мысль была показать Христа глазами Иуды, показать его как человека, а не как Бога. Мы стремились не к тому, чтобы высказать религиозную точку зрения, а скорее к тому, чтобы задать вопросы. Мы преднамеренно уничтожили всякий намек на божественность Христа и предпочли закончить нашу историю его смертью, а не воскресением".

Действительно, либретто оперы, повествующее о семи последних днях в жизни Христа, хотя и довольноблизкое в основных моментах к каноническому тексту "Евангелия от Иоанна", по сути дела, предлагает достаточно вольную интерпретацию событий. Вольность эта заключается не столько в том, что действие произвольно изменяется - так, например, происходит нечто вроде очной ставки царя Иродас Иисусом, - сколько в осовременивании всей ситуации в целом и психологии основных действующих лиц мистерии. В частности, русскому читателю сугубо не канонические интерпретации образов Иуды, Пилата, предчувствующего свое и бессмертие и проклятие, отношений Христа и толпы не могут напомнить целый ряд хорошо знакомых мотивов из Достоевского, Леонида Андреева, Булгакова.

В тексте Райса Иисус является как бы центром двух возникающих вокруг него полей напряжения. Одно - это его отношения с Иудой, "идейно" предающим своего учителя, ибо он полагает, что, уверовав в миф о самом себе, Иисус тем самым скомпрометировал начальные цели движения:

"Ты сам начинаешь значить больше, чем то, чему ты учишь".

Другое - отношения Иисуса с толпой, все более яростно требующей от своего героя и "Суперзвезды" немедленного чуда:

"Я верую в Тебя и в Бога, так скажи же мне, что я спасен".

Эта тема достигает кульминации в сцене, как представляющей собой обратный вариант истории об изгнании торгующих из храма. Здесь не Христос изгоняет торгующих, а его буквально рвет на части, сминает толпа каждающих его целительного прикосновения. И уже совсем карикатурно возникает тема чуда в последний раз в арии царя Ирода, по мелодии представляющей собой банальнейший чарльстон. Здесь чудо приравнивается к простому трюку или фокусу:

"...Преврати мою воду в вино... Пройди помоему водо-

ему... Я спрашиваю с тебя только то, что я спросил бы с любой суперзвезды".

Думается, прав был корреспондент журнала "Сатердей ревью" Генри Хьюер, определивший основную - правда, на его взгляд, не всегда выдерживаемую - концепцию спектакля как "гротескную трагедию мифотворчества", когда вульгарный миф о чудотворце, "Суперзвезде", предпочитается "раеальному человеку, исполненному мудрости и сострадания...".

Язык либретто, местами дословно воспроизводящий евангельский текст, порой сильно модернизирован, временами, на наш взгляд, с явным нарушением чувства меры. В целом, однако, достигается успешный, почти чувственно воспринимаемый эффект приближения известнейшего предания всей европейской культуры к кругу понятий и представлений современного человека. Евангельские персонажи выступают как вечные типы, которые каждая эпоха вольна толковать по-своему и наполнять своим собственным содержанием.

Сколь бы ни был, однако, силен элемент модернизации в либретто оперы, основные нарекания и споры вызвала сама попытка рассказать историю "Страстей" на языке современной поп- и рок-музыки. "Дейли телеграф", например, пишет:

"Спектакль называли богохульным, тривиальным, сентиментальным, оскорбительным; употреблялись и все другие эпитеты, которые обычно сопутствуют такого рода театральным экспериментам".

Действительно, созданием "Суперзвезды" была сделана заявка на освоение средствами поп-музыки сюжетов, послуживших основой для создания величайших произведений мирового искусства. Авторы, впрочем, вполне отдавали себе отчет в том, на сравнения какого масштаба они притязали. "Сатердей ревью" цитирует их высказывания по этому поводу:

"В конце концов, люди в течение столетий писали свои варианты "Страстей". Вагнер, Гендель и многие другие в свое время создали первоклассные вещи, как Пендерецкий - в XX веке".

Психологически вполне понятно, что заявка такого рода могла вызывать сильный внутренний протест. И вместе с тем - было ли обращение авторов "Суперзвезды" к музыке "поп" профанацией великой темы? Думается, невозможно однозначно ответить на этот вопрос.

Как отметил советский исследователь Д.Житомирский, современная поп-музыка представляет собой сложное сплетение стилей, манер, способов исполнения, жанров. В ее русле сливаются шлягеры популярных певцов, оперетта, мюзикл, мастерство виртуозов-инструменталистов. Давно отслоившись от "большого" искусства, поп-музыка вместе с тем являет собой отрасль несомненного и зачастую очень высокого профессионализма. Все эти черты нашли яркое воплощение в музыке "рок-оперы". "Тайм" писал по этому поводу:

"Эта музыка не превосходит уровня "Роллинг стоунз", "Битлз", Чарльза Рэя, Прокофьева, Орфа, Рихарда Штрауса и всех других влияний, которые могут быть в ней обнаружены. Но она сливает эти элементы в качественно новом звучании, имеющем свое драматическое напряжение, свою игру мелодий; кроме того, она обладает редчайшим качеством - она умна!"

Обращение к уличной, или "массовой", музыкальной стихии для обработки серьезнейших тем, при несомненно существующей здесь опасности их опошления, имеет, однако, и обнадеживающие прецеденты. В частности, Альберт Швейцер в своей знаменитой книге о Бахе обратил особое внимание на широкое использование при создании протестантского хора популярнейших мелодий, зачастую сугубо светского или даже фривольного содержания. Название одного сборника хоралов, вышедшего во Франкфурте в 1571 году, гласило: "Уличные песни, песни кавалеров и герцогов, превращенные в песни христианские и нравственные..." "Из старинных светских песен, - пишет Швейцер, - вышли три мелодии хоралов, наиболее выдающиеся по своей красоте в "Страстях по Матфею".

Мы, разумеется, далеки от проведения прямых аналогий между великими творениями Баха и современной рок-оперой. Хотелось бы, однако, напомнить, что сама форма "Страстей", разбившаяся впоследствии до ныне известных нам высоких образцов, родилась именно в гуще народной, уличной стихии. Наиболее характерные выразительные средства этой стихии охотно использовались авторами уже самых первых мистерий. Как для речи, так и для музыки мистериальных представлений типичным являлось включение в них чисто народных, "вульгарных" элементов и оборотов - элементов "массовой", а не элитарной культуры, сказали бы мы сейчас. Это обстоятельство, при чрезвычайной близости мистерии к средневековому зрителю, не ощущавшему своей временной удаленности от разворачивающихся перед ним событий, создавало эффект непосредственности их переживания. А вместе с тем вело к исключительному обогащению и насыщению емкой формы характерами и положениями, подчас весьма далекими от канонических и уснащенными комическими или фантастическими деталями.

В структуре "Суперзвезды", думается нам, есть многое именно от этого, свойственного ранним векам становления европейского искусства, непосредственного - как бы современного - события священной истории - восприятия их. Авторы как будто задают вопрос: каким образом мог бы увидеть и рассказать историю Голгофы современный, "омассовленный" человек - круг привычных музыкальных образов которого черпается главным образом в сфере "поп", - вдруг чудом оказавшийся ее свидетелем? Очевидно, его переживание было бы сильно и интенсивно, но смогло бы быть выражено лишь на свойственном ему языке острых ритмов, резких перепадов мелодии, игры диссонансов. Такой замысел совершенно очевидно соответствовал довольно заметным внутри "молодежной" культуры тенденциям к освоению психологически сложного и духовно "насыщенного" материала. И он получил интересное воплощение. Трудно было бы отрицать, что музыка Веббера порой достигает высокой степени психологической выразительности и драматизма, как, например, в сценах первого совета первосвященников, въезда в Иерусалим, самой Голгофы, в ариях Пилата и Иуды. Можно было бы сказать, что если имело место некоторое "снижение" темы до уровня массового слушателя, то не менее значительна была обратная сторона явления - определенное возвышение этого слушателя и привычного ему музыкального языка до уровня этой темы. Журнал "Тайм" писал о качественном перевороте в сфере выразительных возможностей поп-музыки, осуществленном "Суперзвездой". Как полагает "Тайм", элементы вульгарности обнаруживаются скорее в самой бродвей-

ской постановке, чем в тексте и музыке оперы.

"На пластинках "Иисус Христос - суперзвезда" выступает как вещь абстрактная, интимная, способная глубоко захватить ум и воображение".

Напротив, по мнению журнала, постановщик оперы О'Хорган злоупотребляет сценическими эффектами и техникой, снижая тем самым интенсивную человеческую насыщенность персонажей спектакля. "Сатердей ревью" по этому же поводу пишет:

"...Это образчик того, как драматическое содержание и игра актеров подчиняются спектаклю. Поскольку нас лишь sporadически затрагивают чувства Иисуса и Иуды, большую часть времени мы просто ожидаем очередного постановочного эффекта, который подготовили нам режиссер и конструкторы спектакля".

Сценическая жизнь "Суперзвезды" отнюдь не завершена постановкой ее на Бродвее. Совсем недавно "Дейли телеграф мэгезин" сообщил о съемках канадским режиссером Норманом Джойсоном фильма по опере Веббера и Райса. Как можно предположить, на основании сказанного Джойсоном, его постановка будет существенно отличаться от бродвейской. Однако режиссер затрудняется определенно ответить на вопрос, каков же будет его фильм:

"Фильм несколько неоднороден. Иногда он сам не знает, что он такое. Иногда мы реалисты, иногда обращаемся к стилизации, порой становимся сюрреалистами, а порой делаем музыкальную комедию. Я не знаю, черт возьми, что он такое".

Очевидно, трудно судить сейчас не только о том, каким будет фильм, но и о том, как сложится дальнейшая судьба прославленной оперы. Не исключено, что реально содержащийся в ней творческий импульс будет бесплодно истощен и что она в свой черед станет объектом коммерческого отчуждения, как это случилось с целым рядом сторон "Иисус-революции", сопровождавшейся выпуском в продажу "Иисус-рубашек", "Иисус-часов", открытием "Христианских кофеен" и даже /в Сан-Антонио/ "Христианского ночного клуба".

Думается, однако, опера Веббера и Райса, бесспорно, одно из интересных явлений, вобравшее в себя многочисленные аспекты современной культурной жизни Запада, и заслуживает изучения вне зависимости от коммерческого ажиотажа, предметом которого она оказалась.

РЕВОЛЮЦИЯ ИИСУСА

В то время, как некоторые молодые люди понимают Иисуса как первого хиппи, как революционного героя или свою страсть к наркотикам преобразовывают в увлечение Иисусом, тысячи переживают истинное духовное возрождение. Многие из них буквально проглатывают Священное Писание.

Появляется множество молодых проповедников-евангелистов. Но, как при каждом духовном движении, кое-где есть и случаи экстремизма, которые находят тотчас неуместное внимание печати и телевидения.

Но в общем и целом - это истинное движение в Духе Божьем, затрагивающее почти каждую конфессию, каждый социальный и образовательный слой общества.

Есть, конечно, опасности. Есть и ловушки. Есть и страх. Есть и критика. Некоторые говорят, что все это слишком поверхностно, и это иногда так. Другие говорят, что все это слишком эмоционально, что тоже иногда правда. А иные говорят, что все это происходит вне устроенной церкви, и это частично соответствует истине.

Но я верю - существует библейская основа для того, чтобы перед концом света ожидать великое излияние Святого Духа на Церковь. Дух начал свое излияние в день Пятидесятницы и продолжает его в духовных пробуждениях время от времени в течение всей истории. Но незадолго перед пришествием Господа будет "большой финал"...

Полиция города Спокейн, штат Вашингтон, была в боевой готовности. В Колизее должен был происходить рок-фестиваль. Тысячи молодых людей, волосатых и одетых по моде хиппи, собирались сюда, держа в руках книги. Недоверчивая полиция проверяла их, нет ли там наркотиков и была готова к обычному оскорблению: "Свиньи!" Но ничего подобного не произошло. Хиппи миролюбиво предъявляли книги бластителям порядка и приветствовали их: "Иисус спасет тебя, брат". Книжки оказались Библиями.

Когда ансамбль "Вильсон Мак Кинлей Бэнд" взял первые аккорды, толпа опустилась на колени и подняла руки для молитвы. "Эй, этого же здесь нельзя делать!" - кричали полицейские вне себя. Расстройство спокейнской полиции было понятно. Рок-фестиваль всегда означал здесь варварство, наркоманство, половую распущенность, и, как на Эльтемонт-фестивале группы "Роллинг стоунз" - преступления и убийства.

И вдруг - богослужение в стиле древних празднеств пробуждения. Хиппи прославляли Иисуса, целомудренно обнимались, поднимая указательный палец в знак того, что Иисус - единственный путь к избавлению.

На улице Сансет-стрит города Лос-Анжелеса, личности, похожие на уличных девок и торговцев наркотиками, спрашивали удивленных прохожих - спаслись ли они уже? Если же кто допытывался, почему здесь ЛСД, ему отвечали: "Мы упивемся Иисусом".

Коммуны, увлекавшиеся до сих пор групповым сексом, сейчас осуждают всякие половые отношения вне брака и тщательно отделяют мужское от женского.

Экстремистски настроенные студенты, еще в минувшем году бросавшие бомбы в государственные учреждения, теперь проповедуют ненасилие, подставляют другую щеку, если повздорят с полицией, которая не может так быстро привыкнуть к новым веяниям.

"Антикультура" молодежи получила новый импульс. Она и в дальнейшем остается вне мира взрослых, материализм которых она не принимает. Она не изменяет стиль поведения — остались те же прически и одежда, уличный жаргон /исключая непристойности/, одержимость рок-музыкой. Еще четыре года тому назад Леннон мог сказать, что "Битлз" более популярен, чем Иисус Христос, а сегодня Харрисон поет: "Мой сладчайший Господь". От рок-музыки, столь тесно связанной с возникновением молодежной культуры, исходит толчок к новому религиозному содержанию.

И подпольная пресса, до сих пор выпускавшая порнографию, получила иное направление. Газеты "Агапе", "Правда", "Прямо вперед", "Голливудская свободная печать", которые проповедают Евангелие, имеют тиражи в сотни тысяч экземпляров.

С Библией подмышкой, со словами "Иисус тебя любит" на устах, собирают теперь наркотики и шприцы для инъекций и скигают их на кострах радости. Или отдаёт их когда-то ненавистной полиции.

Наконец, здесь всеобъемлющая радость, которую вызывает покаяние...

Никогда еще лица, на которых сохранились следы прошлого, не сияли такой улыбкой...

ИИСУС
-один путь

ИИСУС ЛЮБИТ ТЕБЯ

ОН СКАЗАЛ:
Я ЕСМЬ ПУТЬ И
ИСТИНА И ЖИЗНЬ;
НИКТО НЕ ПРИХОДИТ
К ОЦУ, КАК ТОЛЬКО
ЧЕРЕЗ МЕНЯ.

ИОАН. 14:6

... ТЕМ, КОТОРЫЕ
ПРИНЯЛИ ЕГО,
ВЕРУЮЩИМ ВО МНЯ
ЕГО, ДАДА ВОЛАСТЬ БЫТЬ
НАДАМИ БОЖИИМИ.

ИОАН. 1:12

"ИИСУСОВА РЕВОЛЮЦИЯ" В АМЕРИКЕ

Под этим несколько рекламным названием, которое впервые пустил в широкое употребление еженедельник "Тайм", понимается значительное общественное явление - сравнительно массового и спонтанного возврата ко Христу американской молодежи. Начавшееся в 1967-68 гг., это движение привлекло внимание крупной прессы только в 1971 г. благодаря спектаклям, пользовавшимся триумфальным успехом: "GODSPELL" /"Божественное очарование"/ и "JESUS CHRIST SUPERSTAR" /"Иисус Христос Сверхзвезда"/. Такие заголовки как "AMAZING GRAB", "UPON THIS ROCK", "PUT YOUR HAND IN HAND" по много месяцев не сходили с репертуара. Из "звезд" "Рок-музыки сладчайшего Иисуса" "SWEET JESUS ROCK MUSIC", следует назвать Стив Хорнайка /"CRIMSON BRIDGE"/, Питера Харроу /"PETER, PAUL AND MARY"/, Дж. Спенсера /"FLEETWOOD MAC"/, Джони Кэша, Э. Кляптона, Пэт Буна и даже бывшего Битла Джорджа Харрисона /"MY SWEET LORD"/.

Выражение "Иисусова революция" не лишено некоторой двусмысленности. Оно может показаться журналистическим штампом. Но его все же нельзя считать неправильным, а главное - его приняли все те, кого называют также "новыми христианами". Так, например, "THE GOAD" /Рожен/, "Журнал Революционной Армии Народа Иисусова", очень мило поблагодарил "Тайм" и дал себе труд обосновать свой подзаголовок следующими словами: "Вы наверняка задаете себе вопрос, кто мы такие? Так вот, не мы сами выбрали себе это имя. Его дала нам общественность за нашу бодрость и оно осталось за нами".

Но кто же именно эти "Иисусовы революционеры"? Какие черты их движения дают право называть его революционным? И что означает эта революция с христианской точки зрения? Вот вопросы, которыми мы хотим заняться.

"Новые Христиане"

"Иисусова Революция" объединяет чрезвычайно разнообразные группировки, охватывая приблизительно миллион человек. Среди них можно для удобства различать три главных течения.

"Х и п и и - х р и с т и а н е" наименее многочисленны /их всего несколько десятков тысяч, но они безусловно составляют наиболее динамичное и красочное крыло движения. Их часто называют трудно переводимым выражением "JESUS FREAKS" - "Иисусовы чудища" или "бешеные". Словом "FREAKS" обозначают теперь в США всех тех, кто живет "за пределами общества". Все больше это слово указывает на хиппи, на наркоманов. Уже в пантеоне т. наз. "детей цветов" Иисус занимал видное место, рядом с Буддой и со всякого рода меньшими божествами. Но первые всерьез христианские "FREAKS" появились в таком оплоте хиппийской культуры, каким стал район Сан-Франциско, и было это в 1967-68 г. /впервые в апреле 1968 г. в Беркли на Телеграф-авеню появились "Иисусовы бешеные" или "Уличные Христиане", предлагавшие своим сородичам совершить экстазическую поездку /TRIP/ с помощью не наркотиков, а Христа/, т.е. после золотого века хиппийской моды, когда культурная революция развернулась по трем направлениям: коммун, радикальной политизации и гигантских концертов. В это же время в

Калифорнии, вдали от света, возникли христианские коммуны по формулам, стремившиеся сочетать преимущества традиционного монастыря, индийского ашрама и туристской базы для молодежи: учение и медитацию, молчаливую молитву и радостно импровизируемые общие богослужения, прием желающих молитвенного уединения. Скучное существование обеспечивалось кустарным промыслом /изготовление значков христианского вида и выпуском журнала на ротаторе/, да кое-каким земледелием. Но параллельно с этими сельскими коммунами, более созерцательного типа, появились городские общины, определенно более активные и устремленные к миссионерству, в первую очередь среди хиппи. Начавшись в Калифорнии, это движение "уличных христиан" /*STREET CHRISTIANS*/ распространилось по всему западному побережью США, затем по центральным областям, наконец, по южным и восточным. Мнее, чем за пятнадцать месяцев, это явление приняло общенациональные размеры. Повсюду как бы спонтанно возникали новые группы. Правда, порой это происходило в ответ на призывы приехавших с Запада "миссионеров". Но эти последние не столько сами создавали организации, сколько будили местную инициативу. Как бы то ни было, в настоящее время каждая община совершенно самостоятельна и никакого центрального руководства, ни общенационального, ни даже областного, не существует.

Отныне в каждом сколько-нибудь значительном американском городе имеется по одному или по несколько "Иисусовых кафе" /*JESUS COFFEEHOUSES*/ под красноречивыми вывесками: "Катакомбы", "Чрево китово", "Аз есмь", "Ареопаг", "Кафе харизм", "Отчий дом", "Иисус в нас", "Гостиница любви", "Знак рыбы", "Открытые врата", "Игольное ушко", "Марана-фа", "Дом братской любви", "Скинния" и т.д. Прежде на их месте были мелкие лавочки, гаражи, заброшенные и не пользовавшиеся постройки, а то, так и ночные клубы, игорные притоны или дома терпимости. Отныне здесь живут и здесь собираются "миссионеры большой дороги" /*HIGHWAY MISSIONARIES*/, все свое время посвящающие апостольской деятельности, новообращенные, бывшие наркоманы, хиппи или студенты. Всем им от 17 до 25 лет, все они полностью посвятили свою жизнь Иисусу и работают с неутомимым рвением под руководством "харизматических" возглавителей, которые иногда лишь немного старше их самих. Эти кафе устроены так, чтобы принимать всех, и обычно в них имеется дортуйары, зал для собраний, слушающий также часовней, и дискотека. В них бесплатно подается безалкогольные напитки. Каждый знает, что в любое время найдет здесь помощь, как материальную, так и духовную. "Уличные христиане" живут общиной, на средства, получаемые отчасти от пожертвований, а главным образом от продажи своих газет, печатающихся на месте или получаемых от других братских общин. Насчитывается около 50 названий таких /ежемесячных/ изданий с общим тиражом около миллиона экземпляров. По стилю и оформлению они похожи на подпольную прессу.

Из этих журналов наиболее распространены: "RIGHT ON!" /Вперед!/- Беркли, Калифорния, "HOLLYWOOD FREE PAPER" /Холливудский свободный листок/, "THE ORACLE" /Вещание/- Сан-Франциско, "TRUTH" /Истина/- Спокан, штат Вашингтон, "THE ROAD" /Рокон/- Сиэтл и Британская Колумбия, "STREET LEVEL" /На уровне улицы/- Милуоки, штат Висконсин.

С замечательным постоянством и удивительной напористостью "уличные христиане" часами останавливают прохожих, что-

бы "свидетельствовать" перед ними, возвещать им, что Христос их любит, и приставать к ним до тех пор, пока те не обратятся: миссионер призывает новообращенного вместе с ним преклонить колени на тротуаре, дабы проявить свое смиренное признание Христа Спасителя. Молодые люди, таким образом обращенные и спасенные, в свою очередь становятся "миссионерами большой дороги". Представителей "буржуазии" старших возрастов отсылают в церкви по их выбору, но с обязательством "жить с Церковью на сто процентов" и больше не быть всего только "воскресными христианами".

"Евангельские хиппи" деятельно участвуют на всех крупных музыкальных собраниях, будь то "поп", "рок" или "психеделическая" музыка. Именно там они встречаются с молодыми наркоманами, которые, обратившись и излечившись, могут посвятить себя миссионерству. Для облегчения этих контактов некоторые общины создали даже свои собственные оркестры. Так, напр., в Спокане "Иисусовы люди" используют группу приверженцев Уилсона Мак-Кинлея, которая прежде была психеделической, но теперь смягчила свои аккорды во славу Иисуса Христа и для служения Ему.

Большинство "уличных христиан" сохраняют облик хиппи /Некоторые "новые христиане" отказались, однако, от стиля хиппи, считая его частью своей прежней жизни. С другой стороны, многие новообращенные были студентами нормального вида /**STRAIGHT** или **SQUARE** в противоположность к **HIP** или **BEAT** / и не ощутили ни малейшей потребности принять облик хиппи / : длинные волосы, повязанные лентой, более или менее дикорастущую бороду, сандалии на босую ногу, лохмотья, украшения /соответственно христианизированные: кресты, рыбы, четки, изображения Иисуса и т.д./ . В фольклор христианских хиппи входят также лозунги: Иисус спасает, Мессия - это благовествование / игра слов: "**THE MESSIAH IS THE MESSAGE**" /, Благослови вас Бог, Иисус - мой Господь, Улыбнись - Бог тебя любит, Хвалите Господа, Иисус есть Спаситель и т.д. /Все эти лозунги можно встретить на значках, а также на виньетках, наклеиваемых на амортизаторы автомашин. Существуют также "христианские" безрукавки/. Все они приняли эмблему "уличных христиан" Лос-Анжелеса - поднятую руку с направленным к небу указательным пальцем, рядом с ней маленький крест и надпись "Один путь", означающая, что Иисус - единственный путь ко спасению. Соответствующий жест рукой служит опознавательным знаком.

"Прямые люди" - "**STRAIGHT PEOPLE**" нисколько не стремятся выступать в стиле хиппи, на что указывает уже само название, которое к ним приложил "Тайм". Но они широко пользуются теми же лозунгами и той же эмблемой. Это - сотни тысяч студентов, "чистоплотных и прямых", из буржуазной среды, которые начиная с 1969 г. массами примкнули к уже существовавшим на "кампусах" евангельским организациям, или же создали полные энтузиазма молодежные секции традиционных Церквей. Из числа движений, значительно окрепших благодаря этому возврату молодежи к Иисусу, следует назвать "**CAMPUS CRUSADE FOR CHRIST**" /Крестовый поход на кампусах за Христа - организация, основанная Билл Брайтом в 1951 г. и им руководимая. Содержит 3.000 постоянных работников на 450 кампусах/.

"**YOUTH LIFE**" /"Молодая жизнь", движение, возникшее в 1941 г. и объединяющее 1.300 "христианских клубов"/, "**INTER-VARSITY CHRISTIAN FELLOWSHIP**" /"Межуниверситетское христианское содружество", в декабре 1970 г. собравшее 12.000 участников на съезде в Иллинойском университете/ и "**YOUTH FOR CHRIST**" /"Молодежь за Христа" - движение, основанное в 1945 г. Билли Грейемом и доставившее ему широкую известность. В настоящее время оно имеет свои отделения в 2,700 высших учебных заведениях и стало независимым от Билли Грейема/. Формы деятельности крепко сколоченных группировок, пользующихся поддержкой щедрых жертвователей и наиболее богатых вероисповедных общин, существенно отличаются от деятельности хиппи-христиан, так что между ними нет конкуренции. "**JESUS FREAKS**" заняты главным образом личным свидетельством и стремятся индивидуально обращаться тех, кто в будущем предназначен все свое время уделять миссионерской работе. Крупные христианские движения молодежи предпочитают массовые собрания /**MASS-RALLY EVANGELISM**/ в стиле, который исходит из традиционных т. наз. "**REVIVALS**" /букв. пробуждений/, но приспособлен к требованиям "контркультуры". Для привлечения толп к этим большим "**RALLIES**", организации часто прибегают к помощи независимых проповедников, популярных среди молодежи, благодаря непосредственности своей речи или своей бросающейся в глаза деятельностью в пользу жертв наркомании, хиппи, алкоголиков, проституток или малолетних преступников.

Так, например, в Хьюстоне /Техас/ баптистский пастор Джон Байсенъ в 1970-71 г. обратился к совсем молодому /24-летнему/ неконформистскому и длинноволосому проповеднику Ричарду Хогу для оживления собраний т. наз. "**SPIRENO**" /сокращение лозунга "**SPIRITUAL REVOLUTION Now!**" - "Духовная революция сейчас же!"/.

Эти массовые собрания имели огромный успех. И именно этим путем производился набор тех, кому предстояло в дальнейшем активно выступать на своих кампусах или в своих учебных заведениях, в местных ячейках или в составе группировок молодежи, связанных с той или другой из Церквей, представленных в данном городе. /Местная деятельность бывает трех родов: изучение Библии, молитва и миссионерство /с помощью средств, предоставляемых организацией в форме журналов, брошюр, плакатов, организации митингов и т. д./.

Из организаций и руководителей, пользующихся особым успехом среди "прямых людей" /как и среди большинства хиппи-христиан/, следует особо отметить "**TEEN CHALLENGE**" /Вызов тем, кому нет двадцати лет"/, основанный и руководимый Дэвидом Уилкерсоном. Начав как пастор в маленькой Церкви пятидесятников в Пенсильвании, он стал знаменит в 1958 г., когда, вследствие таинственного призыва, он сосредоточил свою деятельность на спасении и обращении молодых жертв наркомании и малолетних преступников Бруклина. История его опыта, рассказанная им в автобиографическом романе "**THE CRASS AND THE SWITEN BLADE**" /"Крест и ножи"/, разошлась более чем в шести миллионах экземпляров. В 1971 г. по этой книге сделали фильм в постановке Дона Меррэйна, причем роль Уилкерсона играл известный актер и певец Пет Бун, незадолго до того примкнувший к "Иисусовой Революции".

Дэвид Уилкерсон оказал значительное влияние. Его пяти-

десятиничество, его безусловное упование на Бога, упор на молитву и на духовную жизнь как на необходимые основы действия, наконец, его практический экуменизм стали примером для почти всех "Иисусовых революционеров", которые открыто им вдохновляются. Действительно, даже те, которые высказывают некоторые оговорки относительно личности и методов Уилкерсона, принимают его пятидесятничество / признавая возврат молодежи к Иисусу как дело Святого Духа и осуществляя в своих общинах опыт "харизматической" деятельности/, разделяют его убеждение в том, что христианство есть прежде всего "личные отношения с Иисусом", и стремятся быть, как он, отчетливо, "межконфессиональными".

Отсутствие сектантского духа представляет собой, действительно, одну из самых неожиданных сторон "Иисусовой Революции". Согласно статье в "Тайме" /"Тайм", 21 июня 1971 г., стр.39. Здесь отсутствие сектантства означает то, что "новые христиане" не намерены образовывать новую конфессиональную группировку и фактически не осуждают ни одну из них. Но их энтузиазм и рвение нередко навлекают на них обвинение в фанатичности/, это движение развилось "на периферии установленных Церковей, но не против них". Различные организации "прямых людей" независимы от крупных протестантских деноминаций, представленных в "Национальном Совете Церквей", или стали от них независимыми. Принадлежность к данной группировке никоим образом не мешает молодому новообращенному посещать кроме того ту или иную церковь по его выбору и в ней работать. С другой стороны, тем, кого невозможно освоить или использовать во внутреннем укладе движения, предоставляется свобода вернуться в свой прежний приход, будь он даже католическим. Не менее, чем к возрождению христианства в обществе, "Иисусова Революция" стремится к его обновлению внутри всех Церквей, не исключая фактически ни одной из них.

"П я т и д е с я т и н и к и - к а т о л и к и" составляют, в этих условиях, самую неожиданную, но далеко не наименее внушительную ветвь "Иисусовой Революции". Сотни тысяч католиков, именуемых пятидесятниками, бесспорно принадлежат к "Иисусову движению". Сначала в питтсбургском университете Джексона в штате Охайо, потом в соутбендском университете имени Божией Матери в Индиане, они появились именно в 1967-68 г., т.е. в то самое время, когда образовывались первые группировки хишпи-христиан, и на "кампусах" личный состав крупных евангельских организаций возрастал вдвое и вчетверо. Такая одновременность бросается в глаза и это многозначительно. С тех пор во всех штатах появилось все больше общин католиков-пятидесятников как среди мирян, так и в некоторых монастырях. Центром движения остается университет имени Божией Матери, где происходят ежегодные съезды.

С "уличными христианами" и с "прямыми людьми" у католиков-пятидесятников есть то общее, что они открыты действию Святого Духа и требуют напряженной и вместе с тем совместной духовной жизни. Исключительные явления, как дар языков, чудесные исцеления и т.п. считаются у них второстепенными. По их убеждению, самое важное это - радость совместной молитвы и "личные отношения с Иисусом", достигаемые через призывание Его Духа. Как и в других общинах "Иисусовой Революции", во

главе общин католиков-пятидесятников стоят "харизматические" руководители /Внутри каждой группы создается "харизматическая" иерархия, отличная от церковной, но не противостоящая ей. Когда на собрании присутствует священник, его просят отслужить в обычном порядке Евхаристию. Но только в очень редких случаях он является вместе с тем руководителем группы/, и применяются неформальные обряды "крещения Духом Святым" через возложение рук /а иногда и через погружение в воду/.

Между "харизматическими" католиками и другими группировками пятидесятников поддерживаются регулярные отношения. Джерри Харвей, занимавшийся популяризацией католического пятидесятничества в районе Лос-Анжелоса, организовал плодотворные екуменические встречи. Среди хиппи-христиан нередко можно встретить также католических монахов, включившихся в пятидесятничество. Они считаются полноправными членами общины, как, напр., иезуит о.Джон Лейра.

В то же время католики-пятидесятники всецело остаются в лоне римской Церкви. Они регулярно присутствуют на богослужениях, принимают таинства и подчиняются церковным установлениям и иерархии, верны традиционному учению Церкви. Собрание католического епископата США приняло по отношению к ним 14 ноября 1969 г., "осторожную, но благожелательную установку". В конечном итоге, "католическое пятидесятничество представляется как бы братством ревностного благочестия" и оно само считает себя движением мирян, направленным на литургическое и духовное обновление.

Революционеры ?

Остается выяснить, что же может быть "революционного" у этих различных, в общем "благоразумных", течений "Иисусовой Революции". Это название не оправдывается ни их политической деятельностью, ни их отношением к уже существующим Церквям. Некоторые высказывают даже мнение, что это движение практически ведет к примирению молодежи с обществом и его традиционными структурами и мировоззрением.

Есть три рода доводов, позволяющих думать, что в конце концов "Иисусова Революция" представляет молодежи возможность "понемного включиться обратно в общество":

- "Новые христиане" /в особенности "прямые люди"/ часто объявляют себя американскими патриотами. В самом деле, к национальному чувству у них присоединяется христианский священный ужас перед атеизмом и материализмом, настолько, что марксизм отвергается ими целиком и без оговорок. Группировки "Иисусовой Революции" не проявляют никакой политической активности, не принимают участия даже в манифестациях против войны во Вьетнаме или против расизма. "JESUS FREAKS", наиболее радикальные из них, находятся в сравнительно мирных отношениях с полицией, тогда как все участники американской "новой левой" считают своим долгом подражать "Черным пантерам", называя "свиньей" /pig / каждого полицейского, каждого судью и каждого политического деятеля, связанного с существующим строем. Странствующий же проповедник Артур Влесситт, напротив, после одного из собраний устроил шествие своих слушателей, возглавлявших: "Чикагские лягаша! Иисус вас любит! Мы вас любим!" - было это в том самом городе, где полиция раз-

гоняла палками молодых "YIPPIES" во время конвенции демократической партии в августе 1968 года.

- Мораль "Иисусовых революционеров" явно консервативна. Они высказываются против наркотиков, против полового "просвещения" "SEXPLORATION", предупреждения беременности, аборт, половых сношений до или вне брака. Между тем, согласно, напр., обзору Ж. Ф. Ревеля, моральная распущенность (PERMISSIVENESS) как раз характерна для революции XX века в США. Непреклонность "новых христиан" в этих вопросах, автоматически лишает их права называться революционерами.

- Наконец, христианство, проповедуемое "новыми христианами", не кажется особенно "новым" /"Иисусова Революция" не имеет ничего общего с американской, т. наз. подпольной /UNDERGROUND/ Церковью/. Сами они, во многих отношениях, могут показаться скорее отсталыми: их пятидесятничество не лишено петиетского налета и некоторых пережитков хилизма и фундаментализма. По суждению весьма многих современных умов, верить нерушимо в сатану, в ад, в ангелов, в чудеса и в прямые действия Божии в этом мире - есть признак мракобесия, отошедшего в прошлое. "Новые" же христиане отворачиваются от т. наз. "богословия секуляризации", как и от т. наз. "богословия смерти Бога". И в этих условиях "Иисусова Революция" несет в себе все черты тех REVIVALS /пробуждений/, которые уже не раз происходили в истории США., - поскольку известно, что религия предков служит убежищем в периоды кризисов цивилизации.

Все же, нет преувеличения в признании за "Иисусовым движением" подлинно революционных качеств. Действительно, критика, хотя бы и обоснованная, которой подвергаются "новые христиане", не дает подлинного отчета о своеобразии этого явления. В первых двух пунктах, приведенных выше, содержатся суждения: высказываемые извне, от имени заранее установленных представлений о том, чем должна быть революция. Но поскольку мы имеем дело с "революцией через Иисуса", о ценности движения нужно судить в зависимости от ценности того христианства, которое им осуществляется и проповедуется. И с этой точки зрения, - если только не отрицать априори в христианстве какой бы то ни было революционный потенциал вообще, - необходимо ближе рассмотреть, что именно означает пятидесятничество, хилизм и фундаментализм "Иисусовой Революции". Слова не должны вводить в заблуждение и они вовсе не доказывают наличия широкого возврата к религиозности прошлого.

Выясняется, что "революционеры Иисуса" заслуживают свое название во многих отношениях:

У "новых христиан" отчетливо выражен аспект типичного инакомыслия. Но по несомненному своеобразию своего происхождения это инакомыслие проявляется одновременно в направлениях, обыкновенно считающихся несовместимыми.

- Издания "подпольной" христианской печати яростно обрушиваются на законническую и фарисейскую обрядность традиционных Церквей. Журнал "TRUTH" выражает это своим излюбленным лозунгом: "Вместо религии - личные отношения с Иисусом". В этом контексте религия означает просто и конкретно - хождение в церковь по воскресеньям и следовательно только внешняя принадлежность к христианству. Но "от регулярного хождения в курятник не становишься курицей и от посещения церкви по воскресеньям не становишься христианином". Эти сарказмы

не имеют целью охладить тех, кто следует благочестно традиционных Церквей. Речь идет и не об осуждении всех форм культа и литургии. Ведь "Новые христиане" проявляют сами в этой области и энтузиазм и творческое воображение. Но самым важным они считают жить по-христиански всю неделю, целиком посвящать себя Иисусу и все время стараться выполнять Его волю.

В открытом виде эта критика обрядов и церемоний, за которыми не следует никакого дела, исходит от хиппи-христиан. "Прямые люди" одобряют ее молчаливо, либо отнехиваясь от Церквей, к которым они принадлежат, либо работая на их преобразование изнутри. Со своей стороны, католики-пятидесятники ведут себя еще более сдержанно, но они оознательно стремятся ввести свои богослужебные починь в общее течение церковного обновления.

- Нападаю, открыто или обходным путем, на религию, "революционеры Иисуса" делают это не для того, чтобы противопоставить ей "обмирщенную" веру или какие-либо рискованные богословские построения. Идея, что "Бог умер", представляется им абсурдной и они не останавливаются перед тем, чтобы при случае ее высмеять. В "TRUTH" напечатан рисунок, изображающий изумление участника манифестации при виде огромной руки, спускающейся из облака и отнимающей у него плакат с надписью "Бог умер". Помимо нехитрых шуток этого рода, "Иисусова Революция", своим фундаментализмом, своей аполитичностью и своей нравственной строгостью, имплицитно противостоит либеральной тенденции, преобладающей среди американских христиан по меньшей мере за последний десяток лет. Рассуждая о фактическом атеизме общества, теоретически считающегося в большинстве своем христианским, Г. Уэйджел писал еще в 1963 г.: "В церквях слышны теперь те голоса, которые молчаливо объявляют, хотя и с сожалением, о конце трансцендентного христианского Бога, воплощенного в Иисусе Христе". /Надо отметить, что главный апостол мирского /THE SECULAR CITY / Града, харвардский баптистский богослов Харвей Коикс, всегда знающий "откуда ветер дует", успел попасть и на новейший поезд, т.е. в ряды "Иисусовой Революции". Таким образом, "новые христиане" падают либералов не больше, чем консерваторов, озабоченных сохранением своих религиозных привычек. Наконец, им совершенно чужды заботы тех христиан, которые, ратуя за политическую чистоту, роятся в бюджетах Церквей, подозревая их в том, что часть средств, находящихся в их распоряжении, они вкладывают в предприятия, в какой-либо мере работающие на армию.

- "Движение Иисуса" проявляет свое инакомыслие не только по отношению как "правых", так и "левых" христиан: оно ставит под вопрос самые основы американского общества. "Иисусова Революция" повторяет от своего имени все основную критику, высказываемую контр-культурой, подчеркивая коллективный эгоизм и систематическую погоню за прибылью, которые порождают войны, напряженность между расами и загрязнение природы. Отмечаются также и бедственное состояние расчеловеченного мира, где машина и система раздавливают личность, и угроза атомного конфликта, и опасности, связанные с перенаселенностью. С этой точки зрения, бросается в глаза верность "нового христианства" идеалам хиппи. В нем снова встречаем те же ключевые слова: м и р, л ю б о в ь, с в о б о д а,

р а й. Хиппи-христиане вовсе не считают, что отреклись от самих себя. Так, например, " ", подробно описав духовный путь "потерянных детей", спасенных своей встречей с Христом, заключает: "Мы отдали себе отчет, что именно Его мы и искали с самого начала". Соответственно с этим, "Иисусова Революция" представляется логическим завершением и даже полнотой развития хиппийской контр-культуры.

"Иисусовы революционеры" считают просто вздором разговоры об их "обратном включении в общество". Они отвергают, по крайней мере на практике, фарисейскую религию своих дедов и обмирщенную веру своих папаш. Считая срочной задачей осуществление "духовной революции", они не проявляют ни малейшей снисходительности к злоупотреблениям алчного и абсурдного общества. Сверх того, они упорно отвергают обвинение в какой-либо зависимости от своих благодетелей, а эксплуатацию "моды на Иисуса" в промышленности зрелищ они считают кощунственным соблазном /в беседе с французскими студентами группы Воскресение, в монастыре доминиканских монахинь в Клерфонтен /близ Парижа/, Карл Паркс заявил, что не зависит ни от кого, кроме одного Бога, и назвал оперу "GOD SPELL", "кощунственной клоунадой"/.

Инакомыслие революционеров обычного типа несомненно усилит революционный характер "движения Иисуса". Если бы "революция Иисуса" пошла проторенными путями и просто вписала бы имя Назарянина в длинный список пророков, который начинается с Руссо и обязательно через Маркса доходит до Мао Цзе-дуна, то в чем была бы ее коренная новизна, та идея, которая способна изменить лицо мира? Поэтому "Иисусова Революция" имеет в виду пойти дальше критики революционеров прежнего типа и еще больше углубить анализ. С точки зрения "новых христиан" все политические системы одинаково плохи и решение не приходится искать в какой-либо политической революции, предполагающей иное оружие, чем любовь; лицемерен даже отказ от насилия: "Те, кто сильнее всех кричит за мир, раньше всех забывают о том, что говорят, и бьют других в уверенности, что они правы". Активизм считается поэтому лишенным действительной силы /именно эту мысль развил Раш Гринслейд в зале Мотралите 8 февраля 1972 г., ссылаясь на свое собственное прошлое радикально настроенного студента. Только добрые дела /кормить голодных, одевать нагих, посещать узников согласно евангельским предписаниям/ служат конкретным выражением любви, и "революционерам Иисуса" они заменяют "открытость к миру"/, так как суть общечеловеческой драмы - в отделенности от Бога. Вот как, напр., журнал "STREET

LEVEL "видит происхождение существующего в мире беспорядка: "Тот факт, что злоупотребления человечества в области экологии стали всемирными, указывает на наличие проблемы, общей всем людям. Следовательно, первоисточник загрязнения природы надо искать за пределами культурных или политических систем. Он находится в человеческой природе, в сердце каждого человека, где царят жадность, апатия и эгоизм".

Это подтверждается тем, что человек отделен от себе подобных /недостаток любви/ и от природы /недостаточная забота об окружающем/. Этим двойным фактом обнаруживается еще гораздо более коренная отделенность от Того, Кто создал все вещи, чтобы они были в гармонии. В этом есть бунт против

Самого Бога.

Настоящего человеческого братства и настоящей гармонии между людьми и природой не может быть до тех пор, пока каждый индивидуум не примирится с Богом. Человек один никогда не засыплет ров, отделяющий его от Творца. Этот акт посредничества, который восстановит гармонию с природой и между людьми, может быть делом только одного Человека - Сына Божия Иисуса Христа. Он умер на кресте, чтобы засыпать ров между человеческим грехом и Божией гармонией.

По убеждению "новых христиан", есть одна действительно революционная борьба, которую нужно вести в этом мире. Но поясняет "STREET LEVEL" - это не борьба против какой-либо категории людей, ибо враг есть сатана и борьба есть борьба духовная:

"Слушайте, мы боремся не с коминтерновцами, не с жидами, не с *YIPPIES* и не с вьетами, не с существующим строем, не с русаками, не с японками и не с красными китайцами, не с молодчиками Джона Берча, не с Мафией, не с Церковью, грязными волосатиками-хиппи и не с Пантерами, будь они синими, розовыми или зелеными...

Но Князь мира сего действует, чтобы нас уничтожить, возбуждая войны, плоть против плоти. Настоящий враг человеческого братства не кто иной, как сам Сатана.

Избавьтесь от всякой ненависти, гордыни, самодовольства и алчности. Уничтожена должна быть та "свинья", которая сидит в каждом человеке. Она в нас, а не только в других.

Возьмитесь за оружие и вступите в настоящий духовный бой, пока вы еще не попали в ловушку Сатаны. Примите Иисуса Христа в свое сердце и раз и навсегда убейте с в и н ь ю в себе самих!"

Революция индивидуальна и каждый должен сначала принять ее в себе самом. Это и дает понять только что приведенный текст. О том же, но яснее, говорит следующий текст, озаглавленный "Претворить революцию в жизнь" и сравнивающий революции христианскую и марксистскую:

"Марксистские революционеры трудились над подготовкой своей революции, часто наперекор всему, потому что были уверены в ее неизбежности. Иисусовы люди трудятся для Христовой революции с еще большим упованием, потому что знают, что победа не только обеспечена, но уже и достигнута".

"Иисус начал выкорчевывать развращенность этого мира через Свою безгрешную жизнь и в этом Его революция. Затем Он победил смерть, худшее из всех зол, воскреснув после того, как Его убили представители установленного порядка. Умирая на кресте, Иисус сказал: "Свершилось". Значит там, где другие только начинают, Иисус уже сделал все.

Че Гевара сказал, что революционер должен победить или умереть. Иисус победил Своей смертью. Умирая, Он выиграл сражение против зла и развращенности. Затем Он воскрес и победил установленный порядок. Полная победа - уже только вопрос времени.

Если вы хотите принять участие в конечной победе Христовой революции, вы должны начать с того, чтобы теперь же претворить революцию в свою жизнь, совершить ее в себе самих. Удается вам это только, если вы соединитесь с Иисусом. Тогда Он разрушит в вас старый порядок насилия, развращен-

ности, абсурде и эгоизма. Он начнет созидать в вас новый порядок. Чтобы эта революция произошла, вы должны умереть для старой системы, как сделал Иисус. Когда вы начнете пре-творять эту революцию в свою жизнь, тогда революция произойдет, сначала в вас самих, потом в окружающем вас мире".

Ясно, что революция здесь означает обращение сердцем. И это несомненно самый удовлетворительный способ понять, что такое "Иисусова Революция".

Во всяком случае, таково то истолкование, которое решил дать Карл Паркс в зале Митвалите 8 февраля 1972 г., отметив, что революция означает полный внутренний поворот, который, действительно, предполагает обращение сердцем, т. е. принятие Бога всем человеком.

Имеет ли такая революция действительную силу? Нет сомнения в том, что принятие Христа меняет и сверху донизу пере-краивает всю жизнь человека. Но напрасно было бы думать, что миссионерское рвение, приправленное добрыми делами, по-немногу обратит всех людей во всем мире и таким образом даст окончательное решение всех проблем. Конечно, мыслимы и даже совместимы с этим другие образы действия. Как бы то ни было, очевидно, что "окончательная победа" произойдет только при возвращении Христа во славу.

Сентиментальное христианство?

"Революционеры Иисуса" как раз убеждены в том, что это возвращение близко. Можно думать, что этот хилизм тесно об-ременяет их движение. То же можно сказать и об их пятидеся-тичестве и фундаментализме. В самом деле, христианство, све-денное только к этому, кажется опасно устаревшим и тогда мож-но с полным правом поставить вопрос, имеет ли какое бы то ни было будущее такая "революция", основанная на форме религи-озности, отвергнутой как большинством христианского народа, так и традицией /в лучшем смысле этого слова/.

Однако, при более внимательном рассмотрении выясняется, что христианство "революционеров Иисуса", если и не совсем убедительно, то все же не так вздорно, как может показаться поначалу.

Хилизм в узком смысле этого слова свойствен в действи-тельности только ничтожному меньшинству "новых христиан". Только "**CHILDREN OF GOD**" - "**ENFANTS TERRIBLES**" - "Иисусова движения" /в качестве руководителя, пророк-диктатор - Дэвид Берг, скромно именующий себя Моисеем, - имеется также только у "Детей Божиих", которых другие "**JESUS FREAKS**" не призна-ют/, да еще две или три из мельчайших калифорнийских группи-ровок уверены в непосредственной близости конца света, она им представляется вопросом месяцев, или самое большое нес-кольких лет. С помощью таких руководств как книжка "Покойная великая планета Земля" /**THE LATE GREAT PLANET EARTH** /, они обнаруживают в мире признаки предсказанного в Библии апока-липсиса.

Вызванный загрязнением атмосферы туман /**smog** /, приня-тие в состав европейского Общего рынка еще четырех стран /что доводит число участвующих в нем государств до десяти/, взятие Иерусалима израильтянами и т.д. считаются событиями, предсказанными в Писании и предвещающими конец света. По су-

цеству, это не очень серьезно и даже не очень ново.

Но в своем подавляющем большинстве "революционеры Иисуса" старательно избегают таких крайностей. Даже руководители отказываются указывать какую бы то ни было дату или истолковывать текущие события. Их идея заключается просто в том, что времена, переживаемые Народом Божиим на земле, - это "последние времена". В подтверждение этого приводятся доводы как человеческого, так и экзегетического порядка. Прежде всего, атомная угроза и опасности, связанные с перенаселенностью, придает некоторое правдоподобие мысли о близком конце времен. Главное же в убеждении, что успех "Иисусова движения" связан со второй Пятид есятиницей, которая по Библии должна произойти перед возвращением Мессии.

Пророчество Иоиля /2, 23 и 3, 1-5/ говорит о первом излиянии Духа /весенний дождь/ и о втором, перед жатвой /осенний дождь/. В этой связи, первой Пятидесятницей представляется та, которая была дана первоначально Церкви. Апостол же Петр, в своей первой речи к народу, сразу после принятия Святого Духа, ссылается именно на текст Иоиля /Деян. 2, 14-21/. Соответственно этому, возведенная Иоилем и предсказанная Петром, вторая Пятидесятница представляется начавшейся теперь и доказательством этого считается массовый возврат молодежи к Иисусу. Церковь в связи с этим представляется вступившей в последний отрезок своего земного пути. Но никто из "революционеров Иисуса" не считает себя в праве предусматривать продолжительность этой последней фазы.

Истолкование текстов, обосновывающих эту теорию, можно оспаривать. Те места, которые они приводят, мало ясны, и их понимание "новыми христианами" соответствует только сравнительно недавней протестантской традиции. Но главный вопрос в том, действительно ли "Иисусово движение" является знамением "возвращения Духа".

Пятидесятничество составляет, таким образом, глубинную основу хилиазма "революционеров Иисуса". По счастью, мы здесь уже далеко от бьодих на эффект фантазий первого пятидесятничества 1900-х годов. Вот как "харизматические" католики, получившие от своих епископов разрешение продолжать свои опыты, сами определяют то действие Святого Духа, которым они одарены и о котором они свидетельствуют:

"Духовные присутствует в Церкви, - не как еще малоизвестное Лицо Троицы и не только как некий свет ума, захигаемый в моменты решений /.../, но так динамически и мощно, как Он действовал в Церкви апостольских времен /.../ Они приходят со многими дарами для созидания Церкви, чтобы сделать ее сильной, сделать ее неким знамением, даром любви, и, чтобы дать ей способность быть, насколько возможно, великим таинством Христа в Мире".

Здесь нельзя не заметить, что "даров Духа" идут и текут не как исключительных явлений и не как доказательств, но ради их назначения - восстановить в Церкви силу и энтузиазм первых времен. Эта умеренность и эта определенно церковная направленность явно отличает их от конфессионального пятидесятничества. Это напоминает ту молитву, с которой папа Иоанн XXIII обратился к Святому Духу в конце энциклики "HUMANAL SALUTIS":

"Возобнови Твои дивные дела для нашего времени, как для

новой Пятидесятницы и исповши Святой Церкви /.../ да распространится царство Божественного Спасителя" /Рождество 1961 г./.

Пятидесятничество несомненно представляет собой тот цемент, которым скрепляется единство различных направлений "Иисусовой Революции". В некотором смысле им оправдывается и само это название: если первая Пятидесятница, в конце концов, произвела в мире "революцию", то почему бы не быть тому же и со второй? Но в смысле более конкретном и немедленном пятидесятничество позволяет в это "время заты" отличать доброе семя от плевел, т.е. "революционеров Иисуса" от "христиан-обывателей". Первые "исполнены Духа Святого" /*SPIRIT FILLED* / и посвятили Иисусу всю свою жизнь. Остальные - христиане только по внешности, по обрядам и по словам, они не обратились сердцем. С этой точки зрения конфессиональные названия не имеют значения. На собрании "харизматических" католиков, как и в общине хишпи, или на митинге "прямых людей" - "новые христиане" одинаково чувствуют себя членами подлинной ячейки Церкви, обновленной Духом.

Этот практический экуменизм симпатичен, но и несколько настораживает: он предполагает на деле существование своего рода "подземной Церкви", превосходящей все установления, спонтанной и объединяющей, так сказать, "лучших" из всех конфессиональных группировок. Здесь близка опасность некоторой "сверхсекты" избранных, более или менее тайной, и это неприятно напоминает наименее удачные стороны хилиазма.

Некоторый фундаментализм также служит отличительным знаком. Отметим сразу же, что здесь мы не имеем дела с узким библейским буквоедством некоторых разновидностей протестантизма, порожденных предыдущими духовными пробуждениями. "Революционеры Иисуса" по всякому поводу читают Библию и ею пользуются. Они знают ее наизусть и инстинктивно отвергают, как произвольное или даже недобросовестное, всякое толкование, которое, под предлогом верности духу, противостоит буквальному смыслу / вспомним знаменитую формулу Эмиля Бруннера: "Библию нужно принимать всерьез, но не буквально". Фундаментализм "новых христиан" заключается просто во внимательном и усердном, наивном и честном чтении Писания. Они хотят принимать Библию всерьез, т.е. не исключать из нее ничего. Это относится в особенности к нравственным предписаниям, прямо выраженным в Новом Завете. Но среди обрядовых и иных предписаний Ветхого Завета "революционеры Иисуса" способны производить некоторый отсев. Скажем, что они отказываются толковать Слово Божие произвольно, следуя своему личному вдохновению или своему социально-культурному окружению. Они знают о герменевтических проблемах, которые ставит Писание и отдают себе отчет в том, что пользуются только переводами /в качестве примера, *"STREET LEVEL"*, март 1971 г., стр. 6, поясняет, почему английское слово *BELIEVE* /верить/ не вполне передает смысл греческого термина; он сравнивает различные издания и переводы Библии и рекомендует популяраторские труды по экзегетике/. В целом, они пользуются Библией уравновешенным и разумным образом. Богословское учение, которое они молчаливым образом из нее извлекают, замечательно согласуется с традиционным христианским учением: истинность и божественность Иисуса Христа, реальность события

Воскресения и т.д.

Это богословское учение чрезвычайно мало разработано, оно нигде не получило связного изложения и поэтому приходится признать, что этот фундаментализм, в общем довольно здоровый, близок некоторому антиинтеллектуализму, который может быть не безопасным. Перед нами, очевидно, реакция, в общем здоровая, против некоторых крайностей т. наз. либерального протестантизма. Но исключительное подчеркивание обращения сердцем и личного отношения с Иисусом может породить чрезмерную сентиментальность, которую динамичность группы способна скорее усиливать, чем сдерживать.

После этого можно поставить вопрос, не имеем ли мы дело с таким христианством, которое отличается не столько возвратом к первоисточкам, сколько просто примитивностью. Бросается в глаза неспособность большинства "революционеров Иисуса" /быть может, за исключением католиков-пятидесятников/ постигать ценности таинств и священства и сознавать единство Церкви во времени /а не только в пространстве/. Создается нередко впечатление, что по мнению "новых христиан" энтузиазм делает излишней всякую более объективную встречу с Иисусом Христом и, что Дух, как бы вовсе не дышал между 100 годом и 1900-м /когда началось пятидесятничество/. Еще более тревожным представляется поверхностный характер слишком уж удачной **духовной жизни**, которой хвалятся "революционеры Иисуса". Послушать их, так достаточно полностью отдаться Иисусу и призвать Духа, чтобы сразу же в безоблачном счастье возноситься на седьмое небо. Ясно, что это весьма далеко от темной ночи, в которой бились наши величайшие мистики. Также и понятия покаяния и сопричастности Кресту Христову трудно найти в "Иисусовом движении". Раскаянию отводится место только на пути к обращению, а потом, по-видимому, не может быть больше никаких проблем, кроме миссионерских, никаких настоящих испытаний и в особенности никаких аскетических жертв. Словом, хотелось бы услышать немного больше о духовных борениях, которые несомненно предстоят и после решительного обращения. Окончательно спасенными считают себя только фанатики или духовидцы. Слабости "Иисусовой Революции" по таким важным темам, как богословие, Церковь, таинства, мистицизм и аскеза, выявляют христианство к сожалению еще недоразвитое и суммарное. Это уже не мало. Но достаточно ли этого в настоящее время?

После этого возникает искушение заключить, что "Иисусова Революция" в конце концов представляет собой только один из видов "**духовных пробуждений**", не отличающийся от других. Однако, с таким суждением нельзя согласиться, т.к. ничего подобного "Иисусову движению" не было еще никогда. Действительно, на этот раз впервые пробуждение не ограничено ни какой-нибудь одной областью, ни отдельной социально-профессиональной категорией или национальным меньшинством. Напротив, феномен этот с небывалой быстротой принял общенациональные размеры. Далее, он является делом людей в возрасте от 17 до 25 лет, тех самых, о которых предполагалось, что они вскоре сделают какую-нибудь революцию. Такого пробуждения молодых раньше не видели никогда. Кроме того, также впервые, пробуждение не руководится и не вдохновляется ка-

ким-либо одним непререкаемым возглавителем и не выливается в образование какой-либо новой секты или организации, которая только усугубила бы распыление христианского народа на конфессиональные группировки, больше разделенные своими разногласиями, чем объединенные во Христе. Наконец, и это, пожалуй, внушительнее всего, впервые Католическая Церковь принимает участие в движении этого рода.

Кризис американской цивилизации несомненно содействовал появлению этого христианского возрождения. Но этим не исключается действие также и Святого Духа. Под этим углом зрения слабости "Иисусовой Революции" не представляются непреодолимыми. Контакты с более "развитыми" Церквями могут принести "новым христианам" величайшую пользу и в богословском, и в духовном отношении. Мосты между ними не сожжены и есть основание надеяться на взаимное обогащение. В своем энтузиазме "революционеры Иисуса" снова совершили спасительное сосредоточение христианства на личности Богочеловека. Почему за этим не следует и остальное, в особенности, если совершенное до сих пор совершилось под действием Святого Духа? Христианское возрождение может оказаться революцией не только в Церкви, но и в цивилизации конца XX века.

ЕГО ЛУЧИ И
ВО ТЪМЕ СВЕТАТ...

И СВЕТ ВО ТЪМЕ
СВЕТИТ, И ТЪМА
НЕ ОБЪЯЛА ЕГО.
ИОАНН 1.5

COUNCIL
YOUTH
OF TAIZE

ПАСХА В ЦЕРКВИ ПРИМИРЕНИЯ

Тэзе - деревушка в Бургундии, неподалеку от знаменитого аббатства Клони, откуда в XI веке началось мощное монашеское движение, обновившее Церковь. Расположена она на холме как бы в центре огромной долины, окруженной со всех сторон возвышенностями. Здесь на обрыве, с которого присолнечном восходе и заходе открывается почти нереальный по своей сказочности вид, стоит Церковь Примирения, построенная экуменической общиной, основанной братом Роже Штцом.

Об общине мне было известно, что она путем монашеской жизни и общей молитвы стремится достичь подлинной христианской любви и единства между своими членами, принадлежащими к разным христианским вероисповеданиям. Сюда я и направлялся с целью провести Страстную неделю. Вместе со мной со автобуса сошли три девицы в джинсах, с рюкзаками и гитарами и, хотя их вид и оживление, по моему представлению, мало вязались с покаянной атмосферой Святой недели, я почему-то подумал, что они направляются туда же, куда и я, и пошел за ними. По мере продвижения вверх по дороге в деревню стали чаще и чаще встречаться группы молодежи, пока внезапно не открылся большой лагерь, заставленный палатками вокруг огромного современного каменного здания, представляющего собой прославаившуюся на весь мир

Постепенно из расспросов выясняю, что Тэзе - это не только община братьев, но и вдохновленный ею круглогодично действующий молодежный лагерь, куда вот уже несколько лет постоянно собирается со всего света молодежь. Она живет, молится вместе с братьями, участвует в дискуссиях на различные темы, готовясь к открытию в 1974 г. Вселенского Собора Молодежи. Все это узнаю у барака, в котором производится прием и распределение новоприбывших и вокруг которого всегда толпится куча народа, ожидающего своей очереди.

Кто-то сует мне в руку тоненький журнальчик без обложки под названием "Листок Тэзе". Перелистываю его: письма со всего света: отчет о путешествии в Латинскую Америку с целью ознакомления с деятельностью молодежных христианских групп, о проблемах, успехах и кризисах этого движения в Чили; письма от посланцев Тэзе, организующих молодежные очаги христианского примирения в Азии, Африке, Европе. Одно из писем рассказывает о том, что три группы из разных концов Африки /Западной, Центральной и Камеруна/ встретились для совместного празднования Пасхи; в другом письме от француза развивается идея необходимости большего включения христианства в политическую жизнь; немец из Берлина пишет об обновлении Церкви, испанка из Барселоны - о молитве и самоотречении, как наиболее действенном оружии христианской веры; один рассказывает о молодежной христианской коммуне, которая несмотря на все трудности не распадается и готовится отпраздновать свою третью годовщину, другой - о том, как тяжело и частично претворяются христианские идеалы в повседневную жизнь.

Продвигаясь в очереди, с интересом верчу этот "Листок" в руках. Разные люди, пришедшие из разных культур, языков, вероисповеданий с удивительным единодушием отзываются о своем посещении Тэзе. "Каждый из молодых людей, приехавших из сотни различных стран, идет то, что его волнует больше всего. Для каждого его проблема - главная. Но независимо от того,

где бы мы ни жили, на каком бы континенте ни находились, мы зависим друг от друга. Идя до конца в своих поисках, мы вместе находим пути объединения людей новыми узлами общения. И хотя этот поиск каждого из нас проходит невидимо, в каждой встрече, каждом посещении, каждом письме уже приоткрывается путь предварения этого нового общения..."

В расспросах и ответах приближаюсь к двери. Перед ней на зеленой доске мелом на всех языках написано расписание дня, которое почему-то начиналось с русской фразы: "Еда после службы", так, что я подумал, не встречу ли здесь соотечественников. Но тут же выяснилось, что я - первый христианин из СССР, посетивший Тезе, и мне объяснили, что иногда какой-нибудь путник начинает расписание с русского или китайского языка, чтобы подчеркнуть вселенский характер собрания, даже несмотря на то, что из этих стран никто никогда не приезжает. Подобно тому, как за праздничным столом ставят прибор для дорогого, но отсутствующего гостя, и эти страны духовно присутствуют здесь во всемирной семье христианской молодежи.

Наконец, получив место в одной из палаток, направление в одну из дискуссионных групп и талон на обед, - отправляюсь осматриваться, все более и более поражаясь чистоте, организованности и порядку в этом многотысячном текучем собрании, которые поддерживались силами самих же участников, добровольно составляющих различные служебные команды. В них могли записаться все желающие: одни - принимать и благоустраивать новопривывших, другие - готовить еду и осуществлять регулярное кормление этой все возрастающей молодой и голодной толпы, третьи - руководить дискуссиями в группах, четвертые шли в "левиты", служители храма, следящие за порядком и тишиной внутри и снаружи и исполнявшие множество функций, как выяснилось впоследствии, - довольно оригинальных.

Новопривышему выдавался лист с планом лагеря, с напечатанным расписанием богослужений, тем, занятий и его собственного места в распорядке жизни Тезе, так же, как и раздавались ежедневно всем тексты песнопений, чтобы каждый мог активно принимать участие в богослужении.

Последнее совершалось трижды в день. Братья в белых одеждах собирались перед алтарем в центре храма, а вокруг них рассаживались прямо на полу /чтобы сэкономить место/ те, кого мы привыкли называть "верующими". Это слово довольно трудно применить здесь, поскольку для нас оно ассоциируется с почтенными прихожанами, убежденными сединами старцами и старицами, а тут из всей пестрой и шумливой толпы с трудом можно было бы насчитать нескольких человек старше тридцати лет.

После совместного пения псалмов и молитвословий под игру органа и чтения Святого Писания на разных языках /в основном по-французски, английски, немецки, испански и итальянски/ начиналась литургия, совершаемая священниками из среды братьев, отличающаяся от католической мессы лишь тем, что наряду с Папой Павлом VI поминался Вселенский патриарх Дионисий II. Впрочем внизу, в нижнем этаже под церковью, в католическом и православном приделах, служились литургии для католиков или православных.

Днем и вечером снова совершалось общее богослужение. Но церковь была заполнена круглосуточно, и в промежутках между службами кто молился, кто читал, кто дремал, лежа на полу или на ступеньках, кто сидел в созерцательно-неподвижной позе, кто

дискутировал. Время от времени "левитов" /добровольную команду храмовых служителей/ охватывала ревность, и они, противодействуя тому, чтобы кто-нибудь оставался в храме ночевать, отбирали у всех входящих спальные мешки и одеяла, но тяга к святому месту обыкновенно побеждала, так что под утро церковь представляла собой живописное становище, в котором все пространство пола, лестниц и площадочек оказывалось усыпанным спящими телами, покрытыми разного цвета одеянием.

Поэтому около шести часов утра в храме включалась на полную громкость какая-нибудь музыка вроде Баха или Моцарта, двери настежь открывались, и просыпающаяся и продирающая глаза паства постепенно выставлялась на улицу: надо было подмести церковь и приготовить ее к утреннему богослужению. Так происходило каждый день.

С Великой Среды атмосфера торжественности, ожидания и праздничности начала нарастать. Нескончаемым потоком по шоссе стали прибывать группы молодежи с заплечными мешками, машины, великаны-автобусы. На шоссе, по которому уже нельзя было спокойно пройти или проехать, воцарилась разноязычная шумливая, поющая, острая, веселящаяся многоголосица. Церковь перестала вмещать всех желающих, рядом с ней был установлен огромный, равный с ней по величине, тент с сидениями, амфитеатром, как в бродячем цирке. Строители храма оказывается предусмотрели возможность демографического взлета молящихся: его задняя стена поднималась, алтарь перемещался на рубеж, соединяющий пространство храма с тентом и вместимость увеличивалась вдвое. Впоследствии к тенту прирачивались все новые и новые отсеки из почти таких же по величине тентов, предназначенные для того, чтобы осуществлять в каждом перевод богослужения на определенный язык: английский, испанский и т.п.

После богослужений и еды толпа разбивалась на дискутирующие группы, разбредавшиеся по всему лагерю и его окрестностям. Как выяснилось, каждый раз для дискуссий предлагались особые темы и для этого пасхального собрания были представлены четыре следующих основных сюжета, в рамках которых они должны были развиваться:

1/ Жить против течения. Какой образ жизни мы ищем? Как не быть поглощенным общим течением, живя в "обществе потребления", как сделать из своего существования постоянный вызов, стать знаком протеста против "века сего" согласно Евангелию?

2/ Как стать носителями праздника в своем обществе?

Что это за праздник? Каковы его источники? Какой призыв мы выражаем в среде, в которой живем, и как в ней явить знамения Пасхи, знаки освобождения? Какой ценой, какими средствами преобразить нашу умственную и духовную жизнь, всю реальность нашей жизни?

3/ Разделять жизнь каждого человека. Как создать в ячейках и в Церкви общение между различными поколениями, средами, культурами, системами ценностей? Какое общение мы ищем? С кем?

4/ Вороться вместе с угнетенным человеком. Где для нас находится этот угнетенный? Не являемся ли и мы также угнетателями? Анализ нашей жизненной среды. Как соединить эту борьбу и созерцание, действие и молитву?

Однако всем желающим углубить за время пребывания в Тезе духовную жизнь была предоставлена возможность уединения

для размышления и молитвы в специально отведенной для этого части лагеря, названной "зоной молчания" и обвешанной табличками, просящими не устраивать вблизи нее пения и шумных собраний. "Молчальники" жили и обедали вместе, "затворившись" от прочих, между собой не сообщаясь, а беседуя лишь с братом, дававшим темы для медитаций и индивидуальные духовные советы.

Таков был распорядок деловой части по подготовке к Собору, который поддерживался с неукоснительной дисциплиной, несмотря на ту противодействующую формальной организованности анархическую стихию, которую представляла собой приехавшая отовсюду на каникулы молодежь. Даже в день Пасхи, после всеобщего пения и ликования, следовавших за ранней пасхальной заутреней, организаторы групп расхаживали по лагерю и с вежливо-неумолимой непреклонностью на разных языках по громкоговорителям упрямывали всех разойтись по своим дискуссионным группам, что и было в конце концов не без труда достигнуто.

Правда, дискуссии проходили спонтанно и потому иногда беспорядочно, что объяснялось или малокомпетентностью руководителя или просто его отсутствием, случайным подбором людей, которым нужно было для начала несколько дней, чтобы узнать друг друга, разницей культурного уровня, интересов, часто языковым барьером. В то же время они были местом, где может быть в первый раз определялись и высказывались мнения. Собравшиеся были далеки от единомыслия. Тезе со своим духом и принципом всеобщей терпимости и отсутствия всякого прозелитизма в области конфессиональной и мировоззренческой, привлекает к себе как традиционно религиозных, так и неверующих, католиков, протестантов всех толков и православных, коммунистов и агностиков, политических анархистов и консерваторов. Здесь встречаются различные взгляды и образы мышления, что может быть, помогает, не столько выработке общих принципов, сколько дает возможность расширить кругозор, научиться быть терпимым к чужому мнению и на перекрестке различных взглядов определить свои собственные.

С интересом бродил я от группы к группе, прислушиваясь к толкующим. В одном месте шел специфичный и страстный разговор о положении рабочего класса во Франции и странах бывшего французского владычества. Высказывались "кремольные" взгляды, и если бы не французский язык, то табачный дым коромыслом, бородастое лицо в очках особо радикально настроенного докладчика и общая страстность спора создали бы впечатление, что я присутствую на собрании "Группы освобождения труда" в дореволюционной России.

В другом месте, где расселось, не считая моего русского, которому я так и не смог найти применения, четырехязычное собрание из немца и немки, австрийца, американца, поляка и бельгийца, с медлительностью, происходящей от основательности немца и тугодумия англичанина, а также общим затруднением из-за необходимости перевода на какой-нибудь общий для всех язык, начал дебатироваться вопрос о современном обосновании христианской веры.

В третьем, где был поставлен вопрос, как каждый понимает свою веру, оказалось, что половина собравшихся неверующая, а вторая хоть и верит, но затрудняется объяснить, что это значит.

Но центром и сердцевинкой этого мероприятия был храм и богослужение. На последнее собирались почти все, кажется, независимо от убеждений, таким оно было естественным, притягательным и само собой разумеющимся. Задолго до его начала в храме включалась органная музыка и он наполнялся молящимися. Впрочем я заметил некоторое количество лиц, которые вообще не выходили из храма, не знаю ели ли они вообще, так и сидели все время с соннамбулическим выражением, напоминая мне тех истовых старух-паломниц, которых во множестве можно встретить в православных монастырях. Думаю, что на фоне этого непрочного переходящего палаточного царства храм с его огромностью, каменностью, теплом, горящими лампадами и духом умиротворения, устланный огромным ковром, представлялся подлинным ДОМОМ, скинией собрания. Так и хотелось остаться в нем жить, в его благодатном воздухе, обновляемом троекратной ежедневной молитвой. Я и высказал там мысль, что не следует выставлять молодежь из храма на ночь. Оставаясь в нем ночевать, она как бы ассимилирует веру кожей, порами тела, телесно вживается в религию. Храм из места богослужения, т.е. отвлеченного от жизни пространства, в котором человек пребывает только душой, превращается в священное жилище, к которому все человеческое существо бессознательно питает чувство признательности, к которому тянется всей силой своего жизненного инстинкта, что и отвечает христианскому учению о воскресении тел. Думаю, что православные бабки отстояли Церковь в России от полного исчезновения не благодаря своей отвлеченной вере, а потому, что церковь для них была самым настоящим и подлинным домом, без которого они физически бы зачахли, как страдает и чахнет бездомный человек. И потому те, кто способен после молитвы остаться ночевать в церкви, или проснувшись в ней, остаться ждать богослужения, уже неспособны никогда отказаться от веры: она уже проникла в самое существо, под покровом тьмы незаметно пустила корни в тело и уже нельзя от нее отказаться, не умертвив себя самого. Видя эти молодые тела, которые после коленопреклоненных молитвенных поз, потягиваясь тут же укладывались на полу, мне казалось, что я наблюдаю древнюю, но забытую простоту человека перед Богом, своим Отцом. "Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем... И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником; и возлил елей на верх его" /Быт.28,16-18/.

+ + +

Странное место представляет собой Тезе в этот период смещения и скопления языков. Все время ходишь в некоем непривычном чувстве, что все барьеры между людьми, весь каркас человеческих повседневных отношений с его замкнутостью, скукой, рутинной, расплавился и исчез. Это еще не новое небо и новая земля, но уже полустанок на пути к ним. Знакомства, контакты, беседы, симпатии рождаются сами собой, лезут поверх барьеров языков и условностей. Стоишь, например, в длинной шеренге за обедом. Сзади поют испанцы, угощая всех вокруг вином из кожаной бутылки, из которой надо его выдавливать тонкой струей и смысл в том, чтобы вытянуть бутылку как можно дальше от рта, ловя эту струйку; сбоку с рассудительностью беседуют немцы;

без очереди лезут французы, острят итальянцы, со мной заговаривает англичанка из Канады. Раздающие обед во все горло распевают пожелание "приятного аппетита", кто гудит в губную гармонь, кто трубит, кто бренчит на гитаре, кто бьет в барабан. Мимо, напирая на толпу и прокладывая путь по узкому шоссе, проползает огромный автобус, который все приветствуют - это приезжают испанцы из Мадрида, что явствует из плаката. Девушка в невероятнейшем наряде, в длиннющей и широченнейшей юбке, обвешанная бусами, мне кричит: "Ты православный, я тоже". Оказывается... из Голландии. Называет свое имя, настолько необычное, что я и произнести его не умею, не то, что запомнить. Голландия столь малоизвестная область для советского человека /уж со времен Петра Великого сколько времени прошло/, что единственной, подобающей случаю темой мне представился "Голландский катехизис", который известен даже в России. Оказывается, ничего о нем не слыхала. Узнав, что я из России, вокруг собирается толпа, каждый норовит подунуть, осматривает как диковинку, задает тысячи вопросов. Бегут искать знатока русского языка, так сказать, для солидарности, приводят какого-то парня, учившего его в лицее: знает два слова, которые тут же и выкладывает.

Излишек энергии уходит на пение, особенно по вечерам. Поет везде, все и по-всякому. Где-то поют марсельезу, толпа итальянцев, покачиваясь, поет очень красивую мелодию, которая в переводе оказывается простым "Господи, помилуй"; состороны оврага, где по ночам разжигается большой костер, доносится пение, естественно без слов, "Выходила на берег Катюша".

+ + +

В Святой Четверг все пространство храма и его многочисленных пристроек наполняется до отказа. За вечерней литургией вся эта гигантская толпа верующих причащается. Братья в белых одеждах и "левиты" обносят всех блюдами и чашами с Евхаристией. В Пятницу за богослужением Святым Страстям весь народ поет: "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое воскресение Твое славим". Суббота - ночь бдения, у всех входящих в храм немилосердно отнимаются спальные мешки и одеяла, тонкая перенга тянется от одной двери к другой мимо Распятия, перед которым горит огромная свеча. Свет потушен, церковь освещена свечой и лампадами, тихо огреет, почти нащептывает орган, повсюду фигуры молящихся; кто на коленях, кто распростерт ниц, кто певлет губами, покачиваясь из стороны в сторону, кто читает Евангелие в углу, кто утомившись, дремлет.

Рассветает, храм убирается и праздничной заутрене, но к восьми утра он снова заполнен десятитысячной толпой. "Левиты" обходят всех, раздавая тексты песнопений и свечи. Настоятель общины и вдохновитель всего этого молодежного движения брат Роже зажигает свою свечу и огонь от нее в минуту передается по всему собранию. Хор братьев поет: "Христос воскрес из мертвых", и весь народ пением отвечает: "Аллилуия, воистину воскрес Христос". Община Тезе составила собственный служебник, по которому и совершает богослужение. Кое-что вошло в него и из православной традиции. В частности песнопения в Страстную Пятницу; пение "Христос воскрес" на Пасху. Начинается праздничная служба, вся из ликующего пения, в котором участвуют все собравшиеся. В нее включен обряд пострижения нового бра-

та. Настоятель принимает его обеты: послушания, бедности и безбрачия, и он становится членом общины.

За литургией собравшиеся молятся о соединении всех христиан, о справедливости и мире, о всех угнетаемых, преследуемых, страждущих. Молятся о верующих в странах атеизма... и о всех, и за вся.

Догорают свечи, кончается служба, толпа сгрудилась вокруг настоятеля, дающего каждому пасхальное целование. Народ не хочет расходиться, долго, минут десять, скандирует: "Христос воскрес", потом начинает приплясывать и притопывать и прихлопывать под это пение, переходящее в бурные, продолжительные и оглушительные аплодисменты... Воскресшему Христу.

Праздничное веселье уже переходит в экзальтацию и не останавливается: под пение "Аллилуйя" и "Воскресе" вся эта толпа пускается в пляс и хороводы под огромным тентом и вокруг него. Лица все пьяны от радости и светятся сверхъестественным энтузиазмом. Я попадаю из одного хоровода в другой, на всех языках и на все лады поются пасхальные песнопения. Вдруг вся толпа берется за руки и поднимает их вверх под пение "Христос воскрес" как бы в знак солидарности христианской молодежи всего мира.

Время останавливается. Мне кажется, что я попал на мессианский праздник, о котором говорили пророки, возвещая, что все народы придут славить Бога Израилева. Чтобы как-то упорядочить общее ликование, кое-кто из организаторов управляет толпу рассестись на землю и предлагает разучить какую-либо мелодию, прославляющую Христа на другом языке. В число их одним немцем было предложено включить ради экуменической природы собраний и "Господи помилуй" на русском языке. Не без труда и мучений, толпа пропела "Господи, ~~помилуй~~", пока он читал ектенью о любви и соединении всех христиан, о гонимых и преследуемых за веру, о тех, кто не может в Тезе вместе с молодежью всего мира прославить воскресшего Христа.

Неудержимое веселье затопляло молодежный лагерь во всех его отсеках; гитары, трубы, гармоники, цимбалы и все то музыкальное многообразие, которому и не найти названия, одухотворенное праздничной энергией принялось за работу. Воздух звенел. Прикладывая все усилия воли и время от времени ставя свой портфель на землю и присоединяясь к одной из появившихся групп, я стал медленно прокладывать путь к выходу из лагеря. И хотя объективно день явно склонялся к вечеру, само время как бы расплавилось и исчезло. Вот уже лагерь остался за спиной, я спускаюсь с этой волшебной горы в обывательный мир с его законами и порядками, чтобы сесть в обыкновенный автобус и ехать в серый, буднично-парижский Париж.

Но внутри еще продолжает бушевать пламя, зажженное в Тезе. Вспоминаю картину вчерашней ночи перед Воскресением. У Распятия застыли на коленях юноша и девушка, на спине у казненного по огромной бляхе, на которой написано: "Да благословит Бог это поколение".

СОДЕРЖАНИЕ:

1	ОТ АВТОРА (ИСЛОВЕДЬ).....	3
2	ПРИЗЫВ ФРАНЦИСКА.....	4
3	ПРИЗВАННЫЙ МИР, ЖЕСТОКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.....	9
4	КАК ЭМЕР СБРОСИВШЕ КОЖУ.....	19
5	АМЕРИКА-НАПРАВО И НАЛЕВО.....	25
6	„ДРОЛ-СИТИ“, КОЛОРАДО.....	30
7	ДЬЯВОЛЫ НА МОТОЦИКЛАХ.....	35
8	ПУТЕВКА В АД.....	37
9	ДЕЛО БОЖИЕ.....	44
10	АЛФАЛЬТОВАЯ АРАНЖЕРЯ.....	47
11	РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.....	56
12	ИИСУС ХРИСТОС - СУПЕРЗВЕЗДА.....	74
13	РЕВОЛЮЦИЯ ИИСУСА.....	79
14	„ИИСУСОВА РЕВОЛЮЦИЯ“ В АМЕРИКЕ.....	82
15	ПАСХА В ЦЕРКВИ ПРИМИРЕНИЯ.....	98

